

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2014 | март
интеллектуальный
диалог

krasnoforum.ru

ПОСТСКРИПТУМ к февральскому КЭФ и просто к событиям жизни ● стр. 2-28

ДЕТИ ЛЮБЯТ ЯРКИХ

Инна Щетинина:

● стр. 12

«У меня есть сочинения, которые я отсканировала и повесила на стену, чтобы напоминать себе, для чего я это делаю. В одном из них ребёнок написал «Если бы сейчас при мне Гоголь сжигал второй том, я бы ловил его за руки и выхватывал листы из огня». Для меня — это много».

ЭТО ТАК НЕ ПО-СОВЕТСКИ

Наталья Троицкая:

● стр. 14

«Знаете, в Туруханском интернате плакали, получив книги, говорили: «Мы таких не видели ещё, в руки взять боимся». Все детские учреждения в отдалённых районах края с большой благодарностью принимают литературу».

ПАМЯТЬ ОБ АДМИРАЛЕ

Вячеслав Нескоромных:

● стр. 18

«В советский период все географические названия, связанные с именем Колчака, были упразднены, но в 2005 г. по ходатайству Русского географического общества и постановлению Таймырской окружной думы острову Расторгуева возвращено исходное имя Колчака».

«Система мотивации — зарплата, жильё, социальные гарантии — безусловно, важный элемент. Но нельзя забывать о содержательной части. В науку всё же идут люди, которые хотят реализовать свои идеи, сделать открытия, создать новые разработки. Мы считаем, что важнейшей задачей является построение системы, которая позволяла бы им идею воплощать в реальные дела. Тогда у человека всегда будет выбор: можно остаться в этой системе и осуществить то, ради чего вы шли в науку».

Михаил КОТЮКОВ —
о лучших условиях для работы учёных

● стр. 9

Этот эксперимент вы можете провести и сами. Допустим, вас интересуют итоги какого-то важного события. Забейте в поисковой строке свой запрос. И что же? Десятки, а то и сотни новостей в самых разных СМИ, но исключительно — анонсы. А вот постфактум материалов практически нет, и вам очень повезёт, если найдёте хотя бы один текст с аналитикой и подведением итогов. Прошло — и больше никого не интересует, по крайней мере СМИ. Хотя иногда в оценке не заинтересованы и сами организаторы: одно дело обещать, что всё будет круто, а другое — разбирать, всё ли получилось, и какой в этом был смысл.

Именно поэтому мы решили большую часть этого выпуска посвятить прошедшему в нашем городе мегасобытию — Красноярскому экономи-

ческому форуму. Разумеется, мы не ставили себе задачу охватить все площадки и вынести какой-то вердикт, а выбрали лишь то, что лично нам и каждому из наших корреспондентов было действительно интересно.

Но тема «постфактума» невольно подталкивает к менее логичному, более иррациональному «послевкусию». И здесь мы себя не ограничивали.

Вы поменяли профессию, сменили место жительства? Расскажите, и каково оно? Вы написали книгу — это опустошает или гармонизирует? У вас подросли и разлетелись в разные стороны дети. Вы отметили юбилей. Победили в конкурсе. Подготовили выставку. А теперь позвольте себе порефлексировать.

Сибири брошен вызов

На XI Красноярском экономическом форуме тема развития Сибири звучала в каждом углу, на каждой из 45 состоявшихся дискуссионных площадок и в каждом комментарии журналистам. «Наш форум становится всё более сибирским, — в одном из выступлений заявил председатель Законодательного Собрания Красноярского края Александр УСС. — Если раньше мы решали, нужно ли развивать Сибирь, то теперь обсуждаем, КАК это делать».

В прошлом столетии по вопросу «как?» долго не дискутировали. Ответ был один: осваивать месторождения, выкачивать и добывать. Индустриализация началась с угольного бассейна в Кузбассе, продолжилась новыми заводами, железнодорожным строительством и притоком населения. Нужна была энергия — и на сибирских реках появились Новосибирская, Саяно-Шушенская и другие гидроэлектростанции. А на Ангаре возник целый каскад ГЭС: четыре плотины, последнюю из которых — Богучанскую — строили четверть века!

Кстати, Нижнее Приангарье и тогда, и сейчас привлекает своими залежами. Эту территорию прозвали сибирским Клондайком: за то, что из 70-ти используемых людьми металлов здесь находятся месторождения 63-х. Не говоря про нефть и газ. По исследованиям «Газпрома», газовый потенциал Сибири и Дальнего Востока изучен чуть более чем на 7%. Но даже в таком масштабе регион производит 75% экспорта всей страны. Неудивительно, что в свете таких цифр и таких доводов в 2014 году разговоры об освоении недр ведутся с прежней силой.

Правда, удалось услышать и новые мотивы: без высоких технологий развития Сибири не видать.

Опыт есть

Осваивать — так осваивать, но за чей счёт? По выкладкам участников форума, Сибири и Дальнему Востоку требуются триллионы рублей инвестиций. Таких денег ни в федеральном, ни в региональном бюджетах нет. Последнее звучит особенно обидно для сибиряков. Тот же Красноярский край давно является регионом-донором, но львиная доля доходов с налогов уходит в центр.

Выхода из этой ситуации обнаружили два: привлекать частные инвестиции и открываться для иностранных. Первый опыт в Красноярском крае уже есть в виде громкого проекта по развитию Нижнего Приангарья. Его финансировали по новому тогда для страны принципу государственно-частного партнёрства. То есть над созданием предприятий, строительством высоковольтных ЛЭП, подготовкой ложа водохранилища, масштабным переселением, строительством дорог,

мостов, жилых домов, больниц, школ и детских садов — власти и бизнесмены работали сообща.

Проект ещё не завершён, но может считаться удачным. Вот всего несколько фактов: на карте края появился город гидростроителей Кодинск, через Ангару в Эвенкию протянули самый длинный в крае мост, а ухабистую дорогу от Канска до Кодинска уложили асфальтом на протяжении 140 километров. Более пяти тысяч человек переехали из полузаброшенных или отдалённых деревень в города края и Хакасии, многие выбрали места поближе к родственникам. Сейчас достраивается алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс. А на нынешнем форуме Богучанский алюминиевый завод выразил готовность трудоустроить ещё три тысячи красноярцев — вдобавок к тем двадцати тысячам человек, которые уже получили работу на стройках Нижнего Приангарья. За рубежом такие территории давно осваивают с помощью частных инвесторов.

«Мы забываем, что наиболее богатые ресурсами регионы стран, находящихся с нами в приблизительно одинаковом положении (западное побережье США, Канадская, Британская Колумбия, Канадская Северная территория, Аляска), особенно активно развивались за счёт частного бизнеса, — докладывал директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав ИНОЗЕМЦЕВ. — Они именно развивались, а не были развиваемы федеральным правительством Канады или США».

В России примеры сотрудничества бизнеса и власти до сих пор не вошли в обиход. По всей стране насчитывается всего 79 таких программ, причём масштабу проекта Нижнего Приангарья они значительно уступают. Зам-

министра регионального развития России Михаил КРУК пояснил, почему далеко не всем проектам уготована такая судьба: «За прошлый год мы просмотрели 1200 инвестиционных проектов. В основном, это «хотелки». Лишь порядка 200 являются привлекательными для инвестиций. И из них только 38 проектов с небольшими поправками были приняты финансово-кредитными учреждениями к финансированию».

Окно в Сибирь

На одном из заседаний КЭФ была озвучена до сих пор крамольная для сибиряков мысль: нужно пустить на эту землю иностранцев. Позволить им строить предприятия на нашей территории. Эксперты красноярского форума в один голос утверждали, что «не стоит опираться только на национальных игроков рынка» и приводили в примеры страны Азии и Индокитая, которые развивались за счёт привлечённых инвестиций.

«Любой, кто приходит и вкладывает миллион, миллиард или любое количество долларов в нашу инфраструктуру, в предприятия, создаёт рабочие места в России и платит в России налоги, это — российский инвестор. Так же, как наши замечательные парни, выигравшие в Сочи, — это российские парни, несмотря на то, что они приехали из Кореи и Америки», — утверждал Иноземцев, вызвав улыбку у сидевшего в зале «золотого» сноубордиста Вика УАЙЛДА.

Для иностранных компаний на территории Сибири выглядят привлекательно малая энергетика, нефтехимия, глубокая лесопереработка и водоочистка. Но, как ни парадоксально, вкладывать в «целину», даже плодородную, выгодно не каждому инвестору. Нужен

рынок и хоть какая-то инфраструктура. В частности, нашему государству посоветовали облегчить налоговый режим, изменить ограничения для иностранных инвесторов, дать возможность разрабатывать месторождения полезных ископаемых, строить и приобретать в частную собственность трубопроводы, нефтепроводы, газопроводы, элементы транспортной инфраструктуры, строить частные аэропорты для развития региональной авиации и т.д.

И, конечно, поменьше бюрократии. Интересный в этом смысле пример привёл директор Института горного дела, геологии и геотехнологий СФУ Владимир МАКАРОВ: «У нас на то, чтобы получить лицензию на участок для поиска месторождений, уходит 2,5–3 года. В Канаде или Австралии это получается за 2–3 недели».

Однако об инвесторах. Пока на весь Дальний Восток приходится лишь 5% прямых иностранных инвестиций, на Сибирь и того меньше — 4%. В то же время доля Москвы и Московской области подскочила с 25 до 45%. И сами иностранцы говорят, что перераспределить акценты в сторону богатой залежами Сибири будет не так-то просто.

Министр экономики южнокорейского Посольства в России Пак Бён Хван: «Два года назад российская сторона предложила нам список проектов по развитию Дальнего Востока. Но они оказались не проектами с технико-экономическими основаниями, а просто справками. Как можно рассматривать возможность инвестирования, имея недостаточную информацию?»

Иностранные инвесторы — не благотворители. Страна приглашает инвесторов, потому что ей выгодно. Но если хозяин игнорирует интересы гостей, то они к такому хозяину не придут».

Завершил господин Хван ещё эффективнее: «Честно говоря, мне надоело слушать об огромных ресурсах России. За эти ресурсы вам просто благодарить надо ваших великих предков. Всё».

Мысль о том, что будущее не в полезных ископаемых, а в том, как ими управлять, поддержал и декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Сергей КАРАГАНОВ: «Мы почему-то

решили, что будем разрабатывать только минерально-сырьевые ресурсы. И все с этим согласились, хотя ещё месяца три тому назад доминировали заявления, что Сибирь и Дальний Восток должны стать центрами высокотехнологического обрабатывающего производства. Напомню вам, что на этой территории есть уникальный возобновляемый ресурс — вода. А значит, нужно развивать производство многих видов нефтехимической промышленности. Есть фантастические условия для развития морекультуры как в реках Сибири, так и на Дальнем Востоке. Об этом мы даже и говорить не хотим».

Меньше слов, больше дела

Традиционно форум не ограничился разговорами об инновациях, инвестициях и ресурсах. За три дня его участники подписали 28 соглашений. К примеру, промышленный парк Железногорска получил двух новых резидентов. Теперь на его базе будут производить коронарные стенты для исследований кровеносных сосудов и кардиохирургии, а также системы тестирования качества сборки батарей, которые используются в авиационной технике, гибридных и электромобилях. Другой инвестор планирует сделать 100-миллионное вложение в создание в Красноярске производства поликерамопласта. Продукцию, заменяющую во многих случаях металл и полимеры, планируют сбывать не только в России, но и в Азии и Европе.

Одним из самых значимых стало соглашение между краевым правительством и компанией «Русская Платина», связанное с освоением севера Сибири. Инвесторы возьмут на себя проект по добыче и обогащению руд Черногорского месторождения, а также запуск горнодобывающего предприятия. Если измерять в рабочих местах, то это как минимум 7 тысяч вакансий.

А вот американская компания USNR поможет решить вопрос не количества кадров, а их качества. Мировой лидер по производству лесопильного оборудования пообещал уже к осени открыть на базе Дивногорского лесхоз-техникума учебный центр с новейшим оборудованием и компьютерными стимуляторами. Здесь будут готовить специалистов для высокотехнологичных лесоперерабатывающих производств.

На КЭФ-2014 прозвучало и много намерений. Холдинг «Аэропорты регионов» поможет «Почте России» работать быстрее. Государственная транспортная лизинговая компания планирует поставлять в край различ-

ные виды транспорта, в том числе в парк воздушных и речных судов. А ещё появится единая база данных об источниках негативного воздействия на окружающую среду, расположенных на территории Красноярского края. С её помощью станет легче узнавать, откуда же на нашу землю приходит смог.

Куда катится мир

Пока на главных площадках форума решались задачи региона, Юрий АММОСОВ, советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ, строил планы на ближайшее будущее для всего мира. Круглый стол с его базовым докладом «Четыре мобильности — вызовы миру и России, 2015–2030 годы» широко анонсировался, и оказалось, не зря.

Аммосов говорил о так называемых мобильностях, которые в следующие 15 лет будут определять основные направления развития мира. По словам докладчика, уделив им внимание сейчас, можно захватить лидерство в мировой экономике через несколько лет.

К примеру, прозвучал прогноз, что подавляющее большинство жителей Китая останется без работы и выйдут на улицы. А производство вернётся, наконец, в развитые страны. Это связано с активным развитием трёхмерной печати и робототехники. Дело в том, что в этом году истекает патент на SLS-технологии, то есть 3D-печать из пластика, металла и керамики. И уже через шесть лет, предсказывает Аммосов, на 3D-принтерах можно будет создавать продукцию таких товарных групп, как сантехника, посуда, мебель и игрушки. При этом для входа российских дизайнеров на такой необычный рынок сейчас нет никаких барьеров: вполне возможно, что именно Россия станет здесь лидером.

Что касается интеллектуалов, то они ещё больше будут мигрировать по планете в поисках успешной работы

и самореализации. В первую очередь это относится к специалистам сферы науки, технологии, инженерного дела, математики — их катастрофически не хватает в западных странах. Понимая это, власти США уже к концу 2014 года запускают реформу, которая значительно облегчит эмиграцию для представителей этих сфер. По предварительным оценкам аналитического центра, для России это означает отток до 27 000 специалистов.

Мигрировать по миру начнут и студенты — ещё одна мобильность. Полное высшее образование можно будет получить дистанционно — через Интернет, при этом без потери качества и статуса. Как отметил Юрий Аммосов, это очень мощное обещание для молодых людей, ведь это позволит студентам третьих стран получить лучшее образование. После такого переворота в мире останутся лишь ТОП-100 лучших вузов, остальные закроются. Миллионы студентов не будут привязаны к определённому месту и рассредоточатся по всему миру.

«Ещё в 2015 году тезисы моего выступления будут восприниматься как отчаянная фантазия, но в 2040 году сказанное будет выглядеть так же смешно, как смешно сейчас выглядят фантастические фильмы, снятые в 50-х или 60-х годах», — резюмировал Юрий Аммосов.

На форуме было сказано и повторено не один раз: России есть куда и как развиваться, главное — выбрать правильный путь. И во многом этот выбор зависит от того, чем станет Сибирь — эти 60% нашей страны. Как высказался один из участников Красноярского форума, мы должны стать европейской страной, а не сырьевым придатком Азии. Но даже в первом случае хотелось бы, чтобы сибирский регион новой России сохранил свой внутренний мир, чтобы этот новоиспеченный «европеец» не утратил свой неподражаемый русский менталитет.

Елена НИКОЛАЕВА

КОММЕНТАРИЙ

Комментирует Игорь СЛЮНЯЕВ, министр регионального развития РФ:

— Среди источников роста для России, которые мы искали с остальными экспертами КЭФ, Сибирь займёт ключевое место. Если взять структуру доходов Российской Федерации, то 8,7 триллионов рублей мы получаем от экспорта наших минерально-сырьевых ресурсов. Это та самая экспортная валютная выручка. И я считаю, что необходимо более активно финансировать проекты в Сибири и на Дальнем Востоке.

Подходов к этому источнику роста много, они неоднозначные. Нам чрезвычайно важно понимать, где мы находимся, что происходит вокруг нас — я имею в виду внешний мир, и каковы наши цели. Через выстраивание стратегии и системы приоритетов, через надлежащее ресурсное обеспечение мы должны определить для себя перспективные точки роста и стать конкурентными в быстро растущем современном мире. В чём проблема Сибири? Обладая колоссальными природными богатствами, она находится между динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона и достаточно развитыми государствами Европы. Нам нужно не потеряться в этом окружении.

Но сегодня сырьевая привлекательность Сибири — не единственная. Очень важен человеческий фактор. Ведь наша стратегия нацелена на простую, в общем-то, вещь — повысить уровень качества жизни. Всё, что мы делаем — делаем ради людей. Люди должны достойно жить на своей земле, получать хорошую заработную плату, спокойно растить детей.

Очень важно и сохранять первозданную природу Сибири. Вопросы экологической обстановки звучат всё чаще, и чтобы среда обитания была комфортной, нужно не только на этой среде зарабатывать, не только извлекать и перерабатывать минерально-сырьевые ресурсы, но и беречь природу. Экологические стандарты в Сибири, как, впрочем, и во всей стране, должны быть самыми жёсткими. Их возможно и необходимо соблюдать!

25 НОВЫХ СТОЛИЦ

Двести экспертов два года работали над концепцией «Стратегия XXI», презентация которой состоялась накануне КЭФ в Сибирском федеральном университете. Разработка велась неправительственным общественным объединением «Совет по внешней и оборонной политике». Политолог Сергей КАРАГАНОВ говорил об этом проекте, предложенном ныне на всеобщее годовичное обсуждение, с трепетом и любовью. Пока в стратегии 10 глав, но будет 13-14, работа продолжается. И, похоже, столичные эксперты и аналитики (представленные преимущественно Высшей школой экономики, по крайней мере те, кто презентовал концепцию в Красноярске) высказывают здесь свои излюбленные идеи и представления о том, куда развиваться России в XXI веке.

По словам Караганова, «Стратегия XXI» — в том числе и попытка втянуть в диалог российские элиты, которые ныне катастрофически разделены и бегут от созидательной работы. А на повестке стоят три основные проблемы. Первая — страна 20 лет не занималась развитием людей, и сегодня вынуждена констатировать: мы допустили ухудшение образования, ухудшение здоровья, ухудшение нравственности народа.

Вторая: массовая приватизация была проведена с нарушением норм, что в результате не привело к появлению морально-легитимной собственности. 75 процентов населения считает, что её нужно национализировать. Без создания системы защиты частной собственности наш бизнес вынужден либо выводить капиталы за границу, либо «жениться» с властью. Отсюда — коррупционность и непатриотизм элиты. Так что легитимизация частной собственности — задача номер два (а для кого-то и номер один).

И третья: во время перестройки ошибочно решили, что индустриализация не нужна. А конкурентная борьба стран ужесточается. И побеждает тот, кто имеет более качественных специалистов, в том числе в сфере производства.

Начиная с детского сада

Именно потому, что человеческий капитал становится главным конкурентным преимуществом стран, первый блок стратегии посвящён образованию и культуре. Представлял этот раздел доктор экономических наук Лев ЛЮБИМОВ (ВШЭ). Лев Львович своим выступлением задел за живое всех. Потому что хотя первыми тезисами этого раздела являются лозунги «Учитель — герой России» и «Главная миссия школы — формирование Личности», сегодняшнее положение дел свидетельствует о том, что образование у нас провалено, причём на всех ступенях — от детского сада до вузов.

Детский сад проваливает:

>> социализацию — дошкольники должны понять своё место, роль в семье, в подъезде, в детском коллективе; а наши дети не наделены ника-

кими функциями, не включены ни в какое дело;

>> развитие устной речи — дети к семи годам знают 3 тысячи слов, а должны вдвое больше;

>> развитие анализаторов сенсорной системы — т.е. ребёнок получает сигналы, но не умеет их интерпретировать.

В итоге 90% детей не готовы к 1 классу.

Следующая ступень, начальная школа, проваливает коммуникационное поведение. В идеале ребёнок должен к 5 классу стать профессиональным читателем (любить чтение), писателем (в столице есть единичные школы, где дети заканчивают начальные классы с набором сочинений в 1500 страниц, можно хоть отдельной книгой издавать), оратором. Не освоив этих основных компетенций, дети становятся недоинтеллектуалами.

Средняя школа проваливает билингвизм (иностранным языком можно овладеть, если у вас 5 уроков в неделю, а не два, иначе нет и смысла учить), понятийно-абстрактное мышление, мотивацию на обучение и совершенствование.

И вот самый страшный вывод: все эти навыки, недополученные в своё время, не восполняются в другие возрастные периоды, т.е. утрачиваются навсегда.

В старших классах, когда провалено всё, включаются пожарные механизмы репетиторства, единственный смысл которого — подготовить к ЕГЭ и поступлению в вуз.

При всей убийственности такой оценки начального и среднего образования здесь хочется сделать небольшую ремарку. Академик В.В. ШАЙДУРОВ, несколько лет проработавший в Китае, выступая в СФУ, говорил о том, что на первых курсах китайские студенты значительно уступают русским сверстникам. А вот выпускники китайских вузов чаще

всего уже значительно превосходят новоиспечённых российских специалистов. Получается, вузы проваливают свой сектор цепочки образования гораздо больше, чем школа.

Верните литературу!

Главным инструментом исправления этой ситуации эксперты считают существенное изменение программ гуманитарного цикла в школе. От них напрямую зависит развитие личности. Первое из условий: воспитать у ребёнка способность познавать себя и переживать за *другого*. Это миссия литературы, в первую очередь, русской классики.

История продолжает работу, начатую словесностью: дарит чувство причастности к судьбе Отечества, включает в сопереживание исторического опыта других народов.

Третье условие — участие школьника в созидании собственного социального опыта. Без всеобщей гуманитаризации школьной жизни и школьного знания этого не достичь.

Далее — пора заново выстроить учебные основы детского туризма — от походов по родной губернии до посещения Москвы и Петербурга. Только так мы закрепим в сознании цельный образ Родины, история которой не абстракция, а жизненное переживание, воплощённое в природе и архитектуре, — говорят авторы Стратегии.

Наконец, гражданина формируют не монологи учителя, а ежедневная ответственность, обязанности школьника в семье, в подъезде, во дворе, в микрорайоне. Всё это может организовывать школа вместе с родителями. Повзрослев, он «шагнёт» в Отечество как гражданин, а не иждивенец, как патриот России, а не временно в ней прописанный.

Преодолеть кризис образования, по мнению Л. Любимова, помогло бы

и объединение детских садов со школами — как это делает руководитель департамента образования города Москвы Исаак Иосифович КАЛИНА. Объединять в профессиональные корпорации следует и сами школы, «и тогда у вас будет не два физика, а десять, а это уже предметное сообщество», которое с гораздо большим успехом может решать задачи повышения качества преподавания.

Под кроной кедра

От образования перешли к культуре. Именно она даёт нам надежду на возрождение.

Чем всегда характеризовалась русская культура? Она была о *человеке* и о царстве правды. В ней заложена уникальная способность к самообновлению после толчка. И почва её благодатна, буквально воткни палку — вырастет кедр.

Если попробовать углубиться в эту тему и посмотреть сам текст этого раздела Стратегии (основной автор — В.А. КУРЕННОЙ), то мы находим ещё более убедительные аргументы в пользу того, что на русскую культуру можно опираться в развитии страны. Ею создана своеобразная матрица, которая продолжает воспроизводить себя из поколения в поколение.

Матрица русской культуры определяет: успешность штучных проектов; склонность к прорывным решениям; способность к постоянному самообновлению; умение вписать в традицию всё наиболее авангардное и актуальное, что есть на свете; лидерский характер образования; но и увы — трудности с конвейерными, обезличенными технологиями. Высокая культура обеспечивает единство национальной истории поверх идеологических барьеров и государственных границ, включая эмиграцию. И эта культура не превратилась в ностальгический миф, она по сей день сохраняет конкурентоспособность на мировом культурном рынке.

Если с образцами всё обстоит как минимум неплохо, то на уровне культурных практик наблюдаются сплошные системные сбои. Наследие советской власти — формирование альтернативной культуры с её подпольной логикой. А продукт перестроечного рынка — хищнический индивидуализм, законы стаи (банды), ксендифобская риторика, ложь как норма существования.

Результат — деформированная система ценностей общества. Ей присущи три черты:

1) массовый патернализм, инфантильное иждивенчество, особенно в моногородах;

2) как следствие — рост шкурного индивидуализма под прикрытием коллективистских лозунгов, неспособность к любым формам солидарного поведения и самоорганизации, социального компромисса, недоверие как норма выживания;

3) извращённые формы сообществ — теньевые, нелегальные практики, основанные на распаде традиционной морали, культуре бытового насилия и отрицании публичной нормы.

Авторы ставят перед обществом такую долгосрочную цель: избавиться от культурного иждивенчества и патернализма, одновременно вернуть доверие к государству со стороны активных групп населения, используя управленческие методы:

▶ поэтапно перераспределять ответственность за культурную инициативу в пользу органов местного самоуправления,

Л. Любимов и В. Рыжков в СФУ

► поддерживать (особенно в крупных городах) позитивные культурные проекты локальных сообществ,

► вести среди руководителей всех звеньев пропаганду культуры как естественной нормы и условия развития.

Развитие творческого потенциала личности должно стать одной из целей наращивания социального капитала страны. А формула проста: от маленького писателя/актёра/исполнителя/режиссёра к большому читателю/зрителю/слушателю.

В этой связи эксперты предлагают даже рассмотреть возможность наделения Министерства культуры политическими функциями, передав в его ведение школьное образование/воспитание и превратив в Министерство культуры и просвещения.

Резюмируя этот блок словами Л. Любимова, можно сказать: чтобы «кедр» начал расти, надо защитить массовую культуру от рынка, создать оптимистический контент и доурбанизировать всё, что неурбанизировано (а вот этот тезис, что все наши деревни и сёла — это анклавы антикультуры, довольно спорный).

Региональная держава

Тему развития территорий продолжил общественный деятель Владимир РЫЖКОВ. Он напомнил, что все успешные модернизации XX века — Китай, Бразилия, ФРГ, Индия — осуществлялись с опорой на регионы. Российская гиперконцентрация на Москве и Петербурге (финансовая, интеллектуальная, инвестиционная) становится просто опасной для существования страны. Поэтому «Стратегия XXI» для начала — против проекта «Большая Москва».

Далее Рыжков подчеркнул, что развитие регионов зависит от уровня образования в них («например, Алтайский край до появления в нём университета и после — это земля и небо»). Поэтому не 9 федеральных университетов, а десятки нужно открыть по стране.

Размах предложений авторов Стратегии уж в регионах-то точно вызовет сочувствие. Создать 25 новых столиц (Красноярск, разумеется, будет одной из них), 10 опорных ресурсных центров, 10 инноградов на базе ЗАТО. Сократить федеральный бюджет на 10%, увеличив бюджеты регионов на 15%. Малонаселённые территории Сибири и Дальнего Востока для придания динамики связать такими же скоростными магистралями, как Москва и Петербург.

С. Караганов: «Я всегда пишу о том, что если бы Пётр был сейчас, он бы создал столицу не на болотах, а в районе Владивостока. Так что ждём своего Петра. Этот вопрос надо долбить, и он уже приносит результаты: принято решение, что несколько министерств и офисы ряда крупных компаний будут перенесены на Дальний Восток. Это уже шаг в необходимом направлении. Речь идёт не только об экономическом, а о ментальном повороте».

Сегодня неравномерность развития регионов — гигантская. Скажем, Тыва и Урал — это как две разные страны. Кстати, создание новых центров развития может даже усилить эту диспропорцию, но с другой стороны — создаст точки роста. И в этом заключается мастерство центра: не упустить слабые регионы, но сильным — помочь.

Многое зависит и от управле-

С. Караганов выступал на всех площадках КЭФ

ния на местах. По словам Рыжкова, самый любимый вопрос на пресс-конференциях по региональному развитию: как оценивать губернаторов? А оценивать их просто, всего лишь по двум критериям: как обстоят дела в регионе с развитием человеческого капитала (= качество жизни) и насколько благоприятный создан здесь предпринимательский климат (= инвестиции).

В яростном мире

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор ЛУКЪЯНОВ подчеркнул парадокс: всегда стратегии начинают с определения внешних координат, а в «Стратегии XXI» эта глава последняя. В том числе потому, что позиции стран на международной арене в будущем станут зависеть от способности решать внутренние проблемы.

Кроме этого тезиса отметим у докладчика ещё только два выска-

зывания: «закрытость государства несовместима с развитием» и «сохранение статус-кво автоматически означает скольжение вниз».

Надо сказать, именно международный раздел вызвал наибольшее количество корректировок со стороны экспертов «Сибирского клуба», на заседании которого представлялась Стратегия. Так, доцент СФУ А.В. БУТЕНКО резонно заметил, что выстраивая собственную стратегию, нужно обозначить других игроков и те коридоры возможности, которые их политика нам предоставляет. Например, заявление, что «эра нефти закончилась, наступает эра газа» — как России следует действовать с точки зрения этого сюжета? Или вот США сейчас очевидно следуют стратегии создания очагов управляемого хаоса, а стратегию Китая можно обозначить как «приобретение ресурсов в обмен на построение инфраструктуры». Наша стратегия должна определяться в том числе с учётом установок других

стран. В 2011 году швейцарская исследовательская группа в Цюрихе опубликовала доклад, согласно которому лишь 148 компаний-монстров мира владеют 40 процентами всего мирового ВВП. Обсуждать стратегию развития страны без отношения к этому влиятельному ядру — несерьёзно.

А директор Центра стратегических исследований и разработок СФУ В.С. ЕФИМОВ поднял такой философский вопрос: «У нас оказалась неразвита внутренняя связанность. Страна — как дырявый пузырь, из которого всё вытекает: деньги, мозги, ресурсы. Получается, люди не хотят вкладывать в себя и в свою Родину. Так где золотая середина открытости и концентрации?».

Именно здесь уместно назвать то, что можно рассматривать как основу для возрождения национальной идентичности. Причём, по словам С. Караганова, над идентичностью думать предоставили молодым участникам проекта. Этим и ценен результат: с чем в России себя готова идентифицировать сама молодёжь?

► Частью идентичности является то, что мы хотим быть великой страной.

► Фактором национального возрождения может стать идея экологии.

► Основа восстановления идентичности — историческая память.

► Можно пробовать выстроить идентичность не через славное прошлое, а через великое будущее: вот к чему мы идём, вот какая грандиозная задача нас объединяет. Правда, никто пока не предложил убедительного и приемлемого для большинства образа будущего.

Дмитрий ФИЛЬКО

В какой-то степени продолжением презентации «Стратегии XXI» стала состоявшаяся на следующий день в СФУ публичная лекция Сергея Караганова «Мир вокруг России. Основные тренды». Студенческая аудитория была полна, а лекция читалась впервые, так что интерес и эксклюзив вполне соответствовали друг другу. Представляем здесь некоторые тезисы докладчика.

>> Мы боимся вызовов и угроз, но мало говорим о возможностях. Понимание, куда идёт мир, позволяет использовать эти тенденции.

>> В 90-е годы сошёл ряд факторов, которые дали миру уникальную возможность для роста. Рухнул коммунизм, в том числе в Китае. Китай открылся миру и как рынок, и как производитель. Постсоветский рынок влил в мировую экономику полмиллиарда дешёвой рабочей силы и потребителей. Информационная революция сделала экономику гораздо эффективнее. Расцвела свободная торговля.

Но сливки сняты. Все эти факторы перестают работать с той же интенсивностью. Технологические прорывы также не дадут качественного роста. Загрязнение среды становится реальным ограничителем развития экономики.

>> В борьбе за инвестиции мы вели себя безалаберно. Мы одновременно экспортировали деньги,

ресурсы и таланты — этого никто в мире себе не позволяет.

>> Цены на водоёмкие и энергетические товары будут расти — а у нас тут преимущества.

>> Спрос на продовольствие растёт 3-4% в год.

>> Никогда человек и отдельные группы не имели такой возможности влиять на окружающее.

>> У Достоевского есть фраза: «Ну вот я наелся, а дальше-то что?». Весь мир сегодня в этом положении.

>> Ценностный вакуум заполняется либо потребительством, либо информацией, большая часть которой бессмысленна, но даёт видимость причастности. Либо вакуум заполняется бесами.

>> Социальное неравенство растёт везде. Последние 40 лет разница между рабочим и управляющим в Америке увеличилась в 10 раз. Условно говоря, если он получал в 10 раз больше, то теперь — в 100.

>> Источник неравенства — уровень образования. В хорошем детском саду в Америке плата за обучение ребёнка выше, чем за обучение в Гарварде. Так что даже во внешне благополучных странах люди одинаковых способностей имеют неравные возможности. Это причина будущих социальных столкновений.

>> Рост числа стариков также будет вести к кризису социального государства и росту радикализма.

>> Венецианские купцы в 14 веке говорили: «Тот, кто контроли-

рует Малаккский пролив, держит руку на горле Венеции». Геополитические представления всегда были ключевыми, и сегодня мы наблюдаем возвращение трёх «г» — геополитики, геоэкономики, геостратегии.

>> Было время, когда казалось, что значение территорий сводится к нулю, и они становятся не активом, а пассивом. Казалось, мир перешагнул национальные государства, им управляют транснациональные корпорации, — но ничего этого не произошло. Казалось, наша зависимость от природы стала незначительной — но мы уязвимы.

>> Важнейший тренд — военно-стратегическая конкуренция. Даже Япония вооружается. Перетратиться на оборону так же опасно, как недотратиться.

>> Рационализация происходит даже в Европе, что не очень приятно, потому что дважды чуть не привело мир к самоуничтожению.

>> На первый план выходит экономико-технологическое соревнование. Кто способен быстро адаптировать технологии — выигрывает конкуренцию. Производит США и Сингапур, но адаптирует Китай.

>> Второе направление конкуренции — идейно-информационное. Навязывание своих правил и представлений — становится главным. Когда играют по твоим правилам — ты выигрываешь.

Человек как национальная

Сохранение и возрождение народа, повышение его образовательного, культурного и нравственного уровня или, говоря принятым сегодня бесстрастным языком экономики, развитие «человеческого капитала» — вот идея, претендующая в настоящее время на статус национальной. Осмыслить это можно лишь преодолев определённое эмоциональное замешательство, вызванное пониманием того, что на такой статус подобная идея может претендовать только в самом крайнем случае. А именно — когда все остальные отпадают сами собой перед угрозой утраты основания для использования прилагательного «национальная».

Угроза эта вполне реальна, но к счастью, пока преодолима. Об этом и шёл разговор на одном из круглых столов недавно прошедшего Красноярского экономического форума, где среди прочих участников выступил заместитель научного руководителя Высшей школы экономики Лев Львович ЛЮБИМОВ. Своими впечатлениями от этого выступления с читателями газеты поделился председатель Союза промышленников и предпринимателей Красноярского края Михаил Геннадьевич ВАСИЛЬЕВ.

— Признаться, первая реакция на это выступление была шоковая. Не потому, что мы не знали о катастрофическом снижении уровня образования за последние двадцать лет, а просто докладчику удалось исключительно ёмко и выпукло продемонстрировать нам весь драматизм ситуации. До сих пор у нас, и у меня в том числе, сохранялись какие-то иллюзорные представления о наших трудовых ресурсах и нашем грамотном, хорошо образованном народе. И это несмотря на то, что отголоски, идущие «с поля боя», подавали совсем другие сигналы. Казалось, что это временные трудности, и всё вот-вот образует. Но понемногу приходило, не в состоянии заменить тех, кто уходит.

А всё потому, что качество подготовки обучающихся не соответствует не только сегодняшнему дню, но и дню вчерашнему. И это начиная с детского сада. Чего стоит один только факт, что словарный запас нынешних выпускников детского сада в два раза меньше, чем у их сверстников двадцать лет назад!

Если ещё в начале девяностых ребёнок, поступая в школу, мог свободно формулировать свои мысли, используя шесть тысяч слов, то сегодня он знает только три. Но и этими тремя оперирует с трудом, не имея достаточных навыков для изложения своих мыслей.

А ведь мы знаем, что язык и навыки его использования закладываются в первые годы жизни. Позднее восполнить образовавшиеся пробелы будет очень сложно. Если вообще возможно.

Слушать всё это было достаточно грустно. Но мероприятие проводилось, конечно, не для того, чтобы нас напугать. Главное внимание было всё же уделено реперным точкам, позволяющим выровнять ситуацию в российском образовании и начать отстраивать его дальше.

— Но не все из названных точек очевидны. А какие-то даже и спорны. Например, как вы оцениваете высказывание профессора Любимова о том, что массовый характер высшего образования, сравнимый с США и Европой, России приносит только вред, и что наша реальная планка (в смысле потребности в квалифицированных специалистах) пока ниже Бразилии. А потому какую-то часть вузов надо закрыть?

— Возможно, это и правильно. В этом вопросе я не считаю себя специалистом, а потому не берусь судить. Но от имени потребителей, то есть промышленников, могу сказать, что найти нужного специалиста у нас, тем не менее, не так-то просто. И это несмотря на то, что мы в своих потребностях «ниже Бразилии».

Есть у вопроса и другая сторона: а куда девать эти сотни тысяч ребятшек, которые, не попав в вузы, окажутся на улице? Профессии у них нет, и рынок их не подберёт. Армии они тоже в последние годы не очень-то нужны. Например, только у нас в крае в этом году взяли меньше новобранцев, чем было возможно.

К тому же есть серьёзный риск оголить регионы. Всем понятно, что наиболее крепкие вузы сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге. Но в этих городах живёт 10-15 процентов населения. А все остальные живут там, где вузы надо бы закрыть в связи с их несостоятельностью.

В то же время правомочен и вопрос, который задают ректоры эффективных вузов — почему на бюджетное место может претендовать человек, набравший по ЕГЭ минимум баллов? А это происходит при наборе

на отдельные специальности. Причём в условиях, когда делимый вузами бюджетный «пирог» относительно невелик, и в ближайшие годы его увеличения ждать не приходится. Так что утилитарный подход здесь вполне понятен.

— Но в Европе тоже произошёл рост университетов. Где был один — стало пять. Правда, там это показатель улучшения качества общества, которое может себе позволить поддерживать и воспроизводить население, имеющее хоть какую-то тягу к знаниям. При этом эта группа наиболее социально устойчива. А разве у нас нет потребности в увеличении количества социально-устойчивых граждан?

— Эту устойчивость, подозреваю, Европе в основном обеспечивает бакалавриат. Он там повсеместен. А вот магистра можно получить лишь в десятках университетов. Так же и в США. В любом городе есть университеты, в которых можно получить хоть какой-то уровень знаний. А вот для следующей ступени уже надо куда-то ехать.

Справедливости ради надо сказать, что Любимов назвал массовое распространение в России высшего образования уже случившимся и исторически необратимым фактом. Упор в обсуждении делался на то, как избежать снижения качества высшего образования. Как избежать его имитации, получившей в России широкое распространение. Важно именно это.

А в том, что сегодня во всех слоях общества высшее образование воспринимается универсальной установкой на пути к преуспеванию, думаю, вреда нет. Тем более беря во внимание эту самую социальную устойчивость.

На мой взгляд, сейчас надо понять другое. Посмотрите на Европу. Там уже сегодня ощущается острейшая нехватка специалистов в сфере науки и технологии. Так что не всё упирается в количество университетов. Можно и при их изобилии иметь дефицит кадров. У нас, как я уже сказал, происходит то же самое. Университетов много, а попробуйте найти необходимых специалистов. Мне даже кажется, что вырастить их в нужном количестве в ближайшее

время самостоятельно у нас не получится. Думаю, придётся привлекать со стороны. И, конечно, необходим пересмотр списка специальностей, которые должны в первую очередь соответствовать потребностям региональной экономики.

— В этой связи, Михаил Геннадьевич, хочется вспомнить прозвучавшее на круглом столе предложение вернуть вузы федерального подчинения, расположенные в регионах, в местную юрисдикцию. Правда, с оговоркой обязательного сохранения их общенационального статуса.

— Да, это было сказано. Более того, отмечалось, что университеты не только должны вносить решающий вклад в региональную экономику, но и влиять на развитие местного общества. Конечно, среди аргументов был и тот очевидный факт, что на местах лучше видно, кого и для чего готовить. Но надо признать, что это «видно» очень зависит от первого лица.

Вообще, ректор вуза и попечительский совет, на который он должен опираться в своей деятельности, — это два ключевых института в системе высшего образования. А потому отбор ректоров и принципы формирования попечительских советов — это вопросы, требующие первоочередного осмысления. Убеждён, отставные политики не должны становиться ректорами, как это зачастую происходит. Не должны ими быть и чиновники. И ни в коем случае политику в образовании не должно определять министерство. Это всего лишь исполнительный орган. И министр не должен быть здесь идеологом. Его задача организовать эффективное освоение ресурса, выделенного под развитие, направление которого определило ректорское сообщество.

Понятно, что при таких полномочиях ректорского сообщества должны существовать реальные возможности для его независимой внешней оценки. Только в этом случае можно будет говорить о качественных изменениях в образовании.

«Мониторинг вузов не должен проводиться под наблюдением и с участием «ведущих вузов страны» — статус, который не расширяруется. Мониторинг «объекта» не должен проводиться непонятно как выделенной частью его самого». (Из представленной на 11-м Красноярском экономическом форуме Советом по внешней и оборонной политике «Стратегия XXI», глава 2. Образование).

— Михаил Геннадьевич, говоря о качестве высшего образования, невозможно не вспомнить о его связи с наукой, с передовыми научными исследованиями. В зарубежных университетах, где преподавание зачастую есть лишь продолжение исследовательской работы, эта связь существует. У нас же её нет. Да, собственно, по настоящему никогда и не было.

— Согласен. Но исключения, конечно, были. Например, мне посчастливилось учиться в новосибирском Академгородке. Там модель, объединяющая образование и науку, была реализована с самого начала. По сути, университет был составной частью научного центра. Как правило, преподаватели университета были штатными сотрудниками Академии наук. И это сильно отличало университет

ИДЕЯ

в Новосибирске от других сибирских вузов.

Убеждён, современный университет должен обязательно заниматься фундаментальными исследованиями. Преподаватель университета должен быть вперёдсмотрящим. Иначе что он может дать студентам в нашу информационную эпоху, когда любой желающий может в Интернете найти любые уже известные знания?

«Исследования не станут главной миссией университетов до тех пор, пока учебная нагрузка на преподавателя не сократится до 150–250 часов в год. Сейчас она втрое больше».
(«Стратегия XXI»)

Очевидно, что помимо фундаментальных исследований университеты должны заниматься и прикладными задачами, большей частью связанными с региональной тематикой. Без этого говорить о качественной подготовке, например, инженерных кадров, вообще не приходится. К стати, здесь невольно вспоминается, что многие нынешние управленцы в нашем городе и крае — это выпускники Красноярского политехнического.

— Видимо, инженерное мышление во многом универсально, а потому позволяет преуспеть в, казалось бы, далёких от техники областях. И здесь хотелось бы поговорить о предложении разделить высшее образование на классическое и профессиональное.

— У меня нет оснований не доверять мировому университетскому сообществу, которое делит образование на профессиональное и так называемое либеральное, или классическое. В чём суть первого, думаю, понятно. Оно учит конкретному ремеслу, осуществляя подготовку врачей, агрономов, бухгалтеров и т.д. А вот второе призвано готовить так называемую интеллектуальную элиту, развивая у студентов исследовательские компетенции и когнитивное мышление. То есть классическое образование должно поставлять обществу аналитиков, исследователей, преподавателей.

В связи с этим прозвучала тема закрытия педагогических универси-

тетов. Понятно, что учитель должен обладать широким кругозором, а это может дать только классическое образование. Таким образом, беря во внимание роль учителя в обществе, значимость классического образования для формирования так называемого человеческого капитала исключительно велика.

К стати, все эти термины — «человеческий капитал», «интеллектуальное, социальное и духовное производство» и прочее — мне не очень-то нравятся, несмотря на то, что по образованию я экономист. Но других просто нет. Анализ происходящего, его осознание и осмысление, к сожалению, очень запаздывает. Вот и приходится оперировать терминами, у которых нет чётких смыслов, но есть способность вызывать не совсем уместные ассоциации.

Не стану сейчас гадать, каким будет результат развернувшейся дискуссии о закрытии педагогических университетов, но одно очевидно — учитель сегодня во многом не соответствует современным требованиям. И не только как преподаватель. Можно как угодно оценивать качество знаний учителей, которые меня учили, но все они для своих учеников были образцами с точки зрения социализации.

Говоря о профессиональных качествах сегодняшнего учителя, приходится вспомнить, что нынешние школьники не умеют толком ни писать, ни читать, ни говорить. Но вправе ли мы ожидать других результатов, когда учитель вынужден работать на две ставки, чтобы хоть как-то прокормить себя и свою семью? Те восем-

надцать часов в неделю, что составляют ставку — они же не случайны, они не просто так придуманы.

— Трудно даже представить, какие результаты выдали бы те, чья трудовая неделя с сорока часов выросла бы до восьмидесяти. Не говоря уже о том, каково было бы качество их жизни. К стати, каких результатов можно достичь, повышая качество образования, не повышая качества жизни? Очевидно, с таким же успехом можно лить воду в решето.

— Думаю, в этом случае научные центры Запада скажут нам большое спасибо. Мы потратим свои ресурсы, а плоды получают они. И это ещё более усугубит тот разрыв, который уже существует. Мы и сейчас покупаем много технологичных продуктов. И всё больше и больше теряем способность генерировать идеи и самостоятельно доводить их до реализации.

Современный мир сформулировал перед обществом большое количество новых, не известных ранее вызовов. И мы к ним оказались не готовы. Пресловутая конкуренция не только за территории и ресурсы, но и за человека, по сути, вымывает то лучшее, что у нас есть. Отток за рубеж выпускников вузов — это один из сигналов, что мы не способны воспроизводить человеческий капитал. Так как это задача не только образования.

«По данным опроса ФОМ, с 2007 по 2012 год доля россиян, желающих переехать за границу навсегда, увеличилась с 14 до 17%. Среди молодёжи до 30 лет эта доля достигла в 2012 году 33%»
(«Стратегия XXI»).

Ситуация усугубляется ещё и тем, что прошли времена стихийных перемещений по миру отдельных интеллектуалов. Дело поставлено на поток. Сегодня ведущие державы мира разрабатывают специальные программы для привлечения необходимых им специалистов. Об этом тоже говорилось на форуме. Так, в одном из докладов прозвучало, что сейчас в развитых странах довольно успешно борются с дефицитом учёных, программистов, инженеров и математи-

ков путём разработки и внедрения специальных программ эмиграции. Такие программы работают, например, в Германии. В США к концу этого года начнёт действовать реформа, позволяющая значительно упростить въезд в страну самых разных специалистов. Наши аналитики считают, что только эта реформа может вызвать отток из России более двадцати пяти тысяч молодых специалистов.

Это завершающий разговор утверждение есть все основания расширить.

Дело в том, что на мировом рынке труда все большее количество специалистов могут работать, физически находясь где угодно — был бы компьютер и Интернет. Но «где угодно», к сожалению, чаще всего не означает «в России». Да и в Европе тоже. Новые азиатские «драконы» в последние годы всё с большим интересом наблюдают за подрастающим поколением российских интеллектуалов. Сегодня они тоже в состоянии предложить достаточно высокое качество жизни тем, в ком заинтересованы.

Похоже, ничего не остаётся, как попытаться с одинаковой скоростью повышать и качество образования, и качество производства, и качество жизни. И альтернативы этому нет — все три участника гонки обречены бежать в одной упряжке. Вот такая получается новая русская тройка.

Галина ДМИТРИЕВА

А что понимают под качеством человеческого капитала экономисты? Этот вопрос мы задали Ирине Петровне ВОРОНЦОВОЙ, заведующей кафедрой управления человеческими ресурсами Института экономики, управления и природопользования СФУ.

— На современном этапе общественного развития производство конечного продукта всё больше зависит от того, насколько развит человеческий капитал. Это объясняется тем, что он рассматривается как долговременный экономический ресурс воспроизводства. Так, его оборот в несколько раз продолжительнее средних сроков оборота основного капитала, поскольку последний в процессе эксплуатации обесценивается, а уровень компетентности работника и, соответственно, его ценность с течением времени возрастает.

Кроме того, в настоящее время наиболее значительная часть населения практически всех стран в мире относится к категории наёмных работников, для которых заработная плата представляет собой основной источник доходов. И в конечном итоге от этого источника зависят показатели совокупного спроса на внутреннем рынке

товаров и услуг, а следовательно, инвестиционные возможности экономики.

В настоящее время доминирует позиция, что экономический рост является следствием человеческого развития и свободы.

Существующий стереотип, что главная цель и само по себе развитие государства определяется экономическим ростом, а свобода и социальная поддержка населения — это следствие экономического роста страны, своеобразный бонус, получаемый от эффективности экономики, все чаще критикуется сторонниками концепции человеческого развития.

Сами по себе расходы на так называемую социальную сферу не являются гарантией прироста человеческого капитала, так как должны быть сформированы условия реализации полученных компетенций, при которых происходит увеличение дохода индивида и общества.

Среди экономистов существуют различные точки зрения на структуру человеческого капитала, соотношение понятий человеческого потенциала и человеческого капитала.

Особый интерес, на мой взгляд, с позиции актуальных проблем экономического роста регионов Сибири представляет определение человеческого потенциала, данное новосибирской экономико-социологической школой, и соответствующая ему структура четырёх компонент.

Социально-демографический потенциал: баланс половозрастной структуры населения; институт семьи; брачность и разводимость; рождаемость и смертность; продолжительность жизни; качество генофонда; доля безнадзорных детей; физическое и психическое здоровье; качество базового образования.

Социально-экономический: уровень и структура занятости; профессионально-квалификационный состав населения; характер и условия труда; востребованность интеллектуальных ресурсов; уровень реальных доходов населения; доступность социальных благ; соцзащита; гарантии прав и свобод; жизненные шансы групп.

Социокультурный: состояние науки, высшего образования, культуры; менталитет (политические убеждения, верования, мораль, типы мотивационных комплексов и способы поведения); степень культурной интеграции разных групп; способность людей к эффективному взаимодействию.

Деятельностный: уровень активности населения; деловые качества социальных акторов; возможность реализовать инновационный потенциал; способность вести активную, полноценную жизнь; возможность непрерывного образования.

Так вот, социально-экономическое развитие территории зависит в первую очередь от деятельностного потенциала населения региона.

«Клуб 9» и другие VIP-персоны

Сегодня все, кто рассуждает о будущем страны, едва ли не основными драйверами развития называют науку и образование. И потому весьма закономерно, что в рамках Красноярского экономического форума, посвящённого поиску новых источников роста, одним из его первых мероприятий стал круглый стол «Клуб 9: время эффективных научных интеграций», прошедший в СФУ. Для справки: «Клуб 9» — это ассоциация девяти федеральных университетов. А интеграция институтов Российской академии наук и ведущих вузов — краеугольный камень научной реформы, проводимой в стране.

Без сомнения, одним из самых заинтересованных участников встречи был глава Федерального агентства научных организаций (ФАНО) Михаил КОТЮКОВ. Практически каждому выступающему он задавал конкретные, а порой и провокационные вопросы: «Кто постановщик задач для научных исследований, как вы считаете?», «Вокруг чего интегрироваться?», «А бизнес готов формулировать задачи — и платить за их решение?», «Дополнительных средств сейчас нет, но, к примеру, они появятся. Кто возьмёт на себя ответственность за качественный результат использования этих средств?».

Плечом к плечу с Михаилом Котюковым сидел Александр ПОВАЛКО, заместитель министра образования и науки РФ. Он наиболее просто объяснил, почему вообще так много разговор сейчас идёт об интеграции. Когда была подготовлена программа «5 топ 100» (нацеленная на вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых), и вузы написали свои дорожные карты — какие этапы нужно пройти, чтобы достичь этого результата, — выяснилась довольно грустная вещь. Чтобы наши университеты начали проводить исследования на уровне, составляющем конкуренцию мировым центрам, требуется совершить такой скачок, который по вложению средств превосходит разумные возможности и вузов, и государства. Тогда и актуализировалась идея объединить усилия образовательных и научных учреждений, что в разное время и в разных регионах нашей страны уже неоднократно происходило и всегда давало блестящие результаты.

Вот о том, как это сделать максимально быстро, эффективно и взаимовыгодно, что этому может способствовать, а что будет мешать, преимущественно и был посвящён разговор за круглым столом.

Базовый доклад

Его сделал ректор Сибирского федерального университета академик Е. ВАГАНОВ. Евгений Александрович отметил, что конкуренция за ресурсы у вузов и между собой, и с институтами РАН достаточно остра, а вот интеграция хотя и присутствует на уровне малых групп, но не имеет действенной схемы взаимоотношений, позволяющей конкуренцию перевести в сотрудничество.

Базой объединения, по мнению Ваганова, могло бы быть совместное выполнение крупных региональных научных программ, в которых решение актуальных прикладных задач будет поддерживаться фундаментальными исследованиями. Эффекты от «регионального» программного финансирования могут быть просчитаны уже сейчас: действенная интеграция; закрепление (и привлечение новых) кадров в регионах; большее влияние фундаментальной науки на инновационный процесс; расширение возможностей выбора у творческой молодёжи.

Также академик Ваганов поднял вопрос о том, что делать с неэффективными научными институтами. Он привёл показатели деятельности некоторых организаций Красноярска, в том числе входящих в состав ФАНО. Даже по самым мягким оценкам по крайней мере три организации не имеют ничего общего с фундаментальной наукой. Здесь финансовые вливания не принесут отдачу, да и зачем вкладывать в слабых? Ставку вообще надо делать на талантливые молодые кадры, считает ректор СФУ.

Метод кнута и пряника

Вопрос о том, что делать со слабыми, стал одним из самых острых. Наиболее категоричными сторонниками жёстких мер оказались Виктор КОКШАРОВ, ректор Уральского федерального университета, и Ярослав КУЗЬМИНОВ, ректор Высшей школы экономики.

КУЗЬМИНОВ: «Игра с нулевой суммой не приведёт к результату, как ни сажай музыкантов. Тогда мы должны переходить к игре с выбыванием участников. Мы до сих пор не осмелились это сделать. Но чудес не бывает. И в этом отношении нужно очень быстро определять критерии эффективности. Кто и в каком конкретном случае имеет более сильные международно интегрированные коллективы? Какие структуры обеспечивают реальную интеграцию с бизнесом? Подготовкой каких профессионалов они занимаются? Способны ли они создавать инновации?»

Основная проблема — постоянно падающий уровень глобальной конкурентоспособности нашей науки. Можно сколько угодно говорить о приглашении других участников в клуб доноров науки, но на сегодняшний день ситуация со стимулами для этого вхождения в клуб — низкая. У

нас плохая ситуация конкуренции, открытого ведения бизнеса, она не стимулирует внедрение инноваций, и все присутствующие знают, что у нас лишь 10-12% предприятий внедряют технические инновации. В Греции — 25%. В Греции!

Часто говорят, мы отстаём от стран АТР по внедрению инноваций. А что, у тех стран язык особый? Китайцы имеют в два раза ниже уровень образования, но у них бизнес и наука умеют договариваться. Это проблема режима конкуренции в экономике, давайте называть вещи своими именами».

КОКШАРОВ: «Болезнь сама по себе не лечится. К сожалению, у нас мало ресурсов. Вот пряник — ресурсы. Но те, кто за них не борется, их что — заставляя, оставлять гнить? Ситуация в образовании такова, что нельзя просто посмотреть, кто умрёт, кто останется. Потому что ресурсов мало!».

Для активизации взаимоотношений научных и образовательных организаций ректор УрФУ предложил при распределении грантов ввести дополнительные очки тем коллективам, которые создаются на интеграционной основе. Конечно, это должно иметь вес только «при прочих равных». Но без мотивации — зачем интегрироваться?»

Против этого категорически возражал Александр ХЛУНОВ, гендиректор нового Российского научного фонда. «Мы ставим основной задачей деятельности фонда получение научного результата. И будет ли этот результат получен эффективным коллективом на базе университета, академического института или интеграционно — нам безразлично. Мы финансируем цельный проект. И под него предлагаем создать научный коллектив, который должен состоять из людей, способных наиболее эффективно достичь результата. Да, мы приветствуем, если коллектив будет наполнен представителями IT, биотехнологами и т.д. Но не это является главным преимуществом. Пре-

имущество — суть проекта, научный руководитель, его репутационные возможности».

По мнению Хлунова, одна из главных проблем российской науки — деление по ведомствам. Есть Минобрнауки — это большая грядка. Есть Академия наук — это большой забор. Есть отраслевые министерства. Каждый что-то на своих грядках высаживает, вносит удобрения. И собрать урожай тоже хочет — собственный. Поэтому РФ был задуман так, чтобы создать систему экспертизы, не связанную с этими «грядками».

С такой метафорой не согласился Председатель Сибирского отделения РАН Александр АСЕЕВ. По его мнению, те модели интеграции науки, образования и инноваций, которыми сегодня так озабочена Россия, в наибольшей степени реализованы в СО РАН. И нет никаких заборов. Новосибирский Академгородок серьёзно продвинулся в создании технопарка (есть предприятия с миллиардными оборотами), разрабатывается проект Технологического института, где студенты могли бы работать с реальными современными технологиями в медицине, материаловедении, электронике.

Так что новосибирцам осталось не так много, чтобы занять место в глобальном разделении труда.

Председатель Совета РФФИ Владислав ПАНЧЕНКО привёл примеры программ, стимулирующих интеграционные процессы. Фонд имеет опыт создания совместных проектов с Росатомом, РЖД, Минпромом. То же самое делается с регионами — 50 программ РФФИ-регион финансируются на паритетных началах. И есть регионы, где финансирование составляет по 1 млн совместно с двух сторон. Это уже заметные программы, причём их смысл состоит в том, чтобы сформулировать те задачи целевого НИР, которые необходимы для решения наиболее значимых социально-экономических задач данного региона. В данный момент обсуждается вопрос создания региональных РФФИ-кластеров. Они могут охватывать федеральные округа, потому что деления, «грядки» — действительно мешают, надо объединять регионы.

Помимо базового финансирования и средств фондов Алексей КНЯЗЕВ, зам. губернатора Томской области, предложил такой источник дополнительных ресурсов на развитие науки: «Есть программы инновационного развития государственных корпораций. По нашему региону мы имеем не более 1 млрд рублей заказов от госкорпораций в рамках этих программ. Предлагаю обсудить возможность законодательного регулирования распределения средств по этим программам с учётом тех интеграционных процессов, о которых говорим. И вообще имеет смысл поднять вопрос о поддержке ведущих университетов в рамках этих программ. Потому что в настоящее время они концентрируются внутри самих госкорпораций, практически не выходя за пределы».

Кстати, это имеет отношение и к вопросу о том, способен ли реальный сектор экономики ставить заказы науке. Ректор ВШЭ Я. Кузьминов считает, что пока — нет: «Никаких заказов на поисковые фундаментальные исследования бизнес сегодня дать не способен. Требуется постоянное государственное принуждение госкорпораций, располагающих деньгами, к инвестированию в широкие программы технологического обновления».

Наказ законодателям

Шутливое замечание депутата Госдумы В. ЗУБАРЕВА о том, что, к счастью, никто за круглым столом не имеет претензий к законодателям, вызвало мгновенную реакцию ректора Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшата ГАФУРОВА: «Сегодня самая большая проблема для вузов, которые реализуют программу конкурентоспособности, это те нормы нового закона об образовании, где сказано, что нельзя получать контрольные цифры приёма (то есть обучать за счёт бюджета) по не аккредитованным программам. В то же время есть поручение президента страны по внедрению приоритетных направлений в наших вузах — а мы 5 лет не можем обучать инженерию и другим нужным специальностям. Это самый тормозящий пункт закона».

Что касается интеграции с институтами РАН — и у нас, и у них это использование федерального имущества. Но создать технопарки и пустить туда нами же самими созданные инновационные предприятия — это огромная проблема. По полтора-два года ходят документы, не позволяющие это делать.

Я полностью согласен с тезисом: если денег нет — то нужно дать сво-

боду. На самом деле кроме законодательных проблем никаких других у нас и нет!».

И. Гафуров высказал свою точку зрения и на необходимость стимулирования интеграции: «Здесь приводился пример с грядками, с урожайностью. Подразумевается: если урожайность у одних 2 центнера, а у других 25, то выбирается 25. Но интеграционные механизмы дали бы, возможно, показатель в 30 единиц. Только надо стимулировать интеграцию. В своё время нас много уговаривали работать с крупными корпорациями, однако этого не происходило, пока постановлением 218 не были созданы механизмы, которые мотивировали на эту кооперацию».

С необходимостью законодательных изменений согласен и Я. Кузьмин: «Ряд проблем начал решаться: повышение зарплаты учёных, что становится стимулом прихода новых кадров. Появление программы развития у групп вузов. Рост финансирования через фонды. Это три реальных изменения. Но они дают только потенциальные преимущества. Их надо обеспечить, создав соответствующую нормативную базу: длинный грант с гарантией глобального значения исследования».

Мы знаем, что бизнес готов инвестировать, когда есть стабильный

налоговый порядок. Учёный ничем не отличается от предпринимателя: ему тоже, чтобы прийти сюда или не уехать отсюда, нужна хотя бы пяти-, семилетняя перспектива. Её надо гарантировать».

Подводя итог, Александр ПОВАЛКО присоединился к мнению, что сейчас самое важное — сосредоточиться на формировании правильных стимулов. «Всё-таки нужны чёткие правила для

научных институтов и университетов: как они будут оцениваться, при каких действиях будут считаться успешными и, соответственно, что им необходимо достраивать? Это правильно с точки зрения работы с людьми. Каждый должен понимать, какие действия будут означать привлечение дополнительных ресурсов».

Валентина ЕФАНОВА

После заседания удалось задать ряд вопросов инициатору дискуссии — Михаилу Котюкову.

— Михаил Михайлович, каковы ваши впечатления — обмен мнениями был плодотворным?

— Разговор состоялся, и наша дискуссия не была монотонной. Мы обобщим всё, что прозвучало, вычленим ответы на вопрос, какие ограничения не позволяют развивать интеграцию, и попытаемся перевести это в системные решения.

— А как вам понравилось предложение пересмотреть программы госкорпораций, которым выделяют средства на развитие, и направить их в науку? Вот реальные деньги, которых не хватает...

— Я считаю, что нам всё же надо простраивать систему мотиваций. Просто заставлять — это может не дать необходимого эффекта. Нужно мотивировать и убедить те же корпорации, что это правильно, что будет результат от того, что деньги пойдут в науку. Я же не зря этот вопрос обострил, сказав: к примеру, деньги завтра появятся; а кто сможет эффективно и ответственно выполнить работы? Сначала надо понять, кто задачи сформулирует. Наверное, это в том числе должно быть реальный сектор экономики.

— Ректоры говорили и о том, что им мешают законодательные нормы, не хватает свободы. Какая свобода нужна вузам, науке?

— Я бы тоже хотел выяснить, какая ЕЩЁ нужна дополнительная свобода? Дело в том, что федеральные университеты действуют в статусе автономных организаций, это максимальная степень свободы, которая сегодня законодательством может быть предоставлена. Вопрос — насколько эффективно этой свободой пользуются.

— Хотелось бы вас как руководителя ФАНО спросить и о другом. Реформа РАН уже не вызывает былого накала страстей, у академических учёных остался едва ли не единственный вопрос в связи с созданием вашего ведомства. Их волнует, какая роль отводится научному сообществу в саморегуляции научной деятельности. Допустим, у институтов есть учёные советы, они принимают те или иные решения, свои программы развития. А кто их будет слушать и где? Как их рекомендации будут учитывать?

— Академия наук законодательно наделена очень серьёзными полномочиями по подготовке, оценке, экспертному заключению крупных государственных проектов. Безотносительно того, какие организации

будут эти проекты реализовывать. Это с одной стороны. С другой стороны, Академия получила полномочия оценивать эффективность научной деятельности не только подведомственных им организаций, а вообще всех организаций, которые в России осуществляют научную деятельность. Это и вузы, и отраслевые НИИ, которые ведут какие-то прикладные исследования и разработки. Вопрос опять же — как сейчас Академия распорядится этими новыми функциями, как будет организован процесс.

— Его должна организовать сама Академия или всё-таки ФАНО?

— Мы со своей стороны готовы к взаимодействию в части, которая касается нашей зоны ответственности.

— Вопрос, который лежит на пересечении интересов Академии наук и вузов: подготовка научных кадров. В России в отношении этой задачи есть фундаментальное противоречие, которое заключается в том, что чем лучше мы подготовим молодого учёного, тем с большей вероятностью он покинет не только Сибирь, но и Россию. Уедет себя реализовывать в другом месте. Вопрос в следующем: будет ли озбочено ФАНО предложением таких условий, которые бы стимулировали наших учёных оставаться здесь? И речь не только о возможности иметь свою лабораторию или получать высокую зарплату, а вот, скажем, жильё. Предполагает ли ФАНО строить дома для молодых учёных?

— Разделю ответ. Первое. Система мотивации — зарплата, жильё, социальные гарантии — безусловно, важный элемент. Но нельзя забывать о содержательной части. В науку всё же идут люди, которые хотят реализовать свои идеи, сделать открытия, создать новые разработки. Мы считаем, что важнейшей задачей является построение системы, которая позволяла бы им идею воплощать в реальные дела. Тогда у человека всегда будет выбор: можно остаться в этой системе и осуществить то, ради чего вы шли в науку. И здесь важнейшее значение имеет восстановление цепочки от фундаментальной разработки до внедрения. Когда появится конкретный заказчик в реальном секторе экономики, принимающий результат вашей работы, учёный будет мотивирован.

Вопрос жилья. Мы будем участвовать в федеральных программах по строительству жилья для молодых учёных. Такая программа есть на 2015 год, она утверждена, пока без нас, но мы сейчас входим в эту программу, будем её участниками. С 2016 года стартует новая программа, и в ней мы

уже будем одними из разработчиков. Президент по этому поводу сформулировал свою позицию, сказал о необходимости поддержки молодых учёных в смысле жилищных условий. Там возможны разные инструменты: и служебное жильё, и сертификаты для приобретения собственного жилья, и программы жилищного строительства. Всё это мы будем использовать.

— А в целом восполнение кадров — чья забота, Академии или университета?

— Это один из тех интеграционных проектов, вокруг которого должны быть объединены усилия. Вообще подготовка и омоложение кадров — всегда забота тех институтов, которые их потребляют. То есть работодателей. Университеты, которые готовят кадры, должны понимать требования работодателя.

— Известно, что пока большинство научных институтов сконцентрировано в столице и вокруг неё. Не должно ли у региональных центров быть некоего приоритета в научном развитии — для выравнивания дисбаланса?

— Это будет зависеть в том числе от инициативы регионов. Если наша задача — ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока (а это уже озвученный приоритет государственной политики), — это должно наполниться конкретными идеями и проектами, которые должны быть приложены к имеющимся инструментам — к тем же научным фондам, к программам государственных корпораций. Наука должна предложить проекты развития Сибири и обсуждать их на соответствующих площадках.

— Какую научную организацию можно считать эффективной?

— Ответа на этот вопрос сегодня нет, по крайней мере, у меня. Нужно провести масштабную работу вместе с институтами, с большим числом экспертов, чтобы такой набор показателей сформулировать. Наукометрические данные не могут быть единственными измерителями этой оценки, нужны ещё и профессиональные экспертные мнения относительно сильных школ, сильных коллективов и организаций.

— Как вы считаете, научные институты бойкотируют реформу?

— Я сейчас много встречаюсь не только с руководителями научных институтов, но и с коллективами, и не вижу никакого настроения сопротивления реформам. Люди занимаются работой и задают вопросы по существу.

Неполиткорректно, зато как есть

Пожалуй, одной из самых ярких выступающих на КЭФ-2014 стала Наталья ЗУБАРЕВИЧ — специалист в области социально-экономического развития регионов, директор региональной программы Независимого института социальной политики (Москва), профессор МГУ. Человек неполиткорректный, как она сама себя охарактеризовала, Наталья Васильевна разрушала привычные штампы и называла вещи своими именами.

«Колониальная политика госкомпаний предельно ясна и состоит в следующем. За несколько лет объём добычи нефти в Красноярском крае вырос с практического нуля до почти 18 млн тонн. За последние 3 года поступление налога на прибыль в бюджет Красноярского края сократилось с 70 млрд до 40 млрд. Край от добычи нефти не получил ровным счётом ничего. Все доходы с территории вывезены».

«Ну, хорошо, давайте децентрализуем, и у нас будет четыре жирных кота — Ханты, Ямал, Москва и Питер. Остальным не прибавится практически ничего».

«Если во всей России инвестиции в 2013 г. сократились на 0,2% к 2012 г. (спад был небольшим благодаря значительному росту инвестиций в Москву), то в Сибири — на 9,5%, на Дальнем Востоке — на 19,5%, а в Приморском крае — на 45%. Погуляли? Гулянка закончилась».

«Пока регионы не получают возможность самостоятельно принимать решения, не изменится ничего. Эти локомотивы, про которые нам поют, встают на ржавые рельсы. Не учите меня жить, не помогайте материально, снимите удавку с шеи!».

После форума нам удалось связаться с автором всех этих афоризмов Н.В. Зубаревич и задать некоторые вопросы.

— Из вашего выступления можно было понять, что есть промышленные, производящие, добывающие регионы, где качество жизни ещё хуже, чем в Сибири и на Дальнем Востоке. Так ли это?

— Не помню, чтобы я говорила про качество жизни, его же нельзя измерить адекватно. Что понимается под качеством жизни? Нет устоявшихся показателей, тем более интегральных.

В индустриальных регионах Европейской России заработная плата ниже, но ниже и цены. Если брать условия жизни (климат, обеспеченность социальными услугами, жильём, дорогами), то Сибирь и Дальний Восток хуже. Но что такое сама Сибирь? В Красноярском крае соотношение душевых денежных доходов населения и прожиточного минимума лучше средне-российского, а в большинстве остальных регионов Сибири — ниже, иногда значительно (Алтайский край, Республика Алтай, Тыва).

— Что в Сибири, кроме строительства жилья, растёт опережающими темпами?

— В России почти ничего сейчас не растёт опережающими темпа-

ми, и в Сибири тоже. Рост ввода жилья — единственный благополучный показатель.

— Откуда в Сибири безработица, о которой вы говорили, если сюда даже едут на заработки из ближнего зарубежья?

— Безработица повышена в Сибири и на Дальнем Востоке из-за того, что нет достаточного числа рабочих мест в небольших городах и посёлках с полумёртвыми предприятиями, а трудовая мобильность населения низкая. В Европейской России, где города не так удалены друг от друга, выше трудовая миграция из депрессивных территорий в крупные города — туда легче добраться.

Приток иностранных трудовых мигрантов из Средней Азии идёт, в основном, в крупные города Сибири на низкооплачиваемую и не престижную для местных работу. Иностранцы мигранты выгодны бизнесу — меньше издержек. Это безработица структурная: несоответствие работников и рабочих мест по квалификации. А есть ещё территориальный дисбаланс — рабочие места в одном муниципалитете/городе, а работники — в другом месте, и они маломобильны.

— Почему иностранным инвесторам оказалось предпочтительнее вкладывать в европейскую часть, чем в территории за Уралом?

— На востоке более высокие издержки: логистики (транспорт), стоимости рабочей силы, содержания инфраструктуры. Это важно для обрабатывающих отраслей в первую очередь, не для сырья.

— Вы говорили о колониальной политике госкомпаний и привели пример с Красноярским краем. Но ведь это, видимо, знаете не только вы, но и руководство края, руководство страны. Разве с этим ничего нельзя сделать? Или кому-то выгодно?

— Это выгодно крупнейшим российским компаниям — «Роснефти», «Газпрому». Их политический вес намного выше, чем регионов.

В Якутии, где тоже быстро растёт добыча углеводородов, преференций у добывающих компаний нет, и поступления налога на прибыль за 2009–2012 годы выросли в три с половиной раза — с 8 до 27 млрд рублей.

Традиция вывоза прибыли заложена давно, «Русал» с 1990-х годов использует толлинговые схемы, позволяющие минимизировать налоговые платежи в бюджеты Красноярского края, Хакасии и Иркутской области. И колониальная политика набирает силу — госкомпании получили возможность минимизировать издержки в регионах нового освоения для наращивания объёмов производства и вывоза прибыли.

— «Великие могучие госпроекты — саммит АТЭС, нефтепровод на восток и др. — как инструмент развития не дают отдачу». А какой синергетический эффект они должны были принести? Может, у таких проектов более длинный срок обрращения сопутствующими предприятиями, инфраструктурой, может, нужно ещё время?

— Философский вопрос. Время нужно, но если следом нет новых ЧАСТНЫХ инвестиций, это означает, что проекты не способны сыграть роль драйверов развития.

— Что надо менять? Почему программа развития Дальнего Востока и Сибири будет также неэффективна, как и госпроекты, если... что?

— Потому что она заточена на госинвестиции (которых не будет с учётом нарастающего кризиса и санкций!) и преимуществ для госкомпаний, но слабо стимулирует приток глобальных инвесторов, без которых восток не поднять. Им позволяют идти только в обрабатывающие отрасли, которые вряд ли будут прибыльными (см. выше). А инвестор не дурак.

— Какие именно вещи надо децентрализовать, а какие — нет? И в чем издержки децентрализации, про которые вы сказали «их нельзя недооценивать»?

— Об этом довольно подробно говорится в моей статье «Ржавые скрепы сверхцентрализации», опубликованной 13 января 2014 года в журнале «Эксперт».

Ключевой фактор эффективной децентрализации — качество региональной и муниципальной власти. Пока оно низкое, социальные лифты для активных и компетентных управленцев работают плохо, чему способствовал длительный период фактического назначения губернаторов, управляемость выборов глав местного самоуправления, почти повсеместное внедрение сити-менеджеров, контролируемых региональными властями. Качество власти вряд ли удастся повысить без восстановления конкурентных выборов губернаторов и мэров.

Эффективная децентрализация

невозможна без контроля снизу, со стороны жителей территории. И не надо изобретать велосипед, основные инструменты контроля — честные выборы и свободные СМИ. Очевидно, что России придётся пройти через электоральный популизм, рациональные мотивации выбора будут формироваться десятилетиями. Однако в крупнейших городах-миллионниках и крупных региональных центрах, где концентрируется человеческий капитал, формирование реального контроля снизу произойдёт быстрее, как и появление новых публичных политиков, прошедших горнило избирательных кампаний.

— Вы говорили также о необходимости прозрачности распределения федерального бюджета. Понятно, что в этом не разбирается простой смертный. Но разве эти схемы остаются закрытыми и для региональных правительств? Как должен работать этот механизм?

— А регионалов никто не спрашивает, всё решается наверху и в основном кулуарно. Опять же сошлюсь на свою статью.

Чёткие правила прозрачного и предсказуемого перераспределения можно сформулировать так:

— доля дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, рассчитываемая по формуле, должна составлять не менее 50% всех трансфертов;

— нужно избавляться от «ручного управления», в том числе от дотации на сбалансированность бюджетов, которая выделяется по совершенно непрозрачным критериям;

— давно перезрела проблема огромного числа субсидий регионам. Их больше сотни, и каждую нужно согласовывать с профильным федеральным министерством и ведомством. Уже скоро не хватит людей в регионах — сажать по всем федеральным кабинетам, чтобы молили и договаривались. Необходимо сократить число субсидий до 6–8 укрупнённых, которые выделяются по основным направлениям бюджетных расходов (образование, здравоохранение, сельское хозяйство, инвестиционные субсидии и др.) и финансируются регионом.

При этом регион должен иметь свободу маневра в перераспределении средств на важнейшие для себя задачи в рамках выделенного объёма субсидий.

Внутри регионов перераспределение бюджетных средств муниципалитетам, особенно субсидий, столь же непрозрачно, как между центром и регионами.

Децентрализация должна быть двухшаговой: от центра в регионы, от регионов — в муниципалитеты. Для первого шага важнее всего прозрачные правила распределения трансфертов при некоторой децентрализации налоговой базы и чётком соблюдении Бюджетного кодекса (расходные решения центра по полномочиям регионов должны компенсироваться трансфертами из федерального бюджета).

Для второго шага децентрализация налоговой базы может быть более масштабной, хотя прозрачность распределения для муниципалитетов не менее важна. Это позволит стимулировать развитие городов как центров концентрации человеческого капитала.

Издержки велики, внутрирегиональное неравенство усилится, но без стимулирования развития крупных городов Россия вряд ли догонит быстро меняющийся мир.

Несмотря на периодические подкалывания скептиков, ежегодный Красноярский экономический форум стал таким же неизбежным явлением, как приход февраля. Разумеется, у этого мероприятия появились и свои завсегдатаи, как среди гостей, так и среди экспертов и модераторов дискуссионных площадок. Это и суховато-логичный Андрей ШАРОНОВ, ныне — ректор Московской школы управления «Сколково». И вальяжно-провокационный Ермолай СОЛЖЕНИЦЫН из «McKinsey & Company». И оппозиционный Алексей КУДРИН, и многие другие интересные персоны... В этом ряду выделяется «весёлый финский парень» Пекка Вильякайнен — успешный бизнесмен, инвестор, а с недавних пор ещё и советник президента Фонда «Сколково».

На XI Красноярском экономическом форуме он был не только экспертом-модератором, но и одним из руководителей «Russian Startup Tour 2014». Это своего рода «кочующий фестиваль-конкурс», или, как говорят ныне, роудшоу инновационной экономики по 26-ти городам России. Его задача, как поясняет Пекка Вильякайнен, — поиск «новых героев — людей будущего», которые, благодаря своим талантам и настойчивости, станут успешными бизнесменами.

— Вы уже традиционный гость на Красноярском экономическом форуме. Год от года что здесь меняется?

— Когда я в первый раз приехал в Красноярск четыре года назад, в программе форума значились только вопросы, касающиеся газа, нефти, что-то было о железных дорогах, но ни слова об интеллектуальном бизнесе! И ещё тогда мне казалось, что из иностранцев присутствовал я один. Сегодня же я посмотрел программу форума и увидел много выступлений иностранцев.

На Russian Start Up Tour в Красноярске было 350 человек, и, что самое главное, эти молодые люди стали участниками как нашего мероприятия, так и всего экономического форума.

— Почему-то под термином «инвестиции» у нас в стране подразумевают в первую очередь большие средства и чаще всего из-за рубежа или из федерального центра. Но ведь инвестиции — это и вложения человека здесь у себя на родине в своё дело! Почему же на всевозможных форумах в основном говорят о крупных проектах? И как это сочетается со стартапами, которые обсуждают здесь же?

— Если мы посмотрим на очень крупные компании в Европе, США или любой другой точке мира, то увидим, что они уже не нанимают такого количества работников, как ранее. Именно стартапы, именно маленькие компании создают новые рабочие места! Большинство инноваций разрабатывается тоже в основном в малых компаниях. Какая взаимосвязь между крупными и маленькими компаниями?

Во-первых, большие компании покупают эти маленькие компании вместе с их инновациями. Это направление на сегодняшний день не очень хорошо развито в вашей стране. В российских компаниях принято считать, что они всё должны делать сами и ничего никому не поручать.

— Почему только в России? Генри Форд так же делал...

— Это правда, но это было много лет назад, я думаю, пора менять привычки. Возьмите самую передовую автомобильную компанию «Tesla Motors» — у них собственные только дизайн и сборка, они не производят сами части машин. То же самое происходит и в остальных видах деятельности. Потому-то большие компании будут только выигрывать, если стартапы будут успешными и сильными. А Россия выиграет от развития инвестиционной инфраструктуры.

Давайте рассмотрим вариант, когда Красноярск хочет создать ещё несколько сотен тысяч рабочих мест. Самым верным решением будет не строительство огромного завода, а создание большого количества стартапов, сохраняющих и развивающих экосистему.

Кому на Руси бизнес делать хорошо?

Я из Финляндии и приведу пример компании «Nokia», сооснователем которой был мой дед.

Три года назад «Nokia» пережила глубокий кризис, им внезапно пришлось уволить 15-20 тысяч инженерных работников. И это, как ни странно на первый взгляд, лучшее, что когда-либо могло произойти с Финляндией. Потому что внезапно этим опытным специалистам пришлось искать новые места работы, и многие из них решили начать собственный бизнес.

Всё это привело к тому, что в наши дни мы имеем в Финляндии пять крупнейших компаний, которые оцениваются более чем в триллион долларов, и сотни компаний, которые стоят несколько сот миллионов долларов. Такая ситуация может повториться где угодно. Именно поэтому тема стартапов имеет огромное значение для будущего России.

Для иностранного инвестора вкладывать большие инвестиции в Россию — довольно сложное и рискованное дело. Здесь играют роль и незнание страны, и коррупция, и политика, и многие другие вопросы. Легче вкладываться в маленькие компании, в стартапы, где риск потерь не так велик. Я — представитель именно такой категории инвесторов, я узнал Россию через стартапы. Из-за развития технологий мне на сегодняшний день всё равно, где территориально располагается компания, в которую я инвестирую. Я являюсь инвестором 40 компаний, одна из которых располагается в Томске и называется «Tomskware». Когда я хочу дать советы своим сотрудникам, я просто включаю Skype и говорю «Привет, Роман!» человеку, который находится за 4,5 тысячи километров от моего дома.

— Вы рассказали, как кризис «Nokia» породил массу новых успешных компаний, созданных бывшими инженерами и другими специалистами «Nokia». У нас в России и в Красноярском крае немало хороших инженеров, специалистов в своей отрасли, но бюрократия и барьеры разрешительных систем таковы, что даже талантли-

вые инженеры, желающие и умеющие работать, часто не рискуют начинать своё дело, либо их бизнес заканчивается плачевно...

— Принято считать, что самая большая проблема России — это бюрократия — это самая большая проблема. У Романа есть один сотрудник, который решает все бюрократические проблемы. Поэтому, если вы, как эти ребята, разрабатываете электронные игры, которые продаются в App Store, т.е. занимаетесь не материальным, а интеллектуальным бизнесом, к тому же ориентированным на международный рынок, решать бюрократические проблемы очень просто.

Но если вы разрабатываете продукты, которые можно пощупать руками и которые хотите реализовать на внутреннем российском рынке, — это, конечно, совсем другая история!

Некоторые предприниматели жалуются на российскую систему налогообложения, на то, что необходимо платить 30-процентный единый социальный налог и 20-процентный налог на прибыль. Но я не думаю, что это на самом деле является проблемой. Похожие ставки налогов во многих других странах по всему миру — такова жизнь!

Некоторые люди уверены, что инвестиции могут прийти только в регионы, имеющие какие-то налоговые послабления. Я же лично работаю с регионами, где есть технопарки, в

которых сотрудничают бизнес-ангелы, университеты и предпринимательские сообщества. Если вы стартапер, налоговая система — не самая большая ваша проблема. Обычно начинающие компании начинают зарабатывать деньги только после первых пяти лет, поэтому налогообложение должно вас волновать в последнюю очередь. Все разговоры о сложностях налогообложения пришли к нам из старого индустриального мира.

— Большая часть нашего бизнеса как раз живёт именно в том индустриальном периоде. Материальное производство есть и остаётся. Разговоры об инновациях, стартапах и т.п. на Красноярских форумах настолько запали в головы представителей молодого поколения, что среднестатистически молодой горожанин категорически против строительства нового материального производства в Красноярске, даже если оно передовое и инновационное, и уж тем более не хочет на нём работать! Но ведь не всем заниматься исключительно инновационной деятельностью или запускать стартапы — «зарабатывать головой». А кушать хочется всегда...

— Здесь надо ещё определиться, что понимать под «инновациями». Когда я пришёл в Сколково 2,5 года назад, инновация определялась как нечто научное, связанное с патентами, что-то особенное, уникальное. Я сказал тогда, что я простой бизнесмен, что целью стартапов является не собирание патентов и лицензий, а новые бизнесы, новые производства. Инновация — это не генерирование новых идей без материального производства.

Не знаю, к добру или нет, но в мире продолжается разделение труда по специализациям. Например, если бы этот диктофон, который записывает нашу беседу, являлся вашей инновацией, а я был вашим бизнес-ангелом, то я бы посоветовал вам нанять специалистов, чтобы улучшить его дизайн, разобраться с бюрократическими проволочками и уладить все технические вопросы. Но непосредственное производство этого диктофона не стало бы нашим делом! Скорее всего, мы бы с вами слетали в Тайвань или в Корею и купили там несколько предприятий-производителей. Это не модель бизнеса Форда, это модель бизнеса Apple.

Ваш вопрос заключался в том, должна ли Россия производить что-то материальное? Безусловно! Если есть спрос, есть интерес, а у России есть много ресурсов, почему бы где-нибудь на Дальнем Востоке не построить завод по производству таких вещей? Но надо понимать, что у управления заводами, управления производством и у интеллектуального бизнеса разная, у каждого своя, бизнес-логика.

Кстати, хотя в последние годы молодёжь активно убеждали зарабатывать не руками, а головой, в последнее время я всё чаще замечаю, что подрастает поколение, многие представители которого любят делать что-то осязаемое. Даже в Финляндии, несмотря на то, что у нас очень много инноваций в сфере IT, часть жителей страны хочет изготавливать мебель или что-то ещё своими руками. Я считаю, что это очень хорошо, но если посмотреть на общую картину мира, разделение по специализациям — это обязательная часть будущего.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Качели для Инны, или Учитель года с шашкой на лихом коне

«Иду я по школе, улыбаюсь и никого не трогаю. Я всегда в школе улыбаюсь и никого не трогаю. А навстречу — наш директор Галина Григорьевна ГАСАН. Давай, говорит, Инна, на «Учителя года». Как человек умный, сказала она это в такой момент, когда у меня было лёгкое чувство вины. Я и понятия не имела, куда ввязалась».

Меньше чем через три месяца Инна ЩЕТИНИНА, преподаватель русского языка и литературы красноярской гимназии № 9, стала Учителем года-2014. «А мы за вас и не волновались ни капельки, Инна Анатольевна, мы всегда знали, что вы лучшая», — сказали ей ученики.

— **Инна, ты ведь не сразу пришла работать в школу?**

— Мало того, я даже поступила сначала не в Педагогический институт, а на сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Тогда проводились выездные сессии, приёмная комиссия выезжала в регионы. И моя заветная мечта сбылась — я поступила на киноведа. Но это был 1990 год, у меня только сестрёнка родилась. Мама упала мне на грудь и зарыдала: «Дочка, как же ты там, далеко от нас, одна, не отпускай, учишься в Красноярске»...

— **Киноведение — несколько странный выбор для девочки 90-х, тогда стремились стать юристами и экономистами.**

— Это страсть. Это болезнь. Необъяснимо и на всю жизнь. В актрисы не хотелось, самой снимать или придумывать — тоже. Мечтала разбираться в кино, анализировать, объяснять. Собирала всё, что касалось кинематографа: открытки с артистами, журналы, на первый гонорар в стройотряде — восемь рублей — купила книги по киноведению. И всю жизнь коллекцию пополняю. Мне кажется, однажды я всё же получу это образование. Для себя. А диплом в красивой рамочке повешу на стену и буду любоваться. В прошлом году даже написала в Санкт-Петербургский институт искусств на факультет киноведения, мол, не надо ли вам женщину приятной наружности с хорошим прошлым и дипломом? Мне ответили: да-да, вы можете к нам приехать, но на очное отделение. А куда же мне теперь очное — школу уже не брошу.

Хотя тогда в пединститут пошла без желания: если не во ВГИК, то и всё равно куда. Легко поступила, легко училась. После окончания института диплом отвезла маме. И сразу стала работать. Не в школе.

— **Почему?**

— Так там в то время зарплату гробами давали и колючей проволокой. Мои однокурсники практически все пошли работать в милицию, а я — в газету «Комок», корректором. Вслед за мужем, который там уже год работал спортивным журналистом. И вся роскошная библиотека ИД «Империи», все киноведческие и музыкальные журналы оказались в моём распоряжении. Через четыре года, после рождения старшего, вышла из декрета уже редактором в тетрадку «Смотритель», занималась телепрограммой, новостями. А после второго декрета, когда родилась дочка, выходить из декрета оказалось некуда — издательский дом

закрылся. Но я до сих пор благодарна, что эта работа и эти люди — мои коллеги — были в моей жизни. Они до сих пор иногда возникают и взбалтывают её. И тогда дети в школе спрашивают: «Инна Анатольевна, ну откуда у вас такие знакомые?!».

— **А что сейчас с твоей киноколлекцией?**

— В школу увезла. В кино мы с ребятами часто ходим. Стараюсь, чтобы фильмы, которые я считаю важными, они обязательно посмотрели. Например, «Легенду №17». Можно пять классных часов провести, а можно один раз вместе сходить в кино, а потом его обсудить. После таких фильмов дети хоть плечи могут распрямить, гордиться тем, что был такой момент в истории страны. Нам же сейчас сложно чем-то российским гордиться. На что я патриотка, но проехала по Европе, и мой патриотизм заметно пошатнулся. Пришлось искать крючки, за которые можно зацепиться, объясняя в первую очередь себе, почему я живу в этой стране и люблю её. Такими крючками стали ПУШКИН, ДОСТОЕВСКИЙ и — да, ХАРЛАМОВ. Нам нужны люди, которыми можно гордиться. Чтобы помнить, что мы лучшие.

Как-то гуляла по дому-музею Достоевского и вдруг поняла, что изо всех посетителей я одна — русская. Народу вроде много, но все иностранцы. И я, конечно, понимала, что Фёдор Михайлович — это общемировое достояние, но про себя думала с восторгом: «Нет уж, друзья, это — моё!». Наверное, примерно так итальянцы реагируют на реплики о том, что Леонардо да Винчи принадлежит всему миру.

— **Как ты всё-таки в школу попала? Почему не пошла работать в другую газету?**

— Во-первых, идти в любое другое издание после «Комка» было уже неинтересно. Во-вторых, я не журналист всё же. К тому же я пару лет подрабатывала воспитателем в летних спортивных лагерях — сын занимался баскетболом, и мне хотелось быть уверенной, что с ним всё будет в порядке. Работалось с детьми легко и весело, оказалось, я не забыла, чему нас учили в институте.

Так появились мысли о том, чтобы пойти работать в школу, но я их прогоняла. Никто из близких и друзей эту идею не поддерживал. Говорили: «Куда ты пойдёшь, современные дети просто ужасные» или «На что вы жить будете, в школе копейки платят»...

И всё же решила. Пришла к директору школы, в которой учился сын: возьмите меня работать. При себе —

только 36 лет и диплом. Ни стажа, ни разряда. Вакансий не было, но Галина Григорьевна, невероятная умница с огромным опытом, не хотела меня отпускать. На прощание сказала с сожалением: «Вы такая яркая, дети любят ярких».

А через некоторое время освободилась ставка организатора, и меня пригласили. Работала я первый год за шесть тысяч рублей в месяц. Через год ко мне присмотрелись и дали два пятых класса, потом добавились восьмой.

— **Не страшно было?**

— Страшно! Первый урок до сих пор помню. Сложный класс, девятый. Точнее, его часть. У тех, кто перейдёт в десятый, — занятия английским и французским, а остальным организовали урок риторики. Открываю дверь в класс, поджилки трясутся: первые три ряда парт пустые — зона отчуждения, все мои школьники на галёрке. Этот класс я всегда буду вспоминать с огромной благодарностью. Они могли тогда показать, что я не на своем месте, сломать или принять. Приняли. На следующем уроке зоны отчуждения уже не было. И я поняла, что смогу работать в школе.

Нужно просто любить детей и полностью их принимать. Оставить плохое настроение, раздражение где-то там, на улице, а к ним прийти полностью любящей.

— **Складывается такое впечатление, Инна, что у тебя дома всё идеально: встала утром свежая, дети уже умытые улыбаются: «Доброе утро, мамочка!», муж поцеловал, вместе позавтракали. И вот ты пришла на работу в хорошем настроении и зарядила детей... У обычных людей всё иначе.**

— Конечно, и я живу не в рекламном ролике. Но вхожу в класс — и всё, проблемы растворились.

Нужно и предметом быть увлечённой, и готовиться к уроку. Чуть где-то не доработал, не смог ответить на вопрос, и дети потеряли к тебе интерес. Я за все свои уроки, мне кажется, ни разу не присела. Потому что мне важен визуальный контакт с каждым. Если вдруг кто-то в учебник уткнулся или гаджет, для меня — сигнал тревоги.

Как-то накануне первого сентября позвонили: «Инна Анатольевна, у вас новый класс». Прихожу к ним первого сентября. Все дети настороженные, но это нормально. А на последней парте сидит натуральная чума: грива волос, пакостное выражение на хорошеньком лице. А вокруг неё — просто глад и мор: падают стулья, падают дети, грохот, визг. Вот что с ней делать?

Потом поняла, что этого ребёнка однажды назначили «Ты плохой!», и всё, это клеймо навсегда. Она мне рассказывала: учитель пишет что-то на доске, и если в классе в это время кто-то зашумел или засмеялся, прилетало всегда ей, без обсуждений. А ребёнок при этом умный, читающий. Ей просто было скучно. Меня она тоже не сразу приняла. Могла на уроке задавать вопросы из игрушки, в которую играла в телефоне. И я ей отвечала. Этот этап нам нужно было вместе пройти.

Потом, когда мы собирались с классом в Петербург, она уверенно сказала: «Ну, меня-то вы точно не возьмёте!». Её до того момента на самом деле никуда не брали — ни в поездки, ни в лагерь. «Вот тебя я в первую очередь возьму», — также уверенно ответила я. И мы прошли вместе весь Петербург, а потом объехали всю Европу. Я не могу сказать, что это сейчас другой ребёнок. Но это классный ребёнок. Она меня научила тому, что нельзя быть скучной. Ни при каких условиях. Вот какая это методика? Не знаю.

Вот проходили мы «Мальчик у Христа на ёлке» Достоевского. И вышли на такую тему: когда милостыню просят — это тебя пользуют? Или действительно нуждаются? Мы так спорили, так кричали, доказывая свою правоту... Иду по классу, а один из учеников ловит меня за руку и говорит: «Вы же не считаете, что мы сейчас урок сорвали?» — «Я тебя умоляю, — отвечаю, — это мой лучший урок!».

Бывает, ты придёшь подготовленный, и всеми методиками владея, пять презентаций, десять роликов, канкан разучил накануне, а тебя останавливают в первые же минуты. Вот у меня на одном из последних уроков по «Отцам и детям» спросили «Подождите, вам самой-то Базаров нравится?». И разлетелась вся методика, и урок пошёл в совершенно другом направлении.

— **Как ты готовишься к урокам?**

— Долго. Причём к урокам литературы — дольше, чем русского. Как преподаватель я понимаю, что русский язык в ЕГЭ сдавать всем, и вообще родной язык надо знать. Но как человеку мне важнее, чтобы дети знали русскую литературу. Потому что... Можно сказать пафосно о «формировании личности и тра-та-та», но... Я точно знаю, что любое непрочитанное произведение из школьной программы — это дырка в душе. И все методы и приёмы из своей прошлой жизни я тут использую, чтобы детей заинтересовать. Почему я стала ездить с детьми? Да я могу миллион раз рассказать им о том, как Пушкин умирал на красном диване, а рядом стояла Натали. Но пока я их туда не привезла, пока их не придавило это впечатление, они это не могли прочувствовать.

— **А как ты их начинала возить?**

— Пока были младше — сначала по городу, по краю. А повзрослели — уже по стране и за границу. Я просто однажды поняла, что это мои дети, они

мне абсолютно созвучны. И предложила им куда-нибудь вместе поехать. Они тут же отправили смс родителям и сразу получили одинаковые ответы: «Сколько сдавать?».

Группой в девятнадцать человек мы поехали в Москву и Санкт-Петербург. Дети думали, что мы сейчас приедем, я проведу им одну экскурсию, и дальше они будут предоставлены сами себе. А пришлось много ходить. С утра и до вечера. Помню, идём с ними, я впереди на лихом коне, они сзади плетутся, я поворачиваюсь и жизнерадостно говорю: «Дети, а сейчас идём к Чижиху-Пыжиху!», одна девочка грустно отвечает: «Инна Анатольевна, вам все стесняются сказать, но мы так устали, мы больше никуда не хотим».

— **Где же ты их так загоняла?**

— Стандартное предложение туроператора — культура и история города — я меняла так, чтобы у нас было и литературное путешествие. И в программе появлялись Мойка, места ДОСТОЕВСКОГО, БЛОКА, АХМАТОВОЙ, НЕКРАСОВА. Как-то в Москве мне стало неловко, думаю, детки разные, что я им всё со своей литературой, а свожу-ка я их в палеонтологический музей. Походили, посмотрели динозавров. На выходе они меня спрашивают: «Инна Анатольевна, чья идея?». Моя, говорю. «Вообще отличная идея, только не надо нам больше динозавров». И я поняла — что вдохновляет меня, вдохновляет и их. Мы потом поехали на нехорошую квартиру БУЛГАКОВА, и это были совершенно другие дети.

— **И неужели никаких происшествий не было в поездках?**

— Были, как без них. Однажды мы оказались в поезде Махачкала-Санкт-Петербург. Пока я на посадке следила, как грузятся последние из нашей группы, первые уже выскакивали из вагона с квадратными глазами: «Как мы тут оказались! Черемшой воняет! На соседней полке кто-то пистолет чистит!». Сейчас вспоминаем и смеёмся, а тогда все были в шоке.

Кстати, единственный ребёнок, с которым в поездке случилось происшествие — проехал в метро лишнюю станцию — был мой собственный сын. Ну, не страшно — созвонились, объяснили, как вернуться, подождали, встретили.

— **А как ты справляешься с финансовым расслоением? Дети же из семей с разным достатком.**

— Это ещё и работа с родителями. Такие поездки меняют и развивают детей. У семьи есть возможность где-то накопить, отложить. В Таиланд же возможность съездить все находят? В Таиланде из всего класса, кстати, только я не была. Когда родители дают ребёнку возможность выбора, он выбирает нашу поездку.

Это не отдых. Это развитие. И я вижу результаты. Конечно, многое зависит от экскурсоводов. Почему-то, узнав, откуда мы, в столице нас часто принимают за группу поддержки Агафьи ЛЫКОВОЙ и начинают разговаривать, как с умственно отсталыми. В музее-квартире Блока экскурсовод мнётся: «Как же вам это объяснить? Как бы так вам это рассказать?..».

А в Доме-музее Достоевского экскурсовод была настолько чудесной, что дети её облепили, а в конце аплодировали и не хотели отпускать, хотя казалось бы, восьмой класс, до Достоевского им ещё расти и расти. Зато сейчас, когда Фёдор Михайлович у нас в программе, у меня нет проблем с тем, чтобы убедить их читать его произведения.

Нужно использовать любую возможность, чтобы показать своим детям мир. Это расширяет сознание, это значит, они уже никогда не нацарапают что-то на стене, не обидят младшего или старика, они начинают иначе мыслить. Я такой же родитель, поэтому брала кредит для поездки, десять ме-

сяцев его выплачивала и ни о чём не жалею.

— **Твой сын читает?**

— Не могу сказать, что без книги жить не может, но по программе — да. Хотя вот КОНАН ДОЙЛ у него лежит непрограммный. К сожалению, я у него не преподаю, это его словесие. А читать он стал как раз после наших поездок, поняв, что что-то важное он не добывает, надо навёрстывать.

— **Зачем современным детям литература? Столько сегодня всего вокруг.**

— Давай разберёмся, почему вообще литература введена в школьную программу. Можно ведь ввести дизайн, фэн-шуй или бухгалтерию — довольно полезные для жизни навыки. Но и литература полезна. Она даёт тот опыт, который детьми не прожит.

И они могут его получать, проживая вместе с литературными героями и их авторами. Это выводит их на другой уровень осознания мира и себя в этом мире.

Долгие годы, возводя глаза к небу и вздыхая над поэзией ах и ох, мы получали нулевой результат. Потому что не объясняли, как соотносится поэзия с каждым ребёнком. На конкурсе я давала урок литературы в 10 классе «Поверил я алгеброй гармонию».

Как мы рассказываем детям о поэзии? «Дети! Записываем, какие стихотворные размеры существуют: ямб, хорей, анапест, амфибрахий». И дети их выучивают. «Дети, образ героя!.. Дети, ритм литературного произведения!». И снова они выучивают. Но зачем им этот ямб или хорей?

На уроке я брала два стихотворения: одно Николая АСЕЕВА «Я не могу без тебя жить», а второе, да простит меня этот человек, наверняка писавший его со всей искренностью, — с какого-то форума, довольно корявое и нелепое, в духе «Ангел мой, сделаю всё для тебя, только будь со мной». Так вот, дети, вы знаете уже всё о поэзии, — говорила я, — скажите, какое из этих стихотворений лучше. И дети, которые заучивали, что такое ямб, хорей, не могли отличить великое от любительства. Многие отдавали свой голос за графоманское стихотворение. И это — указание мне, как работать на предыдущих этапах, что делать, чтобы с другими моими учениками такого не произошло.

— **Что для тебя самое сложное?**

— Очень сложно мне с теми авторами, которых я сама себе не могу объяснить. Пушкина — могу. И когда слышу, что Пушкин уходит из нашего генетического кода, что мы его не можем прочитать без переводчика, меня охватывает ужас. Творчество Пушкина — это то, что ребёнка объединяет с родителем. Да, он не поймёт, кто такие сарацины. Так это прекрасно — ты сидишь рядом и объясняй. Это целый мир. Это вечер, а то и два, и пять, которые вы проведёте вместе.

Так вот Пушкин, ЛЕРМОНТОВ, ГОГОЛЬ — родное, понятное. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, который сейчас стоит первый навылет из школьной программы, понятен, потому что всё, что им написано, — о нашей сегодняшней стране, будто этих двухсот лет и не было.

— **Прямо-таки на вылет?**

— Да, это ведь удивительно прозрачная сатира. Мы разбирали «Как один мужик двух генералов прокормил», смотрели фрагменты из старого советского мультфильма и задались вопросом «Почему генералы, люди, которые должны командовать войсками, картавят?». В книге этого нет, а в мультфильме отлично слышно. «Может, потому что они и не командовали никогда, а медали просто так нацепили», — вдруг решают дети. И самостоятельно проводят аналогию с господином СЕРДЮКОВЫМ, который никогда никакого отношения к армии не имел, заведовал мебельным магазином и вдруг стал командующим.

Следующие в этой очереди на исключение из программы — БЕЛИНСКИЙ, ОСТРОВСКИЙ, ДОСТОЕВСКИЙ. Есть мнение, что Достоевский сложный, его школьникам читать рановато. И эту установку-угрозу я иногда использую как вызов. Вот, говорю, дети, вас считают умственно отсталыми, неспособными воспринять эти произведения. И они, конечно, оскорбляются. И читают.

Так вот все перечисленные авторы мне понятны, а НЕКРАСОВА — не могу. Когда доходит до «Кому на Руси жить хорошо» — тупик: через меня это произведение не проходит, я не понимаю, что дети должны для себя из него взять, а значит, и детям непонятно.

— **Что для тебя оскорбительно?**

— Когда приходят неготовыми на урок. Ох, я тогда сержусь! Всегда новым ученикам объясняю: если произведение не прочитано, на урок ко мне приходите не нужно. Прочитайте, даже если вам что-то непонятно. Вот «Тарас Бульба», которого я обожаю. В начале урока прошу рассказать, что они узнали и как им читалось. Им было скучно, через половину терминов они не продрались, очень много украинской речи, за что воевали казаки — непонятно, Тарас Бульба — необоснованно жесток. И тот же опрос провела в конце урока. Оказалось, что это произведение стало для многих отправной точкой, превращающей Гоголя в их любимого автора, и единственный литературный герой, которому бы они поставили памятник, — это Тарас Бульба. В этом он даже Муму победил.

Или «Мёртвые души» не хотели читать, но я рассказала, что Гоголь строил свой роман по принципам «Божественной комедии» Данте: ад, чистилище и рай. Ад — это первый том, чистилище он сжёг, а к раю даже и не приступил. По сути мы сейчас в аду, и никто не нашёл, через какое чистилище нам пройти, чтобы отсюда выбраться. И когда мы провели параллели, нарисовали круги ада, они прочитали не только «Мёртвые души», но и ДАНТЕ.

У меня есть сочинения, которые я отсканировала и повесила на стену, чтобы напоминать себе, для чего я это делаю. В одном из них ребёнок напи-

сал «Если бы сейчас при мне Гоголь сжигал второй том, я бы ловил его за руки и выхватывал листы из огня». Для меня — это много.

— **А часто приходится напоминать себе, для чего ты это делаешь?**

— Так ведь разные дни бывают. В школе ты всегда на качелях: сегодня думаешь «всё, увольняюсь!», а на следующий день уже «Господи, как хорошо, что я здесь работаю!». Дети могут и возвыситься, и так мордой шмякнуться...

Я обожаю, когда они включаются в работу, думают. Иногда разделяемся на несколько групп, и каждая защищает свою точку зрения. Так мы с ними поновому прочитали «Грозу» ОСТРОВСКОГО. Вот почему Катерина — это луч света в тёмном царстве? Извините! Я на неё сейчас смотрю с позиции своих сорока лет, матери взрослого сына. Привёл бы он такую Катерину, которая его не любит, смотрит на сторону... Не уверена, что я вела бы себя хотя бы как Кабанова. Наверное, хуже. Но мы, конечно, и привычную нам точку зрения Добролюбова рассмотрели, а потом вышли на семейные ценности.

Или урок по лермонтовскому «Маскараду», где они поделили роли — разобрали персонажей плюс судья, прокурор, адвокат и свидетели. Идея была моя, но реализация полностью детей. Я смотрела и ждала — смогут они без моей помощи выйти на то, что Арбенина нельзя винить? Вышли. Пришли к тому, что виновны и время, и окружение.

Литература детям для этого. Они уже не говорят о человеке однозначно, хороший он или плохой, они судят по поступкам. Это много. Некоторые к такому за всю жизнь не приходят.

И часто на уроках мы спорим обо всём, что касается сегодняшнего дня, ищем аналогии в литературе, аргументируем свою точку зрения. Не могу сказать, что мы выводим универсальные рецепты: как стать счастливым, как выйти замуж, как никогда не ошибаться. Но по крайней мере они умеют сопоставлять и анализировать, к жизни относятся без иллюзий, книги читают. Поверь, это уже немало.

Главное — постучаться

Лет тридцать назад по радио звучала классическая музыка, в прайм-тайм в телевизоре показывали спектакли московских театров, а двоечники ходили читать БУЛЫЧЁВА и Жюль ВЕРНА в читальные залы библиотек, потому что драгоценные книжки на дом не выдавались.

Что показывают и исполняют в массовом масштабе сегодня, никому объяснять не надо. К счастью, через культурную пропасть, которая моментально — хватило одного поколения — образовалась с крушением той эпохи, уже переброшены мосты. И некоторые из них — стараниями Благотворительного Фонда Михаила Прохорова. В марте Фонду исполнилось 10 лет.

Весь 2014 год он будет отмечать свой юбилей — фестивалями, гастрольями, выставками, культурными проектами, книгами, и об этом мы поговорим с директором Красноярского филиала Фонда Наталией ТРОИЦКОЙ.

— **Наталья Константиновна, что главным образом изменилось за 10 лет?**

— Прежде всего изменилась география и, конечно, размер годового бюджета. Фонд родился в Норильске, с 2004 по 2006 годы работал только там, все программы разрабатывались с учётом менталитета его жителей, традиций и обычаев города, уникального, но закапсулированного в себе. Сегодня грантовый фонд с 27 миллионов вырос до 310 миллионов рублей в год.

Я сама из Норильска, начинала трудовую деятельность в местном управлении культуры. В конце 2003 года мне предложили перейти в фонд.

В этом суровом северном городе живут чуткие, интеллигентные люди, которые много знают, ездят по стране. Но в силу того, что попасть в Норильск можно только самолётом, он изолирован от мира. Когда фонд только начинал свою работу, полноценных театральных гастролей в городе не было уже 12 лет, интеллектуальной литературы в магазинах практически не продавалось.

Все первые проекты и гранты Фонда Михаила Прохорова были специально разработаны для Большого Норильска. Но постепенно в сферу нашей деятельности вошёл и весь Красноярский край. В 2007 году мы начали в Красноярске с того, что привезли конференцию по исследованию феномена Тунгусского метеорита. Тогда же в университете провели проектно-аналитический семинар, из которого потом выросло магистерское направление «креативная экономика».

В 2008 году к программам Фонда подключились Сибирский, Уральский и Дальневосточный округа, в 2010-м деятельность началась в шести областях Центрального федерального округа... На основании обращения руководства Пермского края к Экспертному совету Фонда с 2011 года в географию нашего конкурса «Академическая мобильность» включён и этот регион.

— **Это финансирование научных поездок?**

— Да. Вообще, у Фонда три основных вида деятельности. Грантовые конкурсы — 10 открытых и 2 закрытых, причём 5 из них проводятся только в Красноярском крае. Далее — внеконкурсная поддержка, которая

оказывается проектам, не подходящим под условия конкурсов, но соответствующим стратегическим целям Фонда. И третье — наши собственные мероприятия. Это такие проекты, как КРЯКК, фестиваль «Театральный Синдром», БФМ, литературная премия «НОС» и прочие. Ежегодно Фонд поддерживает около 50 проектов, которые реализуются на всех территориях, где мы работаем.

— **Какие грантовые проекты можно отметить?**

— Особо отмечу большой конкурс для библиотек, с грантовым фондом 17 млн рублей. Он помогает менять статус библиотек, превращая их в новые социально-образовательные учреждения, культурные центры. Уже в течение трёх лет авторы самых ярких разработок отправляются в Великобританию — в королевстве очень развитая, хорошо структурированная и гуманистическая библиотечная система. Из 12 человек, которые ездили в Англию в прошлом году, было трое красноярских библиотекарей.

— **Фонд и книгами помогает библиотекам, так ведь?**

— Конечно, мы начали делать это в 2008 году. Каждый год учредитель называет сумму гранта для комплектации краевых библиотек. Раньше это было 7-8 млн рублей, в течение последних трёх лет — по 15 млн. Красноярский библиотечный коллектор — наш постоянный партнёр по этому проекту, который и занимается переговорами с издательствами и библиотеками края, а затем — закупками и комплектованием. Издательства, приезжая на КРЯКК, уже сами привозят список книг — многие библиотекари приходят, чтобы изучить ассортимент, сделать предварительные заявки.

А КРЯКК стала ещё и большой коммуникационной площадкой. Подобных ярмарок не проводится нигде в России, кроме разве что в Москве. Ярмарка — это многожанровый фестиваль современного искусства. Мы уже составляем планы на этот год. Основная тема — урбанистика, чему будут посвящены и круглые столы, и дискуссии, и лекции. И всё это будет сопровождаться насыщенной культурной программой.

— **В нашем вечном цейтноте большая удача — вырваться и послушать.**

— Наверное. Кстати, Ирина Дмитриевна ПРОХОРОВА сказала нам как-то, что надо бережней относиться к аудитории: собирать более «щадящую» программу, чтобы люди не разрывались на части. А программа всё разрастается, так как проект становится всё популярнее, и к нам многие обращаются сами с творческими идеями.

— **А каковы психологические особенности красноярцев? И ещё вопрос: есть ли вообще смысл в попытках расшевелить провинцию, если «лучшие люди», как правило, уезжают в столицы?**

— Я в Красноярске с 2010 года. Что могу сказать? В любом нестоличном городе есть отток жителей. Часть людей не находит себе применения на родине либо имеет высокие амбиции, она и уезжает. Я считаю, это хорошо. Пусть пытаются. С другой стороны, мы как раз работаем на обратное. Мы ищем таких особенных людей, даём им возможность реализовать свои творческие замыслы на месте... Ведь город, в котором происходит нечто, становится столичным. Столица — не там, где сидят политики, а там, где люди что-то делают, хотят сделать свой город гуманнее. Стратегическая задача Фонда — развивать регион через развитие культуры.

— **У Фонда есть проект «Школа культурной журналистики». Он оправдывает своё название?**

— Думаю, да. Но тут интересная ситуация: в Красноярске нет СМИ, которые посвящены культуре. Поэтому перед нами стояла задача обучить людей, которые способны донести свои впечатления о культурных событиях до широкой аудитории. Мы эту задачу выполнили, выпускники школы работают в культуре, многие состоялись как менеджеры.

Теперь наша задача чуть трансформировалась: мы воспитываем культурного зрителя, способного к анализу. Третий своего бюджета Фонд сегодня тратит на поддержку театрального искусства. Это и наш конкурс «Новый театр», в рамках которого выделяются гранты на новые постановки, до 1 млн рублей на проект. Поддерживаем и фестивали, которые инициируют наши грантополучатели.

— **А остальные две трети бюджета?**

— Остальное — это конкурсы и операциональная деятельность. В прошлом году, мы посчитали, в Красноярском крае остались 115 млн рублей. Экспертный совет в Москве рассматривает поступающие в Фонд заявки каждый месяц, и я каждый раз привожу по 3-4 красноярских проекта на рассмотрение.

— **Какова тематика проектов? Чему отдают предпочтение красноярские участники?**

— У Фонда Прохорова три направления деятельности: это наука и просвещение, современное искусство,

— **В районной детской библиотеке всё время новые книжки, причём многие видела на КРЯККе.**

— Да, а в прошлом году мы ввели и новую практику: включили в список на комплектование наряду с библиотеками детские дома и интернаты. В 2013-м их было 8, в этом году 16, добавились дома-интернаты для престарелых, реабилитационные детские социальные центры, спецшколы...

Знаете, в Туруханском интернате плакали, получив книги, говорили: «Мы таких не видели ещё, в руки взять боимся». Все детские учреждения в отдалённых районах края с большой благодарностью принимают литературу.

— **Там, наверное, и читают больше.**

— Да люди вообще читают.

— **У меня другое впечатление... Дети почти не открывают книг, по-моему.**

— Мы пытаемся с этим работать, изменить ситуацию, на книжной ярмарке стараемся увлечь гостей различными интерактивными программами. Когда дети видят автора, который с упоением рассказывает о своих книгах, они иначе начинают относиться к чтению.

— **КРЯКК, наверное, самый любимый проект Фонда в Красноярске?**

— Определённо — самый масштабный. Он тоже начинался в Норильске. В северном городе Фонд проводил один из самых дорогих нам и популярных у населения проектов — фестиваль современного искусства «Таймырский кактус». Он длился 11-12 дней и тоже включал книжную ярмарку. Мы привозили туда тонны книг, которые заканчивались на второй-третий день, приходилось везти ещё.

В ЭТУ ДВЕРЬ

спорт и здоровье. И все проекты лежат в этих трёх областях.

Один из последних поддержанных, например, «Музэнерготур» — поездка автобуса с музыкантами по городам края. Вообще краевая филармония — наш давний партнёр, фонд в своё время поддержал любимый горожанами фестиваль «Оркестр на траве» и проект «Сказки народов мира с оркестром» для самых маленьких жителей города. Теперь в филармонии развивают их сами.

— То есть, получается, работает эффект «кругов на воде»?

— Да. Много организаций просят помощь от Фонда именно на стартовом этапе, и в этом заключается наша задача: мы показываем, как и что можно сделать. И радуемся, когда проект уходит в самостоятельное плавание.

Так было с фестивалем SiberiaDOC. Это проект, подразумевающий создание независимой площадки для обсуждения документального, неигрового кино. Благодаря ему теперь в Красноярске собирается сообщество любителей такого жанра.

Фестиваль детских самодеятельных театров проводит организация для инвалидов «Край света» по инициативе Андрея СУВОРОВА. Получается социальная адаптация детей через театрализацию. Фестиваль называется «Рождённые от солнца», он в четвёртый раз пройдёт в конце марта в Красноярске. Второй год подряд победители фестиваля едут на гастроли, да и наш ТЮЗ поддерживает этот проект, в этом году пообещали провести на своей сцене мастер-класс для детей-актёров.

Ещё один наш партнёр — Красноярский музейный центр, мы помогаем организовать биеннале, музейные ночи. Сейчас поддерживаем полижанровый проект к юбилею Виктора Петровича АСТАФЬЕВА, инициированный сотрудниками центра.

— А интерактивный музей науки «Ньютон-парк» не поддерживаете?

— Нет, не приходило к нам. Возможно, не знают. Вообще, информации не всегда достаточно. Фонд известен в Красноярске благодаря большим проектам, таким как КРЯКК, Большой фестиваль мультфильмов. А о грантовой деятельности известно не всем. Конечно, хотелось бы изменить эту ситуацию.

Каждый сотрудник Фонда готов помочь инициативным людям. Я всем говорю: приходите к нам с идеей, с чётким пониманием ресурсов, необходимых для её исполнения. Качество проектов не всегда бывает приемлемым, но всё же проектная грамотность растёт. Благотворительность вообще такая штука... Она «накапливается», а затем, спустя даже годы, даёт свои плоды.

— Профессиональные театры вы тоже поддерживаете?

— Да, Фонд является генеральным партнёром Театра Наций, сотрудничает с Театром им. Вахтангова, с «Золотой Маской», поддерживает фестивали «Новый Европейский Театр» и «Драма. Новый код».

С помощью гранта, например, наш ТЮЗ поставил спектакль по Фредерiku БЕГБЕДЕРУ «Окно в мир», премьера состоялась в марте, даже сам автор хотел приехать. Фонд давал грант на постановку спектакля «Тедди» в театре кукол, на несколько спектаклей театру им. А.Пушкина.

Выделяется достаточно много средств и на поездки театральных коллективов. Например, этой весной

Екатеринбургский театр кукол привезёт к нам два спектакля, «Садко» и «Маленькие трагедии». У «Садко» очень интересная машинерия, с бассейном на сцене, куклами под водой... В целом Фонд в рамках этого конкурса поддерживает три важных театральных направления: постановки современных авторов, классику в современном прочтении, а также работу молодых режиссёров.

Очень востребованной оказалась инициатива Фонда проводить в Красноярске уличные театральные представления. В 2010 году в первый раз привезли испанскую группу «Пуха» — показывали «Алису в стране Чудес». Заодно открыли для города новую площадку — амфитеатр на КМЦ, всем понравилось. Потом привозили другие уличные театры — итальянский, украинский, французский с вертикальными танцами.

Этим летом мы снова приглашаем «Пуха» со спектаклем «Космос» к юбилею и фонда, и Красноярского края. Это будет в июне.

— Какие проекты не пошли в Красноярске?

— Явных провалов не было. Хотелось бы, конечно, больше активности со стороны горожан, да и некоторая пассивность в крае есть. Например, в прошлом году по грантам «Академической мобильности» было поддержано заявок от жителей края на 700 тыс. руб., а общий грантовый фонд этого конкурса — 13 млн.

Или взять наш образовательный практикум по графическому дизайну. Это бесплатные занятия, их ведут специалисты с мировым именем. Но посещают практикум немногие.

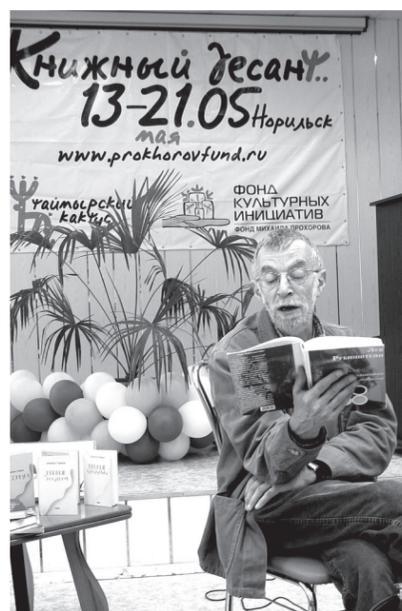
— У сотрудников Фонда есть сознание, что занимаетесь благородным делом?

— Конечно, мы ведь видим счастливые глаза наших стипендиатов, их родителей и преподавателей, мы разделяем радость наших грантополучателей.

У нас есть конкурс для одарённых школьников «Дорогу талантам», поддерживаем участие в концертах, стажировках, фестивалях, мастер-классах. Конкурс «Академическая мо-

бильность» очень востребован: в год к нам поступает около 1000 заявок, и примерно 400 из них бывают одобрены. Студенты, аспиранты, молодые преподаватели могут поехать в любую страну на занятия, конференции, семинары.

Есть программы для кандидатов наук, это конкурс «Венские стипендии», по условиям которого мы даём возможность учёным пройти полугодовую стажировку в Институте гуманитарных наук в Австрии. Есть и стажировки для профессоров в Шеффилдском университете в Англии, победителей определяют на закрытом конкурсе. Словом, выстроена вся образовательная линия.

— Издательские проекты поддерживаете?

— Нет, поскольку издание — это не проект. И к тому же по закону изданная на грантовые средства продукция продаваться не может. Но когда к нам приходят с такими просьбами, мы стараемся найти партнёров, чтобы можно было вокруг издания придумать интересный проект, то есть выступаем как координаторы.

Зато наши эксперты придумали большой международный проект — конкурс «Транскрипт». С 2009 года Фонд поддерживает перевод русской литературы на иностранные языки. Можно проследить, по каким авторам в мире знают Россию: очень много заявок на перевод произведений ПЕЛЕВИНА, СОРОКИНА, ШИШКИНА

наряду с ТОЛСТЫМ, ЧЕХОВЫМ, ДОСТОЕВСКИМ, ХАРМСОМ.

— Вы говорили о поддержке спорта. Как-то не очень вяжется с представлением о Фонде.

— Ну почему же. У нас есть несколько конкурсов, например, «Преодоление» — это поддержка проектов, направленных на адаптивную помощь социально незащищённым людям: физкультура, иппотерапия, арт-терапия, социализация средствами культуры и искусства. Второе направление — индивидуальная поддержка спортсменов, которым Фонд выдаёт тревел-гранты и стипендии, помогает выезжать на соревнования, особое внимание в этом конкурсе эксперты уделяют параспортсменам. Есть и конкурс «Спортивные инициативы» в сфере массового спорта. Например, был интересный проект «Игры нашего двора», авторы которого организовывали старинные игры в красноярских дворах. Поддерживает Фонд и походы, и экстремальные виды спорта.

— Есть ли в России или за рубежом похожие на Фонд Прохорова организации?

— Не готова ответить за весь мир. С такой широкой деятельностью, мне кажется, нет. Но, конечно, в Европе занимается благотворительностью модно, там много активистов, организаций, которые принимают пожертвования. У нас пока всё только разворачивается. Но мне кажется, что в этом плане мы имеем светлое будущее. Ведь благотворительность — это почётно, и каждый человек готов делать добро, оказывать помощь. Главное — постучаться в эти двери.

— А нет противоположного ощущения, что приходит конец гуманитарной эпохе? Взять этот пример с жирафом.

— Нет, у меня нет такого ощущения. С жирафом, конечно, поступили ужасно, и уровень жестокости в обществе растёт. Что мы видим на экранах телевизоров? Аварии, катастрофы, преступления. Дети воспринимают всё это как норму, как повседневные события.

— Государство ведь не должно блокировать такую информацию.

— Нет, но нужно находить баланс. Мне очень нравится идея гуманизации городской среды. Посмотрите, как меняется Красноярск: заборы расписывают картинками, появляются малые архитектурные формы — памятники, на улице стоит шкаф для книг. Мы тоже периодически отгружаем в него книги, причём целыми коробками, и ведь всё разбирают!

СтОит в Красноярске появиться какому-нибудь небольшому памятнику, он тут же превращается в любимое место для фотосъёмки. Каждый объект, который выполнен в городе с теплом, обретает своих поклонников и становится точкой силы, создаёт лицо города и тем самым снижает агрессивность окружающей среды. Мне очень нравится ещё одна идея — размещение картин на набережной, выставка в открытом пространстве.

— Почему всё-таки Красноярск стал главным городом деятельности Фонда Прохорова?

— Потому что это самобытный город в самом центре России. Важно ещё и то, что здесь удобно компилировать разные виды творческой деятельности, соединять пространства... Мы верим, что у Красноярска большой потенциал.

Татьяна АЛЁШИНА

КОММЕНТАРИЙ

Ирина БАХТИНА, менеджер концертных программ Красноярской краевой филармонии:

— Идею проекта «Сказки народов мира» Фонд Михаила Прохорова поддержал на этапе «желания формата»: группе людей в строгой филармонии, где профессиональное искусство, где классические залы, мраморные полы, где надо ходить чинно, слушать молча и не шуметь, — в этом самом месте захотелось кинуть на пол подушки, смешать детей с музыкантами, инициировать живой спонтанный процесс. Деньги нужны были, в основном, чтобы организовать площадку, наиболее подходящую для игрового процесса. Теперь мы строим планы обратиться за поддержкой развития истории. Оказалось, с девяти коротких сказок разных островов и континентов всё только началось.

Оркестр ударных инструментов «Siberianpercussion» стал привлекать авторскую музыку. И в гастрольной поездке до Улан-Удэ родилась идея сделать сказку-муви «Шёлковый путь». Это, разумеется, современная история, рассказанная своими словами, своей музыкой и о своём, в общем-то, пути. Поэтому она должна получиться интереснее нашего первого сказочного путешествия.

Сейчас эта тема сильно занимает наши головы. А ведь могла бы совсем не возникнуть, если бы Фонд Михаила Прохорова не поддержал первую идею. От деятельности Фонда вообще развивается чувство защищённости — местное производство не рассматривается как занятие подражательное и второстепенное по отношению к Москве или Уралу. Можно предложить что-то не к дате, не для «года культуры» и вообще как бы не по поводу — и даже если мысль ни в одну из объявленных грантовых программ не укладывается, она будет рассмотрена вне грантов. Это так не по-советски, так не бюрократично, что невозможно не радоваться.

«Отдавая всё детям, ты становишься»

Дарья МОСУНОВА — известный в крае человек. Телезритель знает её как ведущую передачи «Самородки», читатель — как автора душевнейших и смешнейших книг о жизни многодетной семьи «Я — мама в кубе», молодые писатели — как директора Астафьевского фонда. И все вместе знают её как маму четверых детей, старшие из которых — тройняшки.

Она и руководит Фондом «Тройняшки», куда обращаются за помощью многодетные мамы и просто мамы, попавшие в беду. И хотя все эти грани Дашиной деятельности почтенны и заслуживают уважения, поводом к нашей встрече стал выход в Москве её третьей книги «Мама в кубе-3».

Интервью я на правах старшего друга и коллеги приехала брать к писательнице Мосуновой домой. На входе под ноги мне кинулась лохматая собачка. Всё происходило одновременно: собака подпрыгивала, как мини-кенгуру, и обнюхивала мою сумку. Кот тёмной масти с тумбочки пытался достать лапой мой мотающийся шарф. Выбежавший на звонок мальчик Серёжа, захлёбываясь, объяснял мне, как круто иметь в доме приставку, на которой можно сражаться с нехорошими существами. В соседней комнате девочка Маша распевалась в преддверии концерта. Сама Даша пекла пироги и вышла встречать меня со скалкой в руке. Я немного ошалела, на пять минут буквально, а потом привыкла. Тем более Даша как-то сноровисто всех развела по комнатам, успокоила и накормила. И мы начали разговаривать.

— Даша, а много ли ты знаешь многодетных писательниц?

— Так сразу и не скажу... Мне кажется, читатели не заморачиваются — многодетная, не многодетная, это потом кто-то может заинтересоваться автором, если книга понравилась.

— Ну, если бы ты не была феноменом, я бы и не спрашивала. Я, например, знаю только одну такую — Сью ТАУНСЕНД. Она прославилась серией книг об Адриане Моуле. Интересно, что у неё тоже четверо детей, и пишет она похоже — афористично и с большим чувством юмором. Таунсенд вообще у англичан классиком считается... А твоя новая книга, о чём она?

— Это продолжение первой и второй книг «Я мама в кубе». А вообще, это уже моя шестая книга.

— Она тоже в жанре записок?

— Да, ты знаешь, я довольно долго не могла найти свой жанр. Начинала в газете «Комок» со сказок про девочку Васю. Мой папа, царствие ему небесное, всё время говорил: «Ну, что это такое — детская писательница? Сюси-пуси какие-то». И я очень

по этому поводу переживала. А потом как-то поехала вожатой в лагерь от аэрокосмической академии, там у меня всё время случались какие-то смешные истории. И, вернувшись, я их пересказывала знакомым. А наша редактор Лена КРУПКИНА посоветовала мне написать дневник вожатой. Так я первый раз написала что-то для разновозрастной аудитории. Крупкиной понравилось, она даже увидела в этом что-то сэлинджеровское (улыбается).

Всё это было на интуитивном уровне, но оказалось, что для молодёжи и о молодёжи надо писать именно таким языком — дневниковым. Молодёжи особо некогда читать, она всё схватывает на лету. С годами этот жанр стал очень популярным.

— Получается, ты в чём-то опередила Интернет, стала, можно сказать, первым жэжистом. Как писалась «Мама в кубе-3»?

— Метод прост. Несмотря на то, что ты очень хочешь спать, что у тебя дети болеют, ты подходишь к компьютеру и пишешь. Маленький отрывочек, буквально записочку о впечатлениях дня. Как бусы составляются из бусинок, так и книга составлялась из таких кусочков.

Ты спросила, почему многодетных мам-писательниц мало? У них банально нет времени на что-то глобальное — забота о детях забирает всё. А вот такие записки позволяют собрать книгу.

Кроме того, формат удобен современному читателю — открыл на любой странице и начал читать. И если уж заинтересовался, прочитаешь всё.

А то, что я сразу троих детей родила, тоже придало мне оригинальности как писателю, поскольку литературы о тройняшках практически нет. И даже психологи, честно говоря, с удовольствием читают мою книжку.

— Я помню тебя по редакции — ходила такая наивная семнадцатилетняя девушка. Ты представляла тогда, что станешь писательницей, общественным деятелем, будешь известной?

— Знаешь, представляла. Я с детства хотела быть популярной, мечтала стать актрисой. Помню случай, когда к нам в студию хореографии пришла женщина с девочкой. Наша руководительница стала записывать данные этой женщины, и та на вопрос, кем работает, ответила: «Оператором». Я решила, что она будет нас снимать, и начала перед ней кренделя выписывать. А потом оказалось, что она — оператор на каком-то производстве. Мне тогда 9 лет было.

— А писать когда начала?

— В 7 лет. Я тогда написала продолжение сказки АНДЕРСЕНА «Девочка со спичками»...

— Помню эту грустную сказку, тебе, видимо, конец не понравился — ведь девочка там умирает.

— Мне хотелось, чтобы девочка осталась жива. Потом я эту переделанную сказку читала маме и род-

ственникам. Меня, как водится, ставили на табуреточку, и... я поняла, что такое писательская слава!

Я тогда много выдумывала продолжений. Интуитивно всё делала правильно и брала хорошие образцы. Больше скажу — я бы и сегодня рекомендовала родителям, которые хотят подтянуть язык ребёнку — пусть он у вас продолжает сказки. Это интереснее, чем просто упражнения.

— Да, с русским языком сейчас беда. Я слышала, что будут возвращать сочинение в качестве экзамена, и очень этому рада. Дети в социальных сетях привыкли к лапидарному стилю — пара слов, смайлик... Да что там, переписываются смайликами без единой буквы! Цельное видение большого текста отсутствует напрочь.

— Клиповое мышление. С другой стороны, я тоже клипово пишу. И с этим стилем определилась в 18 лет. Я тогда писала свои рассказы про девочку Васю, и мне пришлось работать с художницей, которая эти сказки иллюстрировала. По задумке каждая страница должна была содержать немного текста и большой рисунок. И художница просила, чтобы в каждом кусочке текста было действие. Она говорила: «Даша, мне не нужен описательный момент, мне нужно действие, чтобы я как художник могла что-то нарисовать». И она так меня настроила, что я до сих пор руководствуюсь этим правилом. Когда мы выступаем перед детьми с рассказами Астафьева, я обращаю на это внимание: «Ох, слишком много здесь описания...»

— Правишь Астафьева?

— (смеётся) Мы его вслух читаем, поэтому выбираем рассказы, соответствующие возрасту.

— Твоя художница правильно говорила. Ещё Корней ЧУКОВСКИЙ наставлял детских писателей в том духе, что детям надо давать побольше глаголов, дети — люди действия. Помнишь, как у него: «Оде-яло убежало, улетела простыня...»?

— Самое парадоксальное, что мои книжки, которые предназначены для взрослых, читают дети. Я была так удивлена!

— Ну, говорят, хороший писатель должен писать так, чтобы его читал и стар, и млад.

— Я себя не считаю большим писателем. Свою книжку я показывала в Литературном институте, и там преподаватели не сочли её художественной литературой, сказали — чистая беллетристика.

А вот мой знакомый батюшка сказал мне: «Твоя книжка очень православная», представляешь? И первым её в печать взяло православное издательство «Сибирская благозвонница», которое печатает труды архимандритов, церковные календари и тому подобное. Они увидели отрывок в каком-то сборнике и решили издать. И книжка пошла по всем епархиям и приходам. Был шквал отзывов от матушек и батюшек, в большинстве своём многодетных, и книжка им очень понравилась. Я была так удивлена! Это уже потом ко мне обратились ребята из «Красного Яра», предложили мне издать

комментарии

Наталья СПИРИНА, исполняющая обязанности председателя Красноярского краевого отделения Российского детского фонда:

— Я давно знакома с Дарьей Мосуновой. Вместе с её фондом «Тройняшки» мы проводим День матери, День многодетной семьи и много других мероприятий. В апреле прошлого года у нас состоялся форум под названием «Много деток — хорошо», куда мы приглашали и родителей, и представителей власти. Необходимость его проведения была очевидна — сегодня таким семьям живётся трудно, в наш фонд часто поступают просьбы, просто крики о помощи, и надо было как-то привлечь к решению проблем государственные органы и общественные организации.

Хочу сказать, что мы всегда готовы помочь многодетным семьям и одиноким мамам. И всех приглашаем в Детский фонд, во Дворец пионеров. Совместно с районными управлениями соцзащиты мы рассматриваем каждый случай, что именно сделано по нему в рамках государственной помощи, изыскиваем благотворительные источники помощи, например, помогаем вещами, продуктами.

А Дашей и её детьми я просто восхищаюсь. Когда они заходят ко мне в кабинет, сразу же понимаю, что сейчас будет праздник, фейерверк! Все двигаются, разговаривают, смеются... Сразу хочется жить (смеётся). То, что дети замечательные, это заслуга мамы, заслуга семьи. Она уделяет им много времени, при этом остаётся равнодушной к проблемам других людей, всегда откликается. Поражаюсь, когда она это всё успевает?..

Надежда БОЛСУНОВСКАЯ, психолог:

«Регулярно читаю истории Дарьи в социальных сетях, знакома и с двумя книгами. Её творчество — светлый лучик среди публикаций о семье! Рассказать просто и с юмором о непростых реалиях воспитания может только Дарья. Её историй и заметок ждут, их активно обсуждают, потому что это реальный живой опыт родителей в воспитании детей, кладёшь ситуацию, с которыми может столкнуться семья. Есть и ответы на каверзные вопросы детей, и описание действий в непростых ситуациях. Всё это заставляет задумываться над собственными воспитательными действиями. И понимаешь, что семья — это классно!»

ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ»

книжку и продавать её по себестоимости в своих супермаркетах.

— Я, кстати, её там и купила.

— Она до сих пор продаётся во «Взлётке-Плаза». Может быть, и новую книгу издаст «Красный Яр».

— Твоим старшим детям сейчас по 11 лет, скоро переходный возраст, как будешь с этим справляться? Тут люди с одним ребёнком не знают, что делать, а у тебя будут сразу три подростка.

— Знаешь, как только они родились, переходный возраст начался у меня. И у мужа. У мужа особенно. Сразу из молодого человека муж перешёл в статус многодетного отца. Это нелегко. Вот недавно он собрал все деньги, какие были, и купил себе огромный телевизор, сказал, имеет право.

— Ну, так-то, действительно, имеет.

— Да. Но мы-то с ним договаривались, чтобы дети как можно меньше сидели перед телевизором, чтобы у нас было время общаться друг с другом. Я детям читаю лекции на тему, как полезно и нужно много читать, и тут вдруг папа притаскивает телевизор! Который всю мою программу по воспитанию детей уничтожил на корню. Какие-то 3D-очки... (Серёжа, который, как оказалось, внимательно слушал нас, стоя в прихожей, восклицает: «А чё, 3D-очки — это классно!»)

А вообще, после того, как у меня родились тройняшки, как мы растили их все эти годы, переходный возраст — это для меня слабая угроза. Кроме того, старшие мальчики у нас, скорее всего, пойдут в кадетский корпус в следующем году. А Маша будет учиться в Мариинской гимназии.

— Помимо книг ты занимаешься ещё и общественной деятельностью. Что тобой движет?

— Люди, которые идут в профессию журналиста или врача — у них изначально активная гражданская позиция. А я теперь вообще не вижу другого смысла в жизни. Общественная благотворительная деятельность началась, когда я ещё работала в газете. Газета наша этим занималась, и сама я писала о людях, которым нужна помощь. А потом, когда у меня родились дети, как-то стало понятно, что нужно помогать мамам, которые попали в трудную ситуацию. И то, что я по профессии журналист, оказалось большим плюсом, потому что я знаю ходы-выходы, знаю, к кому обратиться, и могу донести проблему до большого количества людей. Своего мужа-юриста, я, кстати, эксплуатирую нещадно. Он приходит домой, и я просто накидываюсь на него: «Послушай, нам надо проконсультировать одну маму...». Он буквально стонет: «Даша, я только что пришёл с работы и хотел бы просто спокойно поесть!»

— А ты мамам помогаешь или вообще всем, попавшим в трудную ситуацию?

— Только мамам — многодетным, с больными детьми, одиноким или

попавшим в беду. Потому что как только я берусь за проблемы всех, кто ко мне обращается, меня резко перестаёт хватать, я морально перегораю. Начинаю срываться, в том числе на своих детях. И мой муж, видя такое, строго говорит: «Я тебя консультирую только по мамам!». И потом — их проще проверить. Потому что, как оказалось, нужно мониторить людей. К сожалению, попадаются корыстные и нечестные люди.

— Тебе не кажется, что ты взяла на себя функции государства?

— Кажется. Политика поддержки семей у нас очень слабая, её вообще нет, по сути. Многодетная мать или женщина, позволившая себе родить ребёнка одна, часто «идёт по брёвнышку через пропасть» — шаг влево, шаг вправо, и можно упасть. Например, к нам сейчас обратилась одинокая мама с ребёнком-инвалидом, её сократили на работе — фирма лопнула, а у неё ипотека. Её нигде не берут, и она, по сути, оказалась в ловушке.

— И она сразу к тебе?

— Ко мне, потому что у нас нет государственной поддержки таким людям. Если её выгонят из квартиры, куда ей идти? Приютов для таких женщин в Красноярске нет. Остаётся надеяться на родственников. Я, кстати, всегда советую женщинам не рвать отношения с бывшими родственниками, даже с теми, которые, на первый взгляд, относятся к вам негативно, которые могут сказать: зачем ты его родила? Даже с такими не надо рвать, чтобы можно было хотя бы к ним обратиться за помощью. Чем больше у ребёнка бабушек, дедушек, любых других родственников — тем лучше. Надо собираться, пить чай, разговаривать друг с другом. И ребёнок будет ощущать тепло большой семьи.

— Интересно, что ты проповедуешь это в век урбанизации и глобализации, когда люди отталкиваются друг от друга как одинаково заряженные частицы.

— Думаю, что квазиобщение в Интернете скоро надоест людям. Я сейчас использую социальные сети только по их практическому назначению — когда нужно собрать людей или организовать мероприятие, связаться с кем-то. А общаться лучше в реале, за чаем. Когда тебе тяжело, это тебя реально спасёт. Именно живое общение, а не иллюзорные виртуальные отношения.

— Можно ли разглядеть в девушке будущую многодетную мать, какой она должна быть?

— Мудрой. И настроенной на большую семью. Я ещё когда училась в школе, говорила родителям: «У меня будет как минимум три ребёнка». Они меня в этом поддерживали.

Много детей — это очень сильный стимул для жизни, на самом деле. Самая популярная актриса Голливуда — Анджелина ДЖОЛИ. У неё шестеро детей, а она ещё сама снимает картины и преодолела тяжёлую болезнь.

— Тебе могут сказать, что Анджелина Джоли — богатая женщина, и ей легко обеспечивать шестерых, а в России всё сложнее.

— В кругу моих знакомых, нормальных, среднеобеспеченных людей рожать стали всё охотнее. И у таких людей нет недовольства жизнью, нет депрессий — им просто некогда ворчать. У них меньше разводов. И жить им интереснее, по моим наблюдениям. Муж скорее уйдёт из семьи, где один-два ребёнка, чем из многодетной. Если взять наших тройняшек в крае, так ни один папа не ушёл.

— Наверное, в семьях, где много детей, у родителей меняются приоритеты?

— Да, ты перерождаешься. Отдавая всё детям, ты становишься другим человеком. Мой муж, например, в юности, можно сказать, был эгоистом, впрочем, как большинство мужчин, а если взять его сейчас — он очень изменился в лучшую сторону.

— Хорошо бы, чтоб двое-трое детей стало нормой. Население России-то сокращается.

— Знаешь, настроения в обществе меняются. Довольно много семей, где родители говорят: «Мы думаем о третьем ребёнке»... Причём, что интересно, инициатива идёт от мужчин. Они хотят детей. Ехала недавно в такси, водитель рассказывал мне, что хочет водить жену на третьего ребёнка. Инструктор по вождению поделился со мной мечтой о третьем малыше. Мужчины считают меня авторитетом в детском вопросе (смеётся). Часто обращаются в социальных сетях, чтобы я повлияла на жену, уговорила её на второго-третьего ребёнка.

— Если бы ты была депутатом в Думе, какие законы провела бы для многодетных матерей?

— Я бы предложила создать сеть центров для мам в кризисной ситуации. Сейчас этого нет, и женщины в трудной ситуации приходят разве что в православный храм, но там глобальной помощи оказать не могут. Вот на днях мама обратилась в церковь — она только родила второго ребёнка, а муж завёл себе другую женщину, пока она была в роддоме, и выкинул все её вещи. И ей некуда идти.

Такие случаи часто бывают. Поэтому хотелось бы, чтобы существовал такой центр, где женщина могла бы отдышаться и принять какое-то решение, возможно, найти работу. Потому что социальные службы, которые сегодня существуют, просто перелопачивают тонны бумаги, занимаются бумаготворчеством, вместо того, чтобы оказывать реальную помощь.

— А у нас до сих пор нет подобной структуры?

— Есть маленький приют, куда приходят бомжи и живут там месяц, больше держать их там нельзя. Но разве мать с ребёнком будет жить рядом с бомжем?

Да и у нашего благотворительного Фонда мам-тройняшек до сих пор нет своего помещения, хотя к нам

Из новой книжки Д. Мосуновой «Мама в кубе-3»

Купили поздно вечером 3,5 кг бананов. А утром ни одного...

Саша пришёл на кухню утром, порывшись в пакете, развёл руками и сказал:

— Судя по тому, с какой скоростью мы съели бананы, мы точно проголодали от обезьян.

Дети любят давать имена неодушевлённым объектам, чем в смущение вводят взрослых. Я купила им в поездку волейбольный мячик, и они назвали его... Арсений. И тут началось.

— Арсения не забудьте! А нас на рейс с ним пропустят?

Взрослые:

— Вас сколько?

— Нас 5! И ещё Арсений. Но он маленький. Только голова.

В аэропорту диалог:

— Девочка, проходи. Тут паспортный контроль.

— У вас под ногами Арсений лежит...

— ??? — взвизгивает таможенник.

— Да вот он, — подползает под ноги на четвереньках Маша.

— Вы на него чуть не встали. Потерпи, миленький.

Обратилась к детям с просьбой обозвать мячик по-другому. Назвали Бобиком. Но, чувствую, что пугалки для взрослых не прекратятся.

прибились уже и просто многодетные мамы, и мамы детей-инвалидов, и мамы в трудной жизненной ситуации... Они хотят, допустим, обмениваться вещами, так дешевле получится, но принести их некуда.

— Где же вы встречаетесь?

— Мы пристроились под крыло Детского российского фонда. У них во Дворце пионеров есть комнатка, и тут мы со своими вещами пытаемся прибиться. Я всех посылаю к Наталье Михайловне, директору этой организации, которая просто в ужасе, наверное. Уже подворца работает на нас — бабушки-сотрудницы принимают и раскладывают эти вещи, а потом выдают мамам.

Хотя своего помещения нет даже у инклюзивных детей, они тоже вынуждены мыкаться «по людям», а это детишки с синдромом Дауна, аутисты, их психологу надо где-то проводить консультации с родителями. Поэтому я молчу уже со своими тряпками.

— Вот простор для благотворительности богатым людям. Пустил бы кто-нибудь к себе мам и детишек. Площадь-то небольшая нужна.

— Это было бы чудо... А у меня вообще ни подо что нет помещения. Ни для мам многодетных, ни для Астафьевского фонда. Молодые писатели, когда звонят, спрашивают, куда подойти, я говорю: ко мне домой. Астафьевскому фонду скоро 20 лет, а вся накопившаяся документация, архив лежат у меня дома.

Елена НИКИТИНСКАЯ

«Я служил Родине своей, которую ставлю выше всего...»

Есть исторические личности, которым суд времени ещё не вынес свой вердикт. И до тех пор, пока этого не случится, их судьба, деяния, взгляды и мысли будут привлекать внимание потомков и вызывать ожесточённые споры.

Вынесенные в заголовок слова сказаны адмиралом, лидером Белого движения во время Гражданской войны, Верховным главнокомандующим Русской армией и Верховным правителем России в 1918–1920 годы Александром Васильевичем КОЛЧАКОМ в иркутской губернской тюрьме на одном из допросов.

7 февраля 1920 г. А.В. Колчак и министр его правительства В.Н. ПЕПЕЛЯЕВ были тайно выведены дворами к Знаменскому женскому монастырю, что стоит на берегу Ангары, и расстреляны в 5 ч. 10 мин. Тела убитых были сброшены в крестообразную прорубь-иордань, вырубленную во льду в Крещение.

Бывший в 1920 г. комендантом Иркутска некий Б. БЛАТЛИНДЕР (псевдоним Бурсак) в 30-х годах так рассказывал иркутскому историку Г.А. ВЕНДРИХУ о последних часах и минутах жизни Колчака: «После прочтения ему постановления ревкома о расстреле он резко спросил: «Как, без суда?». Я рассмеялся...».

Позже, уже в 60-е годы, незадолго до своей смерти Бурсак рассказал иные обстоятельства гибели адмирала. Тот же Вендрих так записал это: «Бурсак провёл меня позади тюрьмы, остановился напротив Знаменского монастыря, указал земляной бугор, послуживший «стенкой», и сказал слова, которые я меньше всего ожидал от него услышать: «Здесь окончил свой скорбный путь адмирал». После долгой паузы Бурсак рассказал подробности казни. От предложения завязать глаза Колчак отказался, спокойно выкурил папиросу, застегнул на все пуговицы шинель и встал «смирно».

Весной 1920 г. неподалёку от станции Иннокентьевской, что расположена ниже по течению Ангары, местные жители обнаружили труп в адмиральской форме, вынесенный течением на берег. Следователи выяснили, что это было тело Колчака. Впоследствии останки адмирала были тайно похоронены по христианскому обычаю. В настоящее время место захоронения не обозначено на местности, но есть сведения о наличии документов, в которых оно указано. Возможно, скоро место захоронения адмирала будет установлено и отмечено, как подобает.

Сейчас на берегу рядом с устьем впадающей в Ангару речушки Ушаковка, где тело Колчака спустили под лёд, стоит деревянный крест как материализованный образ крестообразной иордани.

С Иркутском, своим последним местом на земле, А.В. Колчака связывало многое. Осенью 1902 г. он возвращался из первой своей арктической экспедиции, которая длилась более двух лет (с января 1900 г.), именно через Иркутск. Из Иркутска же Колчак отправился во вторую свою экспедицию в качестве руководителя по спасению барона Э.В. ТОЛЛИЯ, пропавшего с частью команды во время

1919 г.

первой экспедиции. Возвращение из этой второй арктической экспедиции, которая, к сожалению, не дала положительных результатов поиска, состоялось весной 1904 года. А.В. Колчака в Якутске встречали прибывшие накануне отец — генерал-майор и горный инженер Василий Иванович КОЛЧАК и невеста Софья Фёдоровна ОМИРОВА. По прибытии в Иркутск 5 марта 1904 г. в Михайло-Архангельском (Харлампиевском) храме состоялось венчание новобрачных. А через несколько дней, 11 марта, лейтенант А.В. Колчак отбывает в Порт-Артур, где уже гремела русско-японская война.

Харлампиевский храм, имевший народное название Морской храм, был начат в 1738 г. с деревянной постройки, а окончательно возведён в 1777 г. в виде красивого каменного здания на средства иркутских купцов, осваивавших в то время Камчатку, Курилы и Аляску. Морская тема в континентальной столице Восточной Сибири звучала тогда вполне отчётливо: в городе на исходе XVIII века стараниями купцов, и прежде всего Г.И. ШЕЛЕХОВА, была организована Русско-Американская компания, которая покоряла для империи новые земли за океаном.

В советское время Харлампиевский храм был лишён куполов, внутреннего убранства, превращён в склад и завален хламом, но в настоящее время восстановлен и действует.

Крест на берегу Ангары, где было спущено под лёд тело Колчака

В первых строках романа «Земля Санникова», изданного в 1926 году, выдающийся учёный-геолог В.А. ОБРУЧЕВ описывает выступление на заседании Русского географического общества некоего «морского офицера, совершившего смелое плавание в вельботе через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Э.В. Толль, оттуда не вернувшийся». Автором упоминается «мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами». Этому описанию полностью соответствует реальный человек — Александр Колчак, которого автор открыто в то время назвать не мог. Таким образом, вероятно, сама идея романа у В.А. Обручева возникла после доклада Колчака, где, очевидно, Обручев присутствовал. Известно, что участников экспедиции 1900–1902 гг. и особенно самого барона Толля чрезвычайно увлекал поиск неизведанной земли.

Впоследствии на фризе здания Восточного филиала Императорского русского географического общества в Иркутске была высечена фамилия Колчак наряду с ранее сделанными надписями — именами других учёных и исследователей Сибири и Севера. В советский период эта надпись была уничтожена и восстановлена только в феврале 2007 г.

Барон Э.В. Толль, возглавлявший Русскую Арктическую экспедицию, высоко ценил этого своего помощника, который выполнял важнейшую работу, — проводил гидрологические исследования. В 1901 г. Толль назвал именем Колчака один из открытых экспедицией островов в Таймырском заливе и мыс. При этом сам Колчак во время своих полярных походов назвал другой остров и мыс именем своей невесты — Софьи.

В советский период все географические названия, связанные с именем Колчака, были упразднены, но в 2005 г. по ходатайству Русского географического общества и постановлению Таймырской окружной думы острову Расторгуева возвращено исходное имя Колчака. В 2009 г. там был установлен памятный знак адмиралу и исследователю Арктики Колчаку.

По итогам арктической экспеди-

ции А.В. Колчак был избран Действительным членом Императорского географического общества и награждён орденом Святого Владимира 4-ой степени. А Арктика наградила лейтенанта Колчака суставным ревматизмом (результат «купаний» в ледяной воде и двух жёстких зимовок), который мучил его все последующие годы.

Не касаясь темы участия лейтенанта А.В. Колчака в боевых действиях войны с Японией, будем иметь в виду также его яркую и смелую военную службу. Выполняя воинский долг, А.В. Колчак проявлял все качества думающего и смелого стратега, бойца и патриота. Россия отметила морского офицера, познавшего и размах морских сражений, и грязь пехотной войны, и тяжесть плена — высокими орденами и оружием за храбрость.

Но его тянула неудержимо наука и полярные исследования. Экспедицию Колчака оценивали как «важный географический подвиг». В 1906 г. Русское географическое общество присудило Колчаку свою высшую награду: «Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ засѣданіи 30 января с.г. присудилъ дѣйствительному члену Общества Лейтенанту Александру Васильевичу Колчаку за участие въ экспедиціи барона Э.В. Толля и за путешествіе на островъ Беннета, составляющее важный географическій подвигъ, совершение котораго было сопряжено съ большими трудностями и опасностью для жизни, — свою высшую награду — Константиновскую медаль». А.В. Колчак был четвёртым из награждённых этой почётной наградой. До него её были удостоены трое знаменитых полярных исследователей, все иностранцы: Ф. НАНСЕН, Н. НОРДЕНШЕЛЬД и Н. ЮРГЕНС.

Таким образом, в неполные тридцать лет этот человек стал первым в России по вкладу в исследование Севера, получив крайне почётную «набивку» к имени Колчак — Полярный.

В 1906 г. Главное гидрографическое управление Морского министерства издало три карты, которые подготовил А.В. Колчак. Здесь следует заметить, что эти карты, составленные на основании как личных наблюдений Колчака, так и материалов всей экспедиции, служили долго отечественным специалистам, только в советские времена стыдливо замалчивалось имя истинного автора данных работ, архиважных для полярных походов.

В 1909 г. А.В. Колчак опубликовал своё исследование «Лёд Карского и Сибирского морей» — монографию, обобщавшую его гляциологические исследования в Арктике. Однако он не успел издать другую монографию, посвящённую картографическим работам экспедиции Толля. Значение труда А.В. Колчака состояло в том, что он заложил основы учения о морских льдах и их движении в океане. По сути это серьёзный научный труд, который позволяет считать А.В. Колчака крупным учёным-исследователем. Подобных работ тогда не существовало, опубликованные данные и их анализ были уникальными.

Колчак был ещё молод, полон сил и новых планов. Он горел идеей открытия стратегически важного для России Северного морского пути, которым интересовался ещё со времён своих первых полярных

плаваний. Неудивительно, что именно он должен был принять участие в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, ставшей одной из самых успешных в истории изучения Арктики русскими исследователями.

28 октября 1909 года корабли «Вайгач» и «Таймыр» вышли в море из Санкт-Петербурга. Пройдя Балтийское, Северное, Средиземное, Красное моря и Индийский океан, 3 июня 1910 года экспедиция пришла во Владивосток и занялась исследованиями пролива у мыса Дежнёва. Но вскоре А.В. Колчака вызвали в Петербург для продолжения службы в Морском генштабе. 15 ноября Колчак сдал «Вайгач» и выехал в Санкт-Петербург.

В морском министерстве открывались новые возможности реализации судостроительной программы, за которую также ратовал Александр Васильевич, и стремление заниматься модернизацией флота России перевесило. Это начинание дало свои плоды. К примеру, эсминцы с турбинными двигателями, построенные в 1914–15 гг., прослужили тридцать лет и успешно сражались на Балтике ещё в годину Великой Отечественной войны.

Совершенствуя вооружение военных кораблей и прежде всего миноносцев, Колчак предложил ряд интересных технических решений. Одно из них до сих пор актуально: использование в механизме морской мины кусочка сахара, который после установки, растворяясь в морской воде, приводил мину в боевое состояние.

К вопросу освоения Северного морского пути А.В. Колчак вернётся только в 1918 г., сначала став морским министром, а затем и возглавив правительство России в Омске. Теперь над проблемой исследования и освоения Арктики продолжал работать созданный 23 апреля 1919 года по личному почину Колчака специальный Комитет Северного морского пути.

В планах значились и новые исследовательские экспедиции, одна из которых была проведена в 1919 году в Карском море под руководством друга Колчака Ф.А. МАТИСЕНА (участника первой арктической экспедиции). В планах значилось и строительство нового порта в устье Енисея. Практически сооружение Игарки было predeterminedено ещё планами правительства А.В. Колчака и реализовано позже.

Звезда А.В. Колчака, его слава морского стратега взошла в 1914–16 гг. на Балтике и Чёрном море, когда он, командуя минной дивизией, а затем и Черноморским флотом, «играючи» запер минными полями и грамотной активностью своих кораблей германские и турецко-германские корабли, лишив их простора и активности. Наряду с генералом А.А.

БРУСИЛОВЫМ А.В. Колчак — один из немногих военачальников русской армии и флота, кого общественное мнение того времени считало героем войны с Германией и её союзниками в 1914–17 гг.

В Иркутске всегда, включая советское время, помнили адмирала Колчака. В том числе потому, что в апреле 1919 г. А.В. Колчак своим указом открыл первое в Иркутске высшее учебное заведение — университет (ныне ИГУ). Но дань уважения и почитания адмиралу сибиряки смогли отдать значительно позже.

В феврале 1998 г. в драматическом театре Иркутска была представлена премьера пьесы Сергея ОСТРОУМОВА «Звезда Адмирала» (режиссёр Вячеслав КОКОРИН, исполнитель роли Колчака — Геннадий ГУЩИН). А 4 ноября 2005 года был поставлен спектакль «Встречи с адмиралом Колчаком» (режиссёр Геннадий ШАПОШНИКОВ), в котором роль адмирала сыграл народный артист России Георгий ТАРАТОРКИН. Позднее спектакль был сыгран на сцене Театра имени Моссовета.

Кстати, драматический театр Иркутска построен в 1897 г., неподалеку от здания Императорского географического общества. Таким образом, постановки осуществлены на сцене театра, в котором, возможно, бывал сам Александр Васильевич.

В 2004 году в Иркутске на месте расстрела по инициативе и при активном продвижении идеи увековечивания памяти А.В. Колчака профессором ИГУ С.В. АНДРЕЕВЫМ установлен памятник адмиралу Колчаку (скульптор В.М. КЛЫКОВ).

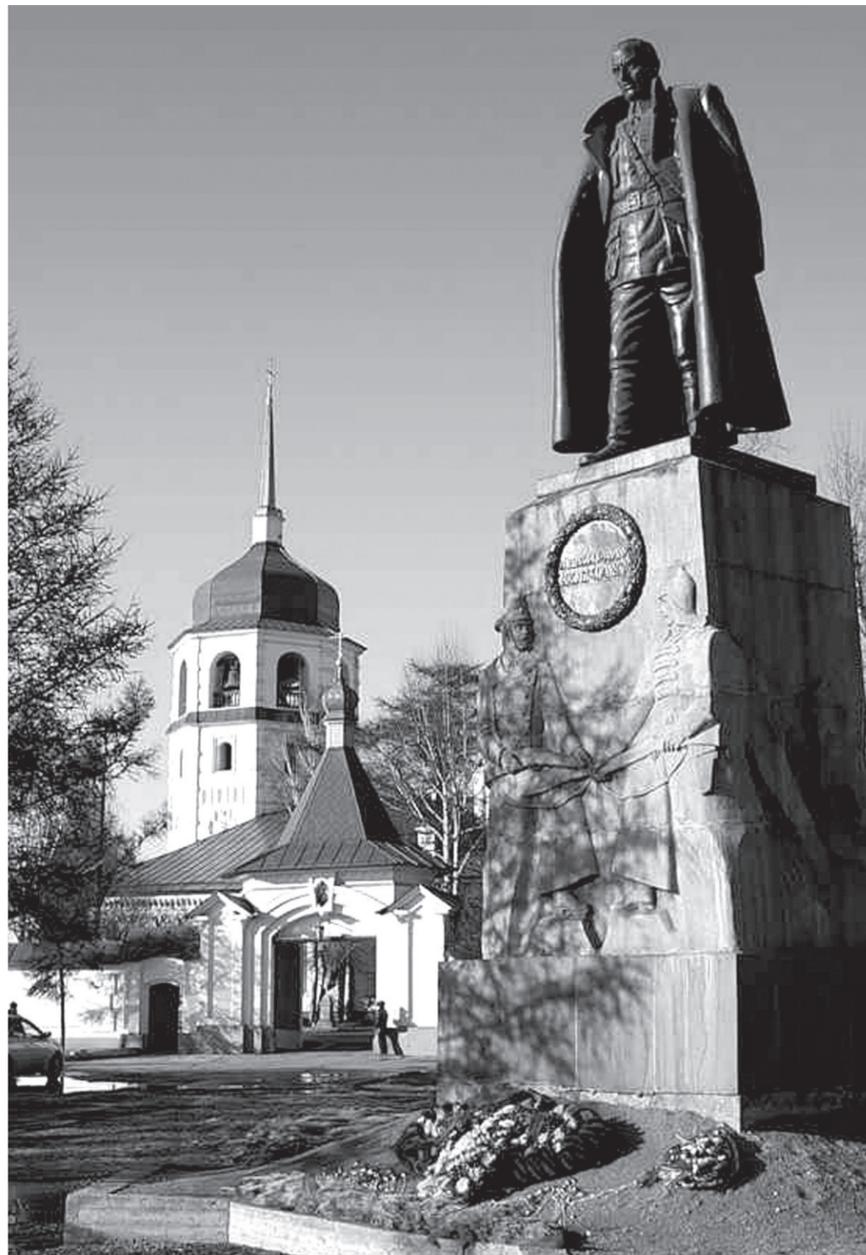
По случаю установления памятника в Иркутске была выпущена памятная медаль, которой были отмечены причастные к работе, и набор открыток «Колчак в Иркутске».

А в 2006 году в здании Иркутской тюрьмы в камере № 5, в которой провёл последние свои дни незаурядный и мужественный человек, патриот России А.В. Колчак, размещена экспозиция.

Хочется отметить, что Иркутск, наверное, единственное место в современной России, где имени А.В. Колчака отдаётся должное — как человеку, служившему своему

Народный артист России Г. Тараторкин в роли адмирала Колчака

Памятник в Иркутске у Знаменского монастыря, где Колчак был расстрелян

Отечеству с достоинством, талантом и смело.

А ведь с его именем связаны интереснейшие судьбы людей, имеющих отношение и к Красноярску, к Красноярскому краю. Роль выдающейся личности часто состоит в том, что под влиянием её идей и интересов на орбиту новых свершений приходят другие, продолжая линию созидания, творческого поиска и служения людям.

Вот лишь один пример.

Продолжение работ по поиску и разведке месторождений в районе Норильского рудного узла было начато созданным при правительстве А.В. Колчака Сибгеолкомом по просьбе дирекции маяков и лоций Северного Морского пути. Прежде всего ставился вопрос о поиске угля для топливного обеспечения перевозок по вверенной трассе.

Сибгеолком предусмотрел на лето 1919 г. «геологическое обследование медно-рудных и каменноугольных месторождений...». Работами руководил выпускник горного факультета Томского технологического института Н.Н. УРВАНЦЕВ.

Интересно, что на выбор им профессии и всего жизненного пути существенное влияние оказал непосредственно В.А. Обручев, автор навеянной выступлением Колчака «Земли Санникова», чьи книги читал, чьи лекции слушал и учеником которого Урванцев являлся. Это влияние очевидно, ведь наряду с профессией геолога Н. Урванцев известен как выдающийся географ — исследователь Крайнего Севера. За свои географические открытия он наряду с правительственными удостоен двух высших наград Географического общества СССР — золотой медали им. Н.П. Пржевальского (1924 г.) и Большой

золотой медали (1958 г.). А в 1935 г. Н. Урванцев издал и художественно-публицистическую книгу «Два года на Северной Земле», дополнив свою научное наследие.

Открыватель медно-никелевых месторождений, крупный учёный-геолог и создатель Норильска Н.Н. Урванцев сам дважды (1938 и 1940 гг.) пережил арест и несколько лет лагерей... как бывший «колчаковец». Теперь же в Красноярске и в Норильске именем геолога Урванцева названы улицы, его имя присвоено ряду географических объектов в Арктике и Антарктиде.

Изучая жизненный путь А. В. Колчака, удивляешься насыщенности яркими событиями, которые неразрывны со сложной и трагичной судьбой страны. Но неизменным всегда оставалось направление этого пути — быть полезным Отечеству.

Наверное, не будь тяжких испытаний, выпавших на долю российского народа, продолжил бы Александр Васильевич Колчак свои географические открытия, возможно, пришёл работать в университет, писал бы книги, прерываясь на новые походы в края неизведанные. А может, выбрал бы он путь государственного деятеля, строил флот страны, её промышленность.

Но в годы крушения государственности России ему пришлось пройти тяжкий путь одинокого воина — с последующим проклятием на долгие годы, с именным штампом «колчаковщина» как знаком отчуждения и многолетнего неприятия.

Хочется верить, что время действительно всё расставляет на свои места, и каждый находит достойную его дел оценку в памяти народа и истории.

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

После того как мы выросли

«Счастье — это когда дети счастливы». Именно так начинается свой рассказ о семье Наталья АНДРОНОВА. Моя мама.

Детство

В детстве у меня было ощущение, что она живёт только ради детей. У мамы не было особых увлечений, подруг и других дел, кроме как приглядывать за нами. Разница в возрасте у меня со старшими сестрой и братом большая. Лене сейчас 37, Андрею недавно исполнилось 35. Мне будет 26 в апреле. Родители всегда говорили, что родили меня себе на развлечение в старости. И теперь я понимаю, как это действительно важно было для них — чтобы огромный дом не пустел как можно дольше...

Родители познакомились в строительном институте в Томске. Папа Василий АНДРОНОВ, отслуживший в армии, покорил маму вовсе не своей жизненной позицией «взрослого парня» (это как раз её поначалу раздражало), а рыжей бородой и голубыми, как небо, глазами. Через год после свадьбы родилась первая дочь. Семья тогда ютилась в двухкомнатной квартире бабушки и дедушки. Вместе с ними жил и папин старший брат с семьёй. В общем 8 человек на сколько-то там квадратных метров.

Но скоро дела отца пошли в гору, его перевели начальником МПМК, государственной строительной компании, в город Боготол, где теперь и есть наше родовое гнездо. Мама работала там же — инженером. Сначала был один дом, потом папа построил новый, большой, в котором умещалось 7 человек (бабушка и дедушка, мамыны родители, жили с нами). Мы росли, не зная бед, детство было действительно беззаботным, весёлым и очень трогательным. Мы играли всем двором в казаки-разбойники, бегали в неразрешённые для прогулок места, чтобы посмотреть, как строят дома, устраивали войнушку, ремонтировали мотоцикл, ходили по грибы, летом — ездили на речку, зимой — снежки и огромные туннели, каток, лыжи... В детстве мы часто ссорились с сестрой, совершенно не помню по каким поводам, но однажды маленькая я даже сказала ей, что «лучше отдам блин Бублику (нашей собаке), чем ей». Зато с братом мы были не разлей вода, он разрешал мне гулять с его друзьями, никого не удивило, что со временем я стала «пацанкой». Мне интересно было узнавать, как работает двигатель, кататься на мотоцикле, плавать наперегонки, ходить в лес и на рыбалку... Наша семья жила дружно и счастливо. А вместе с нами кошки (обычно их было 3-4), собаки и «хозяйство» — куры, гуси, индюки, даже коза и баран!

Никогда не забуду выезды на природу. Несколько семей собирались вместе, жарили шашлыки, играли во фрисби, пели песни... Самая любимая «Миленький ты мой», её мужчины и женщины исполняли по ролям. Мой папа запевал громче всех, а мама — красивее.

Папа постоянно работал, но как-то умудрялся проводить со мной время. Он брал меня с собой в командировки, и я играла в машине, пока он вёл переговоры, или спала на заднем сидении. Потом мы обязательно кушали назаровское мороженое-пломбир на палочке. У папы оно заканчивалось быстрее, и он всегда говорил, что это мне дают большую порцию, потому что я маленькая, а добрый ки-

оскёр любит детей. А ещё как-то между поездками в командировки папа научил меня плавать. Он говорил: «Ничего не бойся, я рядом». И я правда не боялась, плыла и плыла по бурному течению нашей реки Чулым. А потом в какой-то момент дна не оказалось — меня снесло в яму. Но я не успела запаниковать — папа был рядом, схватил меня за подмышки и высоко поднял из воды. Таким он и остаётся: я точно знаю, что если что-то случится, папа успеет взять за руку. А в другой раз учил меня не плакать. Наша река не самая чистая — люди бросают мусор, бутылки. Я ныряла и распорол ногу осколком стекла. Шрам остался до сих пор, а тогда кровь, казалось мне, хлестала, как проливной дождь. Папа вез меня домой (в больницу в нашей семье ходить не принято) очень быстро, но и очень строго наказал не плакать. Как-то с тех пор повелось, что плакать было нельзя... Был ещё случай, единственный, когда я видела, что папа испугался. Мы поехали в лес за грибами, уже собирались ехать домой, смеркалось, как вдруг... нашей машины не оказалось на месте — мы заблудились! Секунда — недоумение в его глазах, еще через секунду — спокойствие и самообладание. Я не сомневалась, что мы найдёмся — ведь я была с папой. Так и вышло, спустя некоторое время блужданий, вышли на дорогу, которая привела нас к автомобилю.

С мамой мы вместе и по отдельности много читали... Когда появились первые магазины, которые присылали книги (знаете, когда присылают каталог, и ты выписываешь), мама скупала всё, что могла, и потом долго у нас на полках стояли нераспечатанные, в плёночках книги. И только спустя годы мы принимались их читать. Наш личный рекорд — «Сага о людях льда» Маргит САНДЕМУ — увлекательнейший роман в 47 (!) томах. Читается на одном дыхании. Старшая сестра и мама перечитали его несколько раз! Я не осилила, потому что на журфаке, куда я поступила, стала увлекаться классикой. «Подсадила» на это дело и маму. Поэтому теперь в наших разговорах преобладают ДИККЕНС, ГОРЬКИЙ или МАРКЕС.

Наш дом стоит на опушке леса, поэтому зимой мы всей семьёй катались на лыжах, а летом ходили за грибами и ягодами. Родители продолжают это делать и после нашего — детей — отъезда. Лето — время сада и огорода, которым мама с папой теперь посвящают всё свободное время. Когда мы приезжаем из Красноярска — первым делом попадаем на экскурсию: какое дерево насколько выросло, какие цветы зацвели, новая изгородь, под деревьями в саду впервые выросли грибы, а вот тут новые грядки... Это их общее любимое дело, которое приносит радость.

Очень приятно видеть родителей летом. Зимой они словно медведи в берлоге, куда не ходят, мало с кем общаются. Папа два раза в неделю отправляется играть в волейбол, мама «для общения» работает сторожем в школе, сутки через трое — пока здоровье позволяет такой режим. Но это я забежала вперёд...

И не детство

Семья начала редеть неожиданно. В один год умерли две бабушки и дедушка. Уехали учиться в Красноярск старшие дети. Осталась действительно только «маленькая радость» и капризный взрослеющий подросток в одном лице — я. А у меня начался переходный возраст, и я, конечно, доставила родителям не только тихие радости.

Помню, как первый раз покрасила волосы, и мама не разговаривала со мной несколько дней. А сколько раз я потом красилась — в красный, синий, рыжий цвет!.. Дома практически не бывала — моей кипучей энергии хватало и на бассейн, и на студию макраме, и на прогулки на велосипедах, и на встречи с мальчиками, и на танцы, и на участие в каких-то акциях. Правда, ещё её хватало на заочные подготовительные курсы в двух университетах Красноярска. В месяц я решала по 5-7 контрольных работ по литературе, русскому языку и истории — готовилась к поступлению. И это была собственная инициатива, наверное, очень радующая на тот момент родителей.

Самым сложным испытанием для

родителей стал мой отъезд в Красноярск — поступать. «Ничего не сложным, — отрицательно качает головой мама. — Я к этому была готова». Папа всё больше молчит, он своих чувств не покажет, хотя тоже соглашается: даже когда мы «всеми детьми» приезжаем в гости на выходные, а потом снова уезжаем, они тоскуют. Сложно и содержать большой дом, в котором раньше у каждого было по отдельной комнате, а теперь они бродят по ним одиноко, рассматривают старые фотографии, книги, записочки, плакаты. Они долго не делали ремонт после нашего отъезда. Всё берегли стены и дух.

«Ты уехала в Красноярск одна, самостоятельная. Мы всей семьёй были в Боготоле, переживали, — вспоминает мама. — Когда ты позвонила и сказала, что поступила, я держала на руках Ромку (внука), и мы с ним от радости стали танцевать и кружиться. Старшему сыну это показалось очень забавным, и он начал в шутку прыгать высоко в воздух, растопыривая ноги в разные стороны. Мы смеялись и плакали от радости. Этот момент счастья я никогда не забуду».

Родители никогда не делали выбор за нас. Они позволяли самим пробовать, где-то ошибаться, но учиться жить. Я поступила на журфак против папиной воли. Он не запрещал, но и не одобрял, всей душой считая «журналюг» продажными и раздувающими сенсации непрофессионалами. Мама же была просто счастлива — брат и сестра учились платно, а я поступила на бюджет, выложив все силы, посвятив лето подготовке. (К слову, впервые папа одобрил мою работу лишь несколько месяцев назад, прочитав очередной текст и сказав, что он его тронул до мурашек. Лучше этой похвалы в моей жизни не было ничего).

«У тебя в классе была девочка, которую мама «не отпустила» учиться в Красноярск, — рассказывает мама. — Для меня это очень странно. Наши дети должны жить своей жизнью, а не сидеть при нас».

Но всё же, когда все разъехались, пришло время подводить итоги. «Мы с отцом сделали всё, что могли: выучили, купили квартиры. Все вы теперь живёте в соседних домах, это хорошо и нам спокойнее. Сейчас уже нет возможности вам помогать — мы оба на пенсии, но успешный старт мы вам обеспечили. И дети не подводят».

Сначала у нас было принято часто приезжать домой, не каждую неделю, но хотя бы раз в месяц мы ездили обязательно. Родители приезжали в Красноярск редко. Потом в основном стали созваниваться — но чуть ли не каждый день. Родителям лишь бы голос услышать, что мы живы-здоровы, долгих бесед обычно не ведём.

Зато когда теперь удаётся собраться всей большой семьёй, мы частенько проводим за столом целые вечера, перерастающие в ночи. Разговоры обо всём — от личных переживаний до политики, споры, смех. А ещё — часто играем в лото. К этому, на удивление, нас приучили дети старшей сестры. Им тоже нравится подолгу сидеть за семейным столом, вести беседы или даже молчать.

Сейчас наши отношения с братом и сестрой очень семейные. Мы ходим в гости, часто созваниваемся, обсуждаем проблемы, помогаем принимать решения. Во многом нас объединяют племянники — дети сестры. Они очень активные, но поскольку Красноярск уже не Боготол, где мы сами ходили в школу, до определённого времени их нужно было возить на секции. Старшая Катя занимается плаванием, танцами, рисованием, творчеством, участвует во всевозможных олимпиадах и занимает призовые места на уровне города. Племянник Рома занимается хоккеем. У него тренировки утром и вечером, без выходных. Иногда он спит в автобусе, но чаще кипит энергией, рассказывает истории или играет в планшет.

Мама гордится своими детьми и иногда даже любит похвастать их успехами. У старшей Лены — самая стабильная жизнь, есть семья, надёжный муж и двое детей. За Андрея в своё время очень переживала, когда

он несколько раз бросал университет. Учился в общей сложности 9 лет, но так и не окончил его. Но это был его выбор.

Больше всех достаётся мне. У меня нет семьи, а работа отнимает очень много времени. «Я, конечно, считаю, что это неправильно, — ворчит мама. — С другой стороны, ты столько всего видела, у тебя такая интересная жизнь, ты много путешествуешь, жила в Питере, работала в Москве. Только всё время бежишь, нет минутки остановиться и оглядеться по сторонам. Переживаю, как бы не сгорела. Но ты у нас сама всё знаешь, так что остаётся только переживать потихоньку и ждать внуков. И у сына пока детей нет. Но я надеюсь ещё понынчить не меньше четырёх внуков!»

К внукам сходятся многие разговоры, но таковы мамы. Это и будут её настоящие итоги. А сейчас она каждый день встречает с улыбкой. Так любить мир могут немногие. Мама видит солнце, радуется цветам, плачет от радости побед олимпийской сборной, собирает паззлы, умеет лайкать фотографии ВКонтакте, планирует летом поездку на Байкал. В этом году ей исполнится 60 лет. Оказалось, что мы («все дети», как я люблю говорить) — далеко не всё, чем она живет. Хотя и большая часть. Так же, как и они с папой — наша большая часть.

Я уже 9 лет живу отдельно от родителей. Со временем понимаешь и их тревоги, и те моменты, на которые они закрывали глаза, и то, какими силами зарабатывали нам на жизнь, на самое простое, бытовое, и на глобальное — квартиры.

Переоценка ценностей произошла после аварии. Родители ехали от дяди с тётёй из Новокузнецка, перевернулись на машине, папе зашивали го-

лову, а мама долго не могла ходить — ударились грудью, было тяжело. Когда я об этом узнала, примчалась первым автобусом из Красноярска. До сих пор холод бежит по телу, когда вспоминаю, как звоню в дверь, а никто не открывает, потому что оба лежат перевязанные... Тогда всё обошлось, но бояться за них я стала намного больше. И говорить, что люблю — чаще. Оказалось, что одно событие может так круто изменить отношение ко всему. Хотя они, оптимисты, смеются и над этой ситуацией: рассказывают, как папа сначала выбрался сам, потом спас маму, затем — гостинцы от дяди и тети, и только потом — водителя, с которыми они ехали. Вот такие приоритеты.

Всё больше переживаешь, что они не соглашаются переезжать в Красноярск, чтобы быть ближе к нам, ведь как ни хоти — уже не молоды.

С другой стороны, наш дом — то самое родовое гнездо, куда всегда можно приехать, где любят и ждут, и стены помогают. Его жалко бросать. Всё больше мысленно благодарю родителей за правильное воспитание, за крышу над головой, за пристрастие к чтению, за то, что всегда давали право голоса, даже когда мы были маленькими, за любовь.

Наверное, это было сложно — растить нас, давать лучшее. Папу мы почти и не видели, он всё время работал. Мама была ближе, но её опека часто пугала. Сейчас исправляется. Но главное — семья родителей даёт представление о собственной семье. Я тоже хочу много детей, большой дом и шумные ужины, баню, камин и огромный сад, который весной будет благоухать. Хотелось бы суметь и детей воспитать такими, какие мы сейчас — кажется, что из всех нас вышел

толк. Надеюсь, у нас с мужем тоже получится.

У нас есть две семейные легенды обо мне, которые уже передаются из поколения в поколение. Легенда первая: «Как я ушла из дома». Мне было три года, мы только переехали в новый дом, а у старших детей «в старом доме» осталось много друзей, к которым они ходили каждый вечер. И меня брали с собой. Но тут я заигралась с новым соседским мальчишкой и увидела только удаляющиеся спины брата и сестры. Я пустилась в путь. Не знаю откуда, но я очень хорошо знала правила дорожного движения. Переходя самую оживлённую улицу города Боготола, я посмотрела налево, потом направо, только потом пошла через дорогу. В общей сложности путешествие длилось минут 20, но учитывая мой возраст, шокированы были все. Конечно, родители быстро спохватились, соседский мальчишка меня, естественно, сдал, мама и папа приехали, нарутали и забрали нас всех домой. Наверное, эта история предопределила мои вечные разъезды.

Легенда вторая: «Про то, что я не пойду замуж». Лет мне тоже было не многим больше трёх. В гости приехал дядя Коля, мамин брат. Перецеловав всех членов семьи, он обронил фразу, что я так выросла, уже совсем большая, можно замуж отдавать. Уж не знаю, что меня так расстроило, но я закрылась в комнате, подперла дверь стульчиком, чтобы никто не тревожил мои переживания, и рыдала около часа. Когда родители нашли меня в слезах, они долго смеялись поводу. Оттуда цитата: «Я замуж не пойду, а дядя Коля сказал пойдёёёёёёёё» (произносится тоненьким голосом, сопровождается всхлипываниями).

Анастасия АНДРОНОВА

ПОРТРЕТ

После соревнований

Я очень часто видела свою подругу, футболистку Юлю ЯКОВЛЕВУ, после соревнований. Она уставшая, иногда даже не может слова вымолвить, но всегда счастливая. Спорт и жизнь со знаком равенства — это точно про неё.

Она с детства занималась спортом, сначала плавала. Рассказывала, как утром ходила вместе со старшей сестрой Катей в бассейн. Вставать не хотелось, идти далеко, через лес, но зато первые победы и свершения. Выезжали и на соревнования — тогда Юля впервые почувствовала командный дух и общенность к сообществу. И даже первую свою работу выбрала с учётом хобби — стала тренировать детей. Это ей безумно нравилось, и истории о своих воспитанниках Юля может рассказывать часами. Как они хитрят, чтобы не делать разминку, как приносят подарки к 8 марта, сделанные своими руками, и стесняются, прячут их за спиной, как спрашивают обо всём на свете — откуда берётся ток, почему в бассейне нет крокодилов, где хранятся ключи от склада...

Но по-настоящему жить спортом Юля начала только тогда, когда увлеклась футболом. Это было на втором или третьем курсе (сама уже не помнит). Нужно было сдавать зачёт, а затянуло так, что осталась в игре до сих пор. Она быстро доросла до звания капитана команды, и недаром. Весёлая и беззаботная в жизни, на поле она становится абсолютно другим человеком. Собранный, чёткая,

быстрая и резкая. Жалуются только на одно: не хватает злости, чтобы играть агрессивно. Она действительно добрая — и после игры первая идёт пожимать руки соперникам. А ещё она может после игры пойти гулять или танцевать. Её энергии хватило бы на несколько человек!

Хотя однажды я видела Юлю удручённой. Это была серия игр, где они выступали не очень хорошо, команда была несыграна, пропускали очень много мячей, не было полного состава, поэтому часто приходилось играть без смены, всю игру. Когда это закончилось, мы поехали прогуляться по лесу. Долго не ходили, сели на траву и разговоривали. В глазах её не было слёз, голос не дрожал, но мне казалось, что моя подруга плачет. Мир стал таким несовершенным. Ничего не получалось, руки опускались в переносном смысле, а колено болело и опухало в прямом. Потом она легла на траву, вытянулась и очень быстро уснула. Я смотрела на неё и думала, откуда в людях берутся силы, чтобы доходить до цели, через боль, опустошение, одиночество... Почему у некоторых людей есть спортивный азарт, без которого им невозможно жить? И как это воспитывается?

Год назад Юля играла за сборную Тюмени по мини-футболу, и тогда весь её путь был вознаграждён. Самое значительное достижение, которое запомнится на всю жизнь — бронзовые медали чемпионата России. «Мы часто бывали за границей, участвовали в разных чемпионатах и выигрывали их, но такой гордости я раньше не испытывала, — делится Юля. — Это соревнования высокого уровня для России. Мы выкладывались в

полную силу, делали всё на пределе возможностей, и у нас получилось! Именно после тех соревнований я поняла, что могу всё, стоит только приложить усилия. И все всё могут. Это было ощущение эйфории, хотя и рациональной — я трезво оценивала, какие силы были потрачены, но и понимала, что готова тратить их снова и снова, чтобы испытать подобное чувство ещё не раз».

Но, может быть, именно эти соревнования и послужили началом Юлиной новой карьеры. Прошёл год, а у неё уже успешно развивается два бизнеса, один из которых, конечно же, связан со спортом. Вместе с подругами по команде они открыли магазин спортивной одежды — качественной и «правильной» (Юля всё время отмечает, кто как одевается во время занятия спортом — нужно, чтобы кожа дышала, чтобы ноги в кроссовках не уставали, были соблюдены ещё многие нюансы).

Она всё так же тренируется несколько раз в неделю, участвует в соревнованиях, но уже скорее как любитель. Тюмен-

скую команду не забывает — смотрит онлайн трансляции их матчей, и даже пару раз летала на соревнования болельщицей. Ну и в Бразилию на чемпионат мира, конечно, собирается поехать. Такая её жизнь.

Когда была Олимпиада в Сочи, мы часто смотрели соревнования вместе. Но выступление Виктора АНА обсуждали по смс:

— Ты видела?!?
— Да! Сколько силы воли нужно ему было... В Корею он был никому не нужен, а нам принёс две золотые медали.

— У меня слёзы наворачиваются! Это невероятно. Представь — быть Виктором Аном!

— А представь — быть родителями Виктора Ана?

— А представь — женой? Видела её на трибуне? Так болеет и плачет всё время.

— Наверное, нигде больше не найти такой эмоциональной отдачи, только в спорте?

— Да, Настён, тебе этого не понять... Это счастье и опустошение, боль и радость. И когда весь зал ликует — сердце замирает. Описать невозможно — только почувствовать.

И я чувствую, когда прихожу на соревнования и говорю с ней после игры. Она умеет очень быстро восстанавливать энергию, которую выплескивает во время бега по полю. Но в её глазах плывут огоньки победы, смешанные с усталостью, и иногда наворачиваются слёзы. В них всё то же, что испытывают олимпийские чемпионы. Но передать словами это действительно сложно.

Анастасия АНДРОНОВА

Чувство места

Талантливый драматург Юля ТУПИКИНА всего два года назад начала писать пьесы, но о ней уже знают в театральных кругах. Она родилась и выросла в Красноярске, здесь же получила первое образование. Юля любит смеяться и выбивать окружающих из их зоны комфорта. 19 апреля в Красноярском драматическом театре им. Пушкина состоится премьера её пьесы «Ба».

— Юля, почему взрослая приличная девушка с профессией и образованием, не болевшая театром, вдруг пошла на курсы сценаристов?

— Я прочитала книгу Джулии КЭМЕРОН «Путь художника». И поняла, что мне надо идти в этом направлении, заниматься искусством. А перед этим я родила ребёнка, и мне было грустно в декретном отпуске. И так не хотелось снова заниматься рекламой! Появилась потребность максимально самовыразиться. Нужно было найти своё место, область, в которой я смогу сделать что-то так, как больше никто.

И сначала это было увлечение фотографией: как раз накануне беременности я отучилась в фотошколе. В декрете увлечение вроде сохранялось, но я поняла, что это не совсем то... И вот книга Кэмерон меня вдохновила, мне захотелось писать. Где этому научиться? Вспомнила об одногруппнице Ире ВОЛКОВОЙ, которая несколько лет назад окончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров, и сейчас работает режиссёром.

Как-то всё правильно сложилось. Если писатель — это было для меня что-то малооплачиваемое, то сценарист — просто более выгодно коммерчески, на сценаристов спрос в наше время больше. И оказалось, что как раз через неделю заканчивался приём документов в мастерскую кинодраматургии. Я прошла собеседование, мне дико всё понравилось. Это великое счастье было — учиться там. На занятия я собиралась буквально как на праздник.

Нас в группе было человек десять, а к выпуску осталось четверо. Сегодня из этих четверых профессией занимаюсь только я. То есть как увлечение драматургия осталась у всех, но зарабатывают на жизнь они чем-то другим. Вот, например, Илья ЗАСЛАВСКИЙ работает в Нью-Йорке нефтегазовым консультантом, а в качестве хобби написал сценарий и снял короткометражку.

Но вообще, мне кажется, драматургическое восприятие начинают воспитывать ещё в школе. На уроках русского языка у нас было задание: давалось четыре картинки, и по ним нужно было написать сочинение. Мне кажется, это очень крутая методика. Так можно научить ребёнка основам сценарного мастерства, когда ему ещё 10 лет. Надеюсь, такие задания есть в современной школе.

— Тем не менее, после школы ты поступила на факультет журналистики в КГУ?

— Да, потому что мне всегда нравилось писать, сочинения — это то, что получалось у меня легче и проще всего. Но мне ещё интересен был английский, поэтому сначала я ходила на занятия подготовительных курсов пединститута. Кошмар и ужас, будто снова на уроке в средней школе оказалась, там сидела училка и всех долбила. Я подумала: боже мой, только я сбежала из ужасной школы, и по своей воле попасть в такое же жуткое место?

А потом я пошла на подготовительные курсы филфака КГУ. И попала на лекцию Татьяны Михайловны ГРИГОРЬЕВОЙ. И это был совершенно другой уровень! Для меня, натурального подростка с правого берега, со станции Злобино, она была просто инопланетянкой: цитировала Бодуэна де КУРТЭНЭ, рассказывала об МГУ... И отношение к абитуриентам было настолько уважительное, что я поняла: я в нужном месте, здесь хочу учиться. Потом поступила. И все пять лет обучения ощущение, что я в нужном месте, сохранялось. А уехать в Москву или Питер мне тогда не хотелось.

— Но после окончания университета ты уехала в столицу.

— Мне стало скучно. Это было странное время. Все пять лет в университете я подрабатывала в разных газетах, и с каждым годом чувство, что журналистика в нашем городе заканчивается, становилось всё острее. «Мегаполис-здоровье», «Красноярский капитал», — я попадала в газеты чуть ли не за пять минут перед их смертью. А тут мама заговорила о том, что пора бы найти стабильную работу. И я сдуру пошла работать в отдел маркетинга завода комбайнов, где поняла, что не могу больше оставаться в Красноярске.

Для меня весь город превратился в один огромный завод комбайнов, какой-то непрекращающийся индустриальный ужас. И вообще завод стал для меня метафорой России того времени: рядом сосуществуют умирающее старое и пока нелепое новое. Зарплату не платят, но люди не увольняются, комбайны выпускают, но они никому не нужны. Тогда на завод пришёл новый менеджер — Юрий КОРОПАЧИНСКИЙ, интересный человек с продуманным пиаром. Помню историю, как в первые дни его работы на территории завода его окружили рабочие и стали требовать зарплату, а задолженность к тому моменту была какая-то уже фантастическая. И один из рабочих крикнул: «Мне нечем кормить моих детей сегодня вечером!». Коропачинский тут же снял с себя элегантный дорожный, пахнущий парфюмом пиджак и сказал «Продай и купи хлеб своим детям». Ну, это же был явный пиар, причём такой дешёвый. А люди на заводе работали неискушённые, приняли за чистую монету. И эту историю друг другу стали рассказывать, она превратилась в миф.

Мне там было откровенно скучно. В должностные обязанности входило составление поздравлений для партнёров с праздниками, юбилеями. Написание новостей о том, что появился новый комбайн. Проведение конкурсов — лучшие по производительности. Как-то в пресс-службу пришло письмо от детей из сельской школы, в котором они просили подарить им комбайн «Руслан» — а это была новая модель, хит среди комбайнов, красивый, бело-синий. Мне вручили это письмо

и сказали «давай-ка, Юля, ответь детям, комбайн им, конечно, никто не подарит, но в кино ты их сводишь». Вот такая странная незамысловатая деятельность.

— А как в Москве оказалась?

— Приехала на свадьбу к подруге, и поразил контраст: там люди были очень подвижные, готовые к новому, открытые, таким клёвым мне всё показалось! И я вернулась в Красноярск лишь для того, чтобы собрать сумку и уехать уже окончательно.

— Откуда у тебя такая потребность в самовыражении? Ты считаешь, это присуще каждому человеку?

— Мне кажется, это основная задача каждого человека — найти свою нишу, место, где ты — это ты на сто процентов, насколько это возможно в жизни. Поэтому когда говорят, что сейчас время выскочек, время дилетантов, невозможно одновременно заниматься и тем, и другим, — мне это странно. Это ведь как раз очень естественно — открывать свои новые грани. Я вижу в этом залог счастья.

Твоё личное счастье зависит лишь от того, нашёл ли ты свою уникальность, проявляешь ли её. На самом деле, проблема многих людей в возрасте около тридцати в том, что они не чувствуют себя счастливыми. Не могут самореализоваться. И работа вроде есть. И семья у некоторых. Но что-то тяготит, тянет-мает. И вот начинают много путешествовать, что-то всё ищут — да не могут найти... И совсем иначе у человека, который занимается тем, что делает его счастливым. Неважно, учитель он, доктор или инженер. Но он знает, что делает что-то круто и своим способом.

— А, предположим, не сложилось, не нашёл человек своего призвания?

— Очень много таких людей вокруг, немножко потухших, немножко спящих. Они сами не знают, что с ними. Они живут в полусне, потребляют товары, услуги, впечатления, но ничто их не задевает. И нет у них никаких причуд, чудачеств, хобби. Когда человек ничем не увлечён — это признак, что с ним что-то не то. Такие люди — как непротертые стёклышки. А если протереть, засверкают.

— Вернёмся к тому, что писатели сегодня не так востребованы, как сценаристы. Люди меньше читают?

— Да. На мой взгляд, книжная индустрия сегодня схлопывается, как когда-то журналистика. Такое ощущение, что современные писатели читают друг друга, а больше они особо никому не интересны. Кроме, может, десятка имён. Книжные магазины закрываются. Происходит переход на электронные книги. И люди действительно стали меньше читать. Так много вокруг интересного: качественные сериалы, кино хорошее. А почитать можно со-

циальные сети — блоги. Повсеместное явление сегодня — люди выбрасывают книги. На помойках можно найти отличные собрания сочинений.

— Что ты сейчас читаешь?

— Пьесы современных драматургов, последнее — шорт-лист белорусского конкурса «Свободный театр». Не всё нравится.

— Получается, писатели читают писателей, а драматурги — драматургов?

— Да. Но драматургов ещё читают режиссёры, завлиты. А потом ставят. И интерес к современной драматургии есть, пьесы востребованы.

— Твои пьесы автобиографичны?

— Да, но я пишу всего два года и о событиях, которые происходят со мной в течение этого времени.

— А как же баба Маша — главная героиня пьесы «Ба»?

— Баба Маша, Мария Васильевна, — папина тётя. Она жила с нами, всё моё детство была рядом, умерла несколько лет назад. Хотелось поделиться её историями, её словечками, сохранить, как в музее.

— Недавно, когда в Красноярске проходили гастроли театра Коляды, я столкнулась с тем, что несколько городов тебя делят: красноярский драматург Юля Тупикина? Или московский? А может, екатеринбургский?

— Уже, видимо, екатеринбургский. В Красноярске я родилась и выросла, драматургом стала в Москве, благодаря Олегу ДОРМАНУ и Людмиле ГОЛУБКИНОЙ. А сейчас переехала в Екатеринбург. И первый, кто меня заметил два года назад, был Николай КОЛЯДА. Первый конкурс, на котором отметили мою пьесу — «Евразия», конкурс уральской драматургии. Известно, что Коляда своих учеников любит, старается их продвигать. А после нашего знакомства он говорил обо мне тепло, рекомендовал, например, для публикации в журнал «Современная драматургия», и некоторые стали считать, что я его ученица.

— Училась журналистике — работала пиарщицей. Училась кинодраматургии — а пишешь пьесы для театра. Почему у тебя всё так извилисто?

— Оказалось очень сложно пробиться в кинодраматургию, ни одна моя заявка никого не заинтересовала. Всем нужны опытные профессионалы, а в сценарных группах работать — не моё. Вот попыталась работать в «Ворониных», но смогла продержаться всего две недели.

— Почему?

— Там работают ребята-кавээнщики, и посмотреть, как они делают sitcom, пишут шутки, создают гэги, — это было бы интересно, потому что у кавээнщиков отлично получается работать командой, и это, кстати, переключается с американским подходом —

ДОСЬЕ

Юля Тупикина, драматург

Постановки

2014, «Ба», Саратовский театр драмы им. Слонова, реж. Сергей ШИПИЦЫН.

2014, «Ба», Коляда-театр, Екатеринбург, реж. Николай Коляда.

2014, «Ба», Красноярский драматический театр им. Пушкина, реж. Евгений ЛАНЦОВ.

Фильмография:

2013, «Велосипед», реж. Андрей ТРЕВГОДА, США.

«ПАПался», 2010, реж. Геннадий ФАДЕЕВ, Россия.

Победы в драматургических конкурсах:

2013 г., «Евразия», пьеса «Ба».

2013 г., «Любимовка», пьеса «Ба».

2012 г., «Евразия», пьеса «Бэби-блюз».

2011 г., «Кино без плёнки», сценарий «Велосипед».

в Штатах тоже принято писать сериалы командами. Но создатели сериала «Воронины» уже не ситком создают. Пытаются какую-то мораль донести до зрителей, научить их, как жить. Вот это морализаторство — вообще не моё.

Я поняла, что если ты чувствуешь себя тонко настроенным инструментом, если в твою настройку вкладывались такие мастера, как Дорман и Голубкина, а вдруг ты попадаешь в оркестр, где нужно другое звучание, и тебя пытаются перенастроить, — то есть ли смысл играть в таком оркестре? Неизвестно, как ты будешь после такого опыта звучать. Всегда можно выступить соло.

— Ты в принципе способна на групповую работу?

— По сути своей я одиночка, и мне проще всё делать самой. Или найти людей, с которыми бы мы совпадали идеально. Хотя в «Ворониных» был один человек, с которым я могла бы работать вместе, под его началом. Это приглашённый консультант сериала «Все любят Реймонда» — оригинала, с которого списаны наши «Воронины». С ним было интересно. Стендап-комик, он всё делал с блеском, заряжал юмором, рядом с ним хотелось генерировать шутки. Но он, кстати, не находил взаимопонимания с руководителем нашей сценарной группы.

— Ты создаешь свои миры, героические, которые действуют и говорят так, как ты считаешь нужным. Не хочется ли также манипулировать людьми в реальной жизни?

— Я вообще человек довольно авторитарный, зачастую команду не только персонажами. И это с возрастом усиливается: когда у тебя появляются дети, ты уже должен не играть в демократию, а наоборот, напоминать, кто здесь главный. И любой человек с возрастом становится увереннее в себе, в своей правоте, за ним стоит жизненный опыт. Поэтому, наверное, и пенсионеры такие негибкие.

А драматурги, наоборот, люди гибкие и компромиссные, ведь персонажа нужно услышать, понять его неоднозначность, глубину, посмотреть на него с разных точек зрения. И тут тоже должен быть обязательно жизненный опыт, достаточный, чтобы использовать диалектику, и даже если ты согласна с персонажем, ты должна приводить аргументы против него.

— Как рождаются идеи твоих пьес?

— О, сначала это было проблемой. Когда начала писать, идей не было. Совсем. Я брала журнал «Русский репортёр» и вырезала яркие заголовки, истории, которые меня зацепили. Я не использовала их потом, но это помогло мне задуматься о том, что я хотела бы сказать, раскочало воображение. И первая пьеса — «Бэби-блюз» — была из моей жизни, о моём опыте материнства.

Импульсом к созданию пьесы «Офелия боится воды» стала история из жизни дальних родственников. У них бабушка, страдающая склерозом, каждый день читает одну и ту же книгу, дешёвый детектив. Прочитывает и тут же забывает. И утром следующего дня с удовольствием снова открывает её. Если бы это было не дешёвое чтиво, а, например, классика, «Гамлет»? — задумалась я. И из этого предположения родилась пьеса. А антиутопия «Джульетта выжила» — из сплетения сегодняшних реалий (действие всей пьесы разворачивается по скайпу) и науч-попа.

— Почему ты обратилась к шекспировским героям?

— Это смешно: я прочитала интервью с Николаем Колядой, в котором он сказал: «На что сегодня пойдёт зритель? Вот на «Ромео и Джульетту» точно пойдёт!». И я решила написать про Ромео и Джульетту. И потом мне стало интересно: практически вся литература сконцентрирована на мужчине, его проблемах, его восприятии мира. Женщины редко добивались до пера, и всё описывалось мужчинами, однобоко и узко. Та же Офелия: использовали девушку и не поинтересовались, что там с ней происходило на самом деле, любила ли она Гамлета, что там у неё на душе было.

— Да ты феминистка.

— Я сейчас как раз закончила довольно феминистскую пьесу «Вертикальная женщина».

— А ты считаешь, что это по-прежнему актуально? Всё еще нет равноправия у женщин и мужчин?

— Да какое там равноправие. Даже праздник феминистский 8 марта мужчины превратили в чёрт те что, вывернули его сущность наизнанку и поздравляют женщин какими-то нелепыми словами: «Мы же вас так любим, вы же такие хорошенькие и красивенькие, так что давайте, улыбайтесь и радуйте нас своим видом». Хотя в этот день нужно говорить о женских правах, и при чём тут вообще мужчины?

В наше время мир по-прежнему остаётся мужским. При равноправии невозможно даже представить, что кто-то начнёт войну, чтобы расширить свою территорию. Женщины такого никогда не захотят, это просто нелепость какая-то. А это снисходительное отношение к женщине, которое настолько привычно, так вошло в нашу жизнь, в нашу речь, что мы этого просто не замечаем: «ну что ты ведёшь себя, как баба!». И для того, чтобы — не бороться, нет — но хотя бы уравновесить два пола, надо это осознать и зафиксировать. И не допускать к себе такого отношения покровительственного или эксплуатирующего твою сексуальность. В первую очередь — женщинам, которые часто с удовольствием играют в эти игры.

— Как ты работаешь над пьесой?

— Это одновременно мучительный

и приятный процесс. Ты ищешь образы, сюжетные повороты, верные интонации, и что бы ты ни делала, ты всегда пишешь пьесу. Зато когда всё складывается, приходит ощущение, что время идёт не зря. Для меня самое важное — придумать и понять персонажей, почувствовать их, а дальше уже они сами выстраивают логику сюжета.

— А когда пьеса завершена?

— Радость. Хочется её всем показывать, делиться. Будто после рождения ребёнка — хочется принимать поздравления. А через неделю — писать следующую.

— Но потом приходит время, когда на этого ребёнка обращает внимание чужой человек, режиссёр, и, с одной стороны, это прекрасно — заметили, а с другой — как же отдать в чужие руки, не опасливо?

— Нет, режиссёр ведь выступает как соавтор. Он, пропустив через себя твою пьесу, может увидеть свои смыслы. Это так здорово, это как второй родитель.

— А актёры? Ты мучительно создаёшь персонаж, а потом оказывается, что актёр совсем не соответствует твоим представлениям.

— Я пока не видела постановок своих пьес: в Красноярске и Екатеринбурге их ещё готовят, а до Саратова никак не могу доехать. Но я была на читках нескольких своих пьес. И, конечно же, там всё совсем по-другому. Но это не травмирует меня, это интересно. Иногда хочется исправить неточности: у меня в «Ба», например, героиня говорит «привет от старых шиблет», актёры часто говорят «штиблет», что, конечно, правильнее, но не соответствует характеру персонажа. Это такая деревенская норма, как «спинжак» вместо пиджак.

От актёров очень многое зависит, иногда на читке некоторые шутки вообще исчезают. С другой стороны, у некоторых актёров и там, где я не закладывала юмора, зал взрывается смехом.

— А юмор — это так важно?

— Да, в жизни ведь всё перемешано, пронизано юмором, в любом конфликте можно найти смешные стороны.

— В сегодняшней ситуации в России ты тоже видишь юмор?

— Это юмор в стиле Салтыкова-Щедрина. Когда приятно посмеяться над такими историями, прочитав их в книжке. Жить в рассказах Салтыкова-Щедрина уже не так смешно. Но всегда актуально для России.

Или юмор «Ревизора» ГОГОЛЯ — эта гениальная комедия написана о нашей жизни всегда. И в девятнадцатые она была о нашей жизни, и в двухтысячные, и сегодня. Какой-то бесконечный повторяющийся «Ревизор». Недавно в Дагестане «Ревизора» поставили, переписав концовку Гоголя. Там ревизора подкупают. И спектакль — о том, что на свете нет ничего, что нельзя было бы купить.

— Насколько отличается работа с языком у журналиста и драматурга?

— Очень. Для журналиста важно передать мысль, для драматурга, как и любого литератора, — подслушать музыку речи, даже если это коряво, перегружено сорняками-паразитами. Вот Рената ЛИТВИНОВА подслушала фразу «Ну чё-то как-то даже я не зна-а-аю». Это ценно. Эта мелодика отличает художественный текст от журналистского.

— Какие задачи ты ставишь перед собой? Чего ты хочешь от зрителя?

— Мне очень важно пощекотать нервы зрителю. Ударить. Немного помучить.

— Юля, жизнь и без того непростая, а тут еще ты... Так и в театр никто не пойдёт.

— Но ведь потом будет облегчение.

Цитаты

БА. А тебе сколько лет?

ЛЁША. Тридцать пять.

БА. Вдовец?

ЛЁША. Что?

БА. Вдовец или разведённый?

ЛЁША. Холостой.

БА. Бобыль что ли? Болеешь?

ЛЁША. Нет, почему? Ну, вернее, конечно, гастрит, в детстве была дискинезия желчевыводящих путей...

БА. А воздух какой! Чем вы тут в Москве дышите? У меня аж в груди защемило. Нитроглицерин сосала на вокзале.

ОЛЯ. Ба, это где там чистый воздух? На Берёзовку твою как раз с алюминиевого завода дует. Дети вон с перепонками между пальцев рождаются, как лягушки.

БА. Тишенька, а что это ты холодец не ешь?

ТИХОН. Да я, Мария Васильевна, вегетарианец же.

БА. А, ну-ну. А вот мы в войну тоже лепёшки из лебеды пекли. А свекольным соком и узлом разведённым диктанты писали. Чернил-то не было, бедность.

«Ба»

СЕРЁЖА. Не забывай: я спасаю тебя.

ЛЕНА. От одиночества?

СЕРЁЖА. От застоя крови в органах малого таза.

«Учебник дерзости»

ЛЕНА. Смотри, какой интересный баланс белого.

СЕРЕЖА. И грудь красивая.

ЛЕНА. Смотри, а здесь мультиэкспозиция.

СЕРЕЖА. И грудь красивая.

ЛЕНА. Дебил.

СЕРЕЖА. И где ты таких слов нахваталась?

ЛЕНА. Дебил?

СЕРЕЖА. Мультиэкспозиция.

«Учебник дерзости»

АРАМ. Вы сосуды меняли?

СОНЯ. Да, поменяла. И глаза поменяла — у меня катаракта была. Печень меняла. Желудок — из-за язвы.

АРАМ. В общем-то, всё неплохо для семидесяти восьми лет.

ДЖУЛЬЕТТА. Всё прекрасно! Да здравствует наука! Ха-ха! Да здравствует трансчеловек! Мы киборги! Мы трансгумансты!

«Джульетта выжила»

И очищение. Я помню первый спектакль, который меня поразил. В старших классах мы пошли в наш театр им. Пушкина на «Продавца дождя». Я впервые плакала от того, что происходило на сцене. И потом ещё раз пошла на этот спектакль. Важно зацепить зрителя, вытащить его из привычного состояния, выбить из зоны комфорта. Искусство же — лекарство. Иногда горькое, но всегда приносит облегчение, лечит.

— Какие места в Красноярске для тебя дороги?

— Я обожаю КМЦ. Когда приезжаю в Красноярск, обязательно иду туда, смотрю выставки. Мне кажется, это какое-то самое важное место в Красноярске, и без него в городе было бы просто невыносимо. Это средоточие культурной жизни: выставки, биеннале, музейные ночи. Ведь есть же в Красноярске культурная жизнь, и довольно активная!

— Что должно произойти, чтобы ты вернулась в Красноярск?

— Если бы влюбилась в какого-то крутого парня из Красноярска. Год назад. Потому что сейчас при схожих обстоятельствах я переехала в Екатеринбург.

Александра КАЗАНЦЕВА

Помнить фотографией

В конце минувшей зимы были объявлены победители самого престижного международного конкурса фотографии – World Press Photo-2014. Ежегодный конкурс сегодня во многом определяет тенденции фотожурналистики, задаёт новую визуальную планку и всерьёз заставляет задуматься о том, как трансформируется современная фотография и наше отношение к ней. Итоги этого года дали повод не только порадоваться за российскую фотографию (победителями в разных номинациях стали три наших автора), но и поразмышлять о том, чем для нас, людей, живущих в нескончаемом информационном и визуальном потоке, является World Press Photo сегодня.

Этот старейший конкурс фотографии родился из национального конкурса репортёров Нидерландов «Серебряная камера». Его решили сделать событием международным и стали приглашать фотожурналистов из разных стран. Так хотели рассказывать людям о событиях в мире посредством фотографии, а заодно и поддерживать профессию фотографа. Первым снимком-победителем World Press Photo-1955 стал кадр датского фотожурналиста Могэнса вон Хавэна, на котором был изображён мотоциклист, потерпевший аварию на чемпионате мира в Фольк Мёлле. Пожалуй, это одна из немногих фотографий-победителей, в которой нет политики и социального ужаса, но есть драма.

Уже в 1965 году «фотографией года» станет кадр, на котором немецкий военнопленный Второй мировой войны, освобождённый из СССР, встречается со своей дочерью, с которой его разлучила война, когда девочке был один год. С этого времени World Press Photo становится не просто конкурсом фотожурналистики, но визуальным архивом событий мирового масштаба — исторического и культурного опыта человечества; а также копилкой канонов мировой пресс-фотографии.

Жюри конкурса всегда отбирало и отбирает всё самое оригинальное, выдающееся, важное из мира фотожурналистики. К сожалению, самыми глобальными и выделяющимися со-

бытиями зачастую становятся войны, природные и технологические катастрофы, социальные потрясения. Один из членов жюри World Press Photo-2013 Сантьяго Лайон говорил, что когда просматриваешь 100000 фотографий, отбирая лучшие снимки года, видишь «опыт человечества, сконцентрированный в изображениях».

Этот опыт — драматичный и болезненный, об этом говорят почти все «лучшие снимки» World Press Photo, начиная с 1956 года. Страшная и напряжённая фотография Эдди Адамса «Казнь в Сайгоне» 1968 года стала одной из самых знаменитых фотографий Вьетнамской войны. Как и надрывный снимок Ника Ута «Напалм во Вьетнаме» 1972 года — считается, что эти кадры во многом помогли воюющим странам сложить оружие. Фотография Майка Уэллса 1980 года, где служащий гуманитарной миссии держит худую руку голодающего мальчика из Уганды; снимок Чарли Коула 1989 года, в котором человек останавливает колонну танков Народной армии Китая во время народных выступлений за демократические реформы; автобус на дороге к Грозному во время чеченской войны в работе Лучиана Перкинса 1995 года. И так далее.

Итоги конкурса World Press Photo всегда становятся картиной мировой боли, но как верно заметила в эссе «Когда мы смотрим на боль других» Сьюзан Сонтанг, «фотографии стра-

даний и мученичества суть больше, чем напоминание о смерти, поражении, гонениях или преследованиях. Они напоминают нам о чуде выживания. Если мы задаёмся целью увековечить памятные моменты, то это неизбежно означает, что мы взяли на себя задачу бесконечного воскрешения, воссоздания памяти».

Итоги конкурса и выставки World Press Photo, путешествующие по всему миру, всегда ставят очень сложные вопросы, ответы на которые далеко не универсальны, а подчас и невозможны. Можно ли говорить об эстетизации смерти и насилия? Где проходят границы дозволенного в фотожурналистике? Нужно ли вообще показывать такое количество страшных и шокирующих фотографий зрителям?

«Иногда люди, пришедшие на выставку, испытывают шок от увиденного, — говорит проект-менеджер конкурса Юрре Янсэн. — Но для нас это не является причиной не экспонировать шокирующие фото. Поскольку наша задача — показать удивительную работу профессиональных фотожурналистов и ту, действитель-

ность, которую мы так часто пытаемся не замечать, боимся её». И с этим сложно не согласиться.

В эпоху Интернета и телевидения фотография становится частью глобального информационного потока, который с одинаковой бесстрашностью предлагает нам фотографии котиков и снимки с мест военных действий, митингов, революций и катастроф.

На секунду мы останавливаем свой взгляд на драматичных снимках из Сирии или Африки, Украины или Венесуэлы и думаем: «Какой ужас!». Но тут же кликаем на соседнюю вкладку браузера, где нас, скорее всего, ждёт другая визуальная реальность, не требующая сопереживания и размышлений.

Снимки прошлых WPP

В 1977 году Сьюзан Сонтанг писала: «Проблема сегодня заключается не в том, что люди помнят посредством фотоизображений, а в том, что они помнят только фотоизображения». В 2014 году мне хочется добавить: проблема заключается в том, что люди не помнят и фотоизображений, так как даже самые лучшие кадры теряются в хаосе и шуме виртуальной реальности, оставаясь лишь мимолётной иллюстрацией к экстремному выпуску новостей.

Поэтому ежегодный конкурс World Press Photo сегодня становится своеобразным социальным навигатором для зрителя, который сам не успевает, не может, не хочет поместить в архив памяти современную историю, осмыслить её, пережить. И если открыть коллекцию снимков-победителей этого года, у вас на ладонях окажется то, что пережил мир за 2013-й год.

Так, в последнем конкурсе World Press Photo в разных номинациях победили работы Филиппа Лопеза (Philippe Lopez) и Криса МакГрата (Chris McGrath) о разрушительном тайфуне «Хайян» на Филиппинах, который в минувшем году стал одним из сильнейших в истории тайфунов, погубив восемь тысяч человек и оставив без дома более миллиона филиппинцев.

Не осталась в стороне и Сирия: фотограф из Сербии Горан Томашевич (Goran Tomasevic) снял, как сирийские повстанцы готовятся напасть на контрольно-пропускной пункт сирийских властей в окрестностях

Дамаска и теряют товарища, а испанец Моисей Саман (Moises Saman) запечатлел мужчину, который делает бомбы для мятежников в Алеппо.

Фотограф Рауль Талукдер (Rahul Talukder) получил приз за драматичные чёрно-белые снимки катастрофы в Бангладеше, которая произошла из-за обрушения восьмиэтажного здания Рана-Плаза в городе Савар. А американец Тайлер Хикс (Tyler Hicks) — за снимок женщины с детьми, скрывающимися в крупном торговом центре Кении от террористов.

Если легендарные кадры World Press Photo 1960-1980-х годов, похожие на литературу от фотографии, показывали войну как противоестественное состояние для мира и человека, то современные серии-победители с помощью проверенных визуальных приёмов показывают будничность, повсеместность войны, смерти и насилия. И это едва ли не страшнее и важнее осознать.

Значимость World Press Photo ещё и в том, что в эпоху тотального фотографирования конкурс отстаивает важность и сложность профессии фотографа, которая с появлением камер в мобильных телефонах всё быстрее обесценивается в глазах обывателя.

«Сегодня фотожурналистика переживает особое время, — считает Юре Янсэн. — В Интернете, а порой и в печатных и телевизионных СМИ, всё больше фото и видео, сделанных очевидцами событий. Иногда такая информация — уникальна, и в этом её ценность. Но это не означает, что профессия фотожурналиста умирает. Наоборот, это заставляет её искать новые формы, быть гибкой, переменимой. Журналист с фотоаппаратом — не только специалист в технике, он профессионал в какой-либо теме, он ставит задачи и погружается в процесс съёмки с головой. Он не просто бездумно снимает увиденное, у него есть главное преимущество — знание предмета съёмки. Зачастую фотокоррреры проводят месяцы и даже годы, работая над одной темой. Они живут, общаются, выживают, полно-

стью пропитываются атмосферой происходящего, всё пропускают через себя, но остаются как будто в стороне. Поэтому и работы получают особенные. Простые граждане такой возможности не имеют, на мой взгляд. И если они и становятся свидетелями событий, то это не делает их журналистами».

Действительно, просматривая работы победителей последних пяти лет, можно заметить новые формы, новые веяния в визуальном языке фотографии. Рядом с классическими работами оказываются серии на стыке документальной и художественной фотографии, заходящие на территорию искусства, визуальной антропологии.

В этом году такими сериями-победителями стали, например, «Трансильвания» грузинского автора Рене Эффенди, проект «Escape» российского фотографа Динилы Ткаченко, снимок мальчиков-альбиносов из Индии, выполненный Брентом Стиртоном.

World Press Photo-2014 особенно взволновал российское фотосообщество. 1 место в категории «Портрет» получил Данила Ткаченко за проект «Escape», рассказывающий о людях в России и на Украине, которые ушли от цивилизации в леса и стали кочевниками-одиночками. 3 место в этой же категории взял Никита Шохов за «Утриш» — работу о нудистах одноимённого полуострова в Чёрном море. Елена Чернышова заняла 3 место в категории «Повседневная жизнь» за «Days of Night — Nights of Day» — серию о современной жизни Норильска. Эти фотоработы, стоящие где-то на грани фотожурналистики, документалистики и арт-фотографии, — новая российская фотография, опирающаяся на визуальный язык лучшей мировой фотографии. И смотреть на неё по-настоящему интересно.

Анна ГРУЗДЕВА

На снимках

1. Дэни Дейо, Франция, занял второе место в категории «Портреты» с серией работ, одна из которых запечатлела молодого египетского культуриста Али, позирующего вместе со своей матерью
2. Брент Стиртон, ЮАР, занял первое место в категории «Портреты» с фотографией группы слепых мальчиков-альбиносов в интернате в Вивекананде, Западная Бенгалия
3. Фотограф агентства France-Presse Филиппе Лопез из Франции завоевал первое место в категории «Горячие новости» со снимком ритуальной процессии в Толосе, Филиппины, в которой приняли участие выжившие в тайфуне «Хайян»
4. Данила Ткаченко, Россия, проект «Escape»
5. Фотограф Джон Стенмейер из США снял по заказу National Geographic африканских мигрантов на побережье Джибути, пытающихся поймать слабый сотовый сигнал из Сомали. Снято в феврале 2013 года
6. Петер Хольгерсон из Швеции занял первое место с серией фотографий, изображающих семиборца Надю Касадей, страдающую онкологическим заболеванием, перед ее последней терапией
7. Тайлер Хикс, фотограф «Нью-Йорк Таймс», завоевал второе место в категории «Горячие новости» с серией работ, включающей снимок матери и детей, спрятавшихся во время атаки на торговый центр «Вестгейт молл» в Найроби, Кения.
8. Джеймс Нахтвей. Геноцид в Руанде. 1994 г.
9. Семюэл Аранда. Фатима аль-Кавс обнимает своего раненого сына Заида. 2012 г.
10. Майкл Уэлс. Служащий гуманитарной миссии держит руку голодающего мальчика из Уганды. 1980 г.
11. Пол Хансен. Похороны в Газе. 2013 г.
12. Ник Ут. Напалм во Вьетнаме. 1972 г.
13. Эдди Адамс. Казнь в Сайгоне. 1968 г.

Снимки прошлых WPP

Выставка выставок

Пять лет назад в Новосибирске открылся филиал Гёте-Института. А четыре года назад Маттиас ВИНЦЕН, профессор истории искусств, начал готовить выставку «Пути немецкого искусства», которую институт им. Гёте привезёт в этом году в Россию. Выставка откроется в октябре в Красноярском музейном центре. В России этот проект помимо Красноярска (где в СФУ с 2009 года открыт центр изучения немецкого языка при поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте) будет представлен только в Московском музее современного искусства.

Жителям города представится возможность познакомиться с историей немецкого искусства, начиная с поствоенных времён и заканчивая молодыми художниками современности. Красноярские зрители впервые увидят произведения Йозефа Бойса, Герхарда Рихтера, Нам Джун Пайка, арт-движения «Флюксус», фотографии Бернда и Хиллы Бехеров, Арчила Гурски, работы многих других немецких художников, всего порядка четырёхсот произведений.

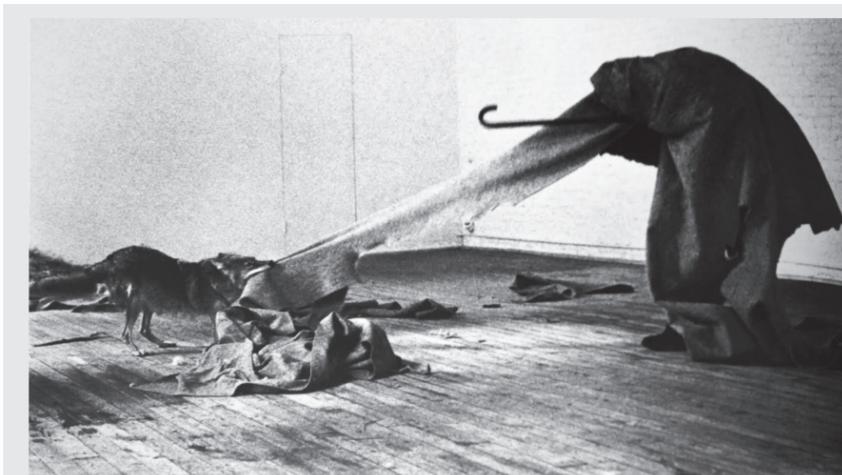
Выставка создана на основе коллекции IFA — Института связей с зарубежными странами, основной целью которого является распространение современного немецкого искусства по всему свету. Многие знаковые выставки-туры немецкого искусства были подготовлены при поддержке IFA, некоторые из них мы уже видели в Красноярске — выставка Зигмара Польке, Отто Дикса, Барбары Клемм и др.

Куратор выставки Маттиас Винцен в феврале приезжал в Красноярск, чтобы «вплывить» выставку в реальные пространства Красноярского музейного центра. И нам удалось записать с ним разговор (который шёл на английском).

— **Расскажите поподробнее о выставке, которую красноярцы увидят в октябре: её концепция; художники, которые будут представлены.**

— Со-куратор Маттиас ФЛУГЕР и я готовили эту выставку четыре года, работая с коллекцией IFA. IFA, постоянно занимаясь подготовкой выставок-туров по всему свету либо с разными художниками, либо с теми наподобие «Фотография из Германии», приобретал работы у художников и фотографов, потому что покупка произведений искусства обходилась дешевле, чем их страховка. Этот процесс продолжался несколько лет, и неожиданно IFA обнаружил, что у него появилась собственная коллекция. Это была не специально собранная коллекция, она формировалась без особого плана. Маттиас Флюгер и я пришли её посмотреть. Всего она включает 23 тысячи предметов, но многие из них не столь значимы — просто декоративные вещи для украшения польств. А три тысячи работ — это серьёзные произведения искусства.

Мы отобрали для выставки 400 работ порядка 100 художников. Эти работы отражают историю немецкого искусства за последние 60 лет. Здесь собрано искусство из обеих частей Германии — с Запада и Востока. Мы собираемся представить выставку в новом ключе. Дело в том, что когда

↑ Йозеф Бойс. Фотография перформанса с койотом «Я люблю Америку и Америка любит меня». 1981

← Катарина Зивердинг. 1973

→ Нам Джун Пайк. Улыбающийся Будда. 1992

↑ Мартин Хонерт. Летающая комната

на выставке одновременно объединяют произведения из Восточной и Западной Германии, то сразу понятно, что речь идёт о «политических вещах». Что делали в ФРГ? Что в ГДР? И т.п. И это не слишком умно. Взглянув на коллекцию, мы заметили, что художники из Западной и Восточной частей Германии часто развивались параллельно.

История искусства не должна идти вслед за политикой. Политическая история считается настолько важной, что искусство часто используется, чтобы проиллюстрировать её. Но художники — это художники. Поэтому мы решили подчеркнуть взаимосвязи между западногерманским и восточногерманским искусством через призм десятилетий.

То, что мы пытаемся проиллюстрировать, — это «временной туннель», «узор времени», сложившийся за последние 60 лет. Мы хотим переложить этот «узор времени» в пространственное повествование. То есть, когда вы придёте на выставку, то сначала окажетесь в 1950-х.

Потом в 1960-х увидите «Флюксус», в 1970-х перейдёте к феминистическому искусству, потом к перформансу и телесным произведениям искусства 1980-х. После увидите возвращение к фигуративности, к лицам, но к наивному и простодушному способу их изображения, как будто абстракции никогда не существовало, концептуализм никогда не существовал. Лица и фигуры людей помещены в проблемные ситуации, соотношение фи-

гуры и контекста становится главным вопросом.

— **Вы сказали, что будет представлен перформанс. В какой форме?**

— Перформансы будут представлены в документах, а иногда сами художники переводят результат своих действий в перформативную фотографию. Такие фотографии — это не просто документация, они очень большие, подобны театральной фотографии. В том смысле, что перформанс не просто сфотографирован, но само фотографирование — это перформанс. Например, Катарина Зивердинг использует лицо как фасад здания, фотографирует его очень крупно, поэтому фотография в данном случае — это перформанс.

— **Как вы полагаете, произведения каких художников будут пользоваться особым интересом у российского зрителя?**

— Мы представим работы Йозефа Бойса, насколько мне известно, этого художника знали в Восточной Европе ещё до падения Берлинской стены. Будет показана одна его большая работа: витрина с рядами рисунков. Это фантастические рисунки — революция в области того, чем является рисунок. Рисунок — это не шедевр, это в большей степени внутренние ассоциации и попытка записать их, хорошая запись твоего внутреннего воображения; не продукт, а попытка запечатлеть процесс воображения. Это совершенно новый тип рисунка, который Бойс начал практиковать. Это соотносится с идеями «Флюксуса», с перформативными практиками, которые возникнут позднее.

На выставке также будет представлена очень хорошая работа Нам Джун Пайка «Будда, смотрящий телевизор», а в телевизоре горит свеча. Это одно из самых умных медиа-арт произведений из тех, что я знаю.

Также можно будет увидеть картины Герхарда Рихтера, Зигмара Польке.

Фотография играет большую роль во всей выставке. Будет представлена Бехеровская школа из Дюссельдорфа с Томасом Штрутом и Андреасом Гурски, Томасом Рутфом, Кандидой Хёфер, Акселем Хютте. Но на выставке собраны также и другие фотографии, имеющие отношение не только к школе Бехеров — например, Барбара Клемм, Сибилле Бергман из 1950-х; Арно Фишер, то есть действительно крайне важные фотографы.

Можно будет увидеть, как за последние шестьдесят лет в немецком искусстве фотография превратилась в вид искусства. В середине прошлого столетия либо сами фотографы довольно просто относились к фотоснимкам, либо, даже если сами фотографы были серьёзны, считали себя художниками, то никто другой не воспринимал их работу как искусство. Только в 1980-е годы широкая публика осознала, что фотография — это такой легитимный вид искусства. Каждый сможет увидеть эту эволюцию отношения к фотографии на выставке.

В области фотографии также сильно ощущаются пересечения между Западной и Восточной Германией, в обеих частях страны фотографы работали над одной и той же проблемой, темой. Мы собираемся представить их работы лицом друг к другу, чтобы можно было увидеть то, что их менталитет очень близок, независимо от политического контекста, потому что искусство — это что-то отличное от политики. И также вы сможете почувствовать, что фотография была довольно свободной практикой в Восточной Германии, поскольку она не

рассматривалась как искусство. В то время как живопись цензурировалась (отсеивались буржуазные признаки, доминировал социалистический реализм), идеологи полагали, что фотография — это просто фотография, нет смысла контролировать эту сферу. И Сибилле Бергеман, Ульрих Вюст и другие могли делать фантастические произведения фотографического искусства, это действительно самый либеральный вид искусства в ГДР. Мы обнаружили это, пока работали с коллекцией, мы не знали об этом раньше.

— **Поскольку на выставке будет представлено и нынешнее положение в немецком искусстве, не могли бы вы обратить внимание на тех молодых художников, работы которых крайне интересны?**

— Современная немецкая арт-сцена очень разнообразна. Нет доминирования одного стиля или одного вида искусства — живописи или скульптуры. Я бы сказал, что работы молодых художников объединены очень утонченным и структурированным юмором. Например, Питер Пиллар. Он выставляет фотографии, но не свои фотографии, а те, которые он подбирает в газетах. В газетах есть разные группы фотографий: например, есть фотографии, которые не помещают на переднюю страницу, а они оказываются в частях, посвященных местным новостям города. И это всегда один и тот же тип фотографий в разных городах. И художник коллекционирует подобные снимки. Например, одна из тем, которая появляется всегда — «стреляющие девушки». Когда проходят спортивные соревнования по стрельбе, и местные журналисты должны сделать репортаж об этом событии, они всегда фотографируют девушек. Огромное количество фотографий в местных немецких газетах со стреляющими девушками. Другой тип фотографий — о происшествиях на улицах. Например, образовалась яма на дороге, канализацию прорвало и т.п. И на фотографиях представлено, как собрались городские чиновники, делать по сути ничего, поэтому пять офисных работников внимательно смотрят в эту яму. Питер Пиллар собирает такие группы фотографий и делает картины из картинок. Это очень смешно, но также наполнено рефлексией.

Другой пример — известная женщина-художник Коринн Васмут. Она довольно влиятельна, сейчас она профессор в Карлсруэ, мне кажется, она играет наставническую роль для многих молодых художников. Она делает гигантские картины маслом на дереве, как в эпоху Ренессанса. Качественная масляная живопись, но содержание её работ — очень яркий свет. Она использует древнюю изобразительную технику, примерно как в Средневековье, но совмещает её с современными медиа для презентации изображений. И это действительно очень сильно связано с концепцией человеческого видения, потому что это странный микс разных изображений (абстрактные яркие световые пятна и фотографические силуэты людей), которые то появляются, то исчезают по мере того, как ты всматриваешься в картину. Рефлексия над эпохой цифровых изображений: образы появляются и теряются вновь. И она фиксирует это состояние. Диалог между древней живописной техникой и текущим цифровым измерением. Таким образом, её работы о том, как проходит время: сейчас мы видим что-то, а в следующее мгновение уже другое изображение сменяет его, и следующее, и следующее. Звучит просто, но это не просто. Станет понятно, только когда вы это увидите.

↑ Питер Пиллар. Всматриваясь в дыры

↑ Катарина Фритш. Пантеры. Деталь. 1992-94

↑ Йозеф Бойс. No weekend

↑ Сибилле Бергеман из Памятник, 1975-1986

— **Вы собираетесь полностью перестроить экспозиционное пространство для презентации выставки, насколько я слышала. Что именно вы собираетесь сделать?**

— Это очень большая выставка. Она займёт три этажа в здании музея. Идея заключается в том, чтобы отобразить шестьдесят лет развития искусства в пространственном повествовании. Движение от эпохи к эпохе. И это требует пространственной структуры, в которой ощущалась бы это протяженность во времени, пространство должно рассказать вам историю. Чтобы зритель понял: «А! Здесь речь идёт о 1950-х годах о постнацистском времени: искусство не слишком разрешено, не слишком много экспериментов». Потом: «Ага, теперь это «Флюксус»: произ-

ведение искусства как продукт отходит на второй план, теперь это в большей степени об искусстве как течении, как креативности. А здесь само тело становится знаком, само тело становится изображением, что раскрывается в перформансах, боди-арте», — это вы уже скажете, когда придёте к 1970-м.

Как я уже отметил, фигура и лица вновь появляются в живописи в 1980-е, но уже не в простодушном ключе. Например, будет представлена огромная работа Мартина Хонерта с детьми: большие фигуры, которые создают практически театральную постановку, разворачиваются в театральной перспективе. Но это в большей степени не о детях, а о том, как нам запоминаются вещи, о структуре памяти. Мартин Хонерт представлял Германию на Ве-

нецианской биеннале в 1995 году. На самом деле довольно большое число художников, чьи работы будут представлены на выставке, были участниками Венецианской биеннале.

— **Как вам понравилось путешествие в Красноярск и пространство Красноярского музейного центра?**

— Мой визит в Красноярск слишком короткий, поэтому у меня не успело сложиться неформальное представление о городе, а формальное представление — очень позитивное. Люди в музее работают активные. Мне понравился проект Красноярской биеннале — хорошее дело, важные проект и инициатива. И я вижу, что Красноярский музейный центр находится в процессе трансформации из Музея Ленина в Музей искусства, то есть ведётся постоянный диалог между тем временем, когда был построен музей, 1980-ми годами, и современностью.

— **Вы работали в Баден-Бадене, о котором часто упоминается в классической русской литературе. Есть ли русская публика там сейчас, как она относится к современному немецкому искусству?**

— Да, в Баден-Бадене много влиятельных и богатых покупателей искусства из России.

Александра СЕМЁНОВА

КОММЕНТАРИЙ

Александра ТАЯНЧИНА,
журналист «Стольника»:

— Немечская культура в целом всегда представляла для меня явление весьма значительное, позволяло себе сказать, даже всеобъемлющее. И, безусловно, запоминающееся и яркое. Необыкновенные фантазматические ГОФМАНА, страстные идеи НИЦШЕ, которые по сей день толкуются и интерпретируются на разные лады, грозная и удивительно пронзительная музыка ВАГНЕРА, полная живой энергии бурлящего океана. А блистательная эпоха йенских романтиков и фантастическая веймарская четвёрка... Сколько удивительных граней и талантов!

Именно поэтому выставка «Пути немецкого искусства», я думаю, станет удивительным приключением, полным неожиданностей. Поистине поражает масштаб, ведь будет представлена галерея образов и мгновений, запечатленных в художественной форме за 60 лет. А самое важное — сложных для немецкой культуры 60 лет, насыщенных невероятными историческими перипетиями и трагическими событиями, расколом нации и тотальным контролем.

Однако от этого современное искусство и духовный мир Германии становятся ещё интереснее. Ведь это время наполнено сильными фигурами художников и писателей, которые умели не только шокировать зрителей с наивной картиной мира. Противоречивая, двусмысленная картина современного немецкого искусства, в которую требуется вглядываться, как в стекло, затуманенное хрустальными каплями дождя, конечно, требует от зрителя определённой степени интеллектуальной и эмоциональной подготовки. А иногда даже смелости. Потому что многие мастера зачастую поражают иронической диалектикой обывательского и художнического!

Надеюсь, что выставка прозвучит для меня самыми тонкими лейтмотивами и фейерверком экстравагантностей, а не будет похожа на барабанную дробь мрачного фарса в духе Гонтера ГРАССА.

Зафиксировано

на Красноярском экономическом форуме

Даже если бы у нас было по десять глаз и ушей — услышать, увидеть и переварить всё, что прозвучало на Красноярском экономическом форуме, вряд ли представляется возможным. И всё-таки ряд громких заявлений, сделанных там и сям на разных площадках форума, хочется застолбить в нашем коллективном сознании. Ведь это то, что нас ждёт.

В 2017 году в Красноярске появится новый авиационный терминал, который будет конкурировать с другими аэропортами России

54 млрд рублей

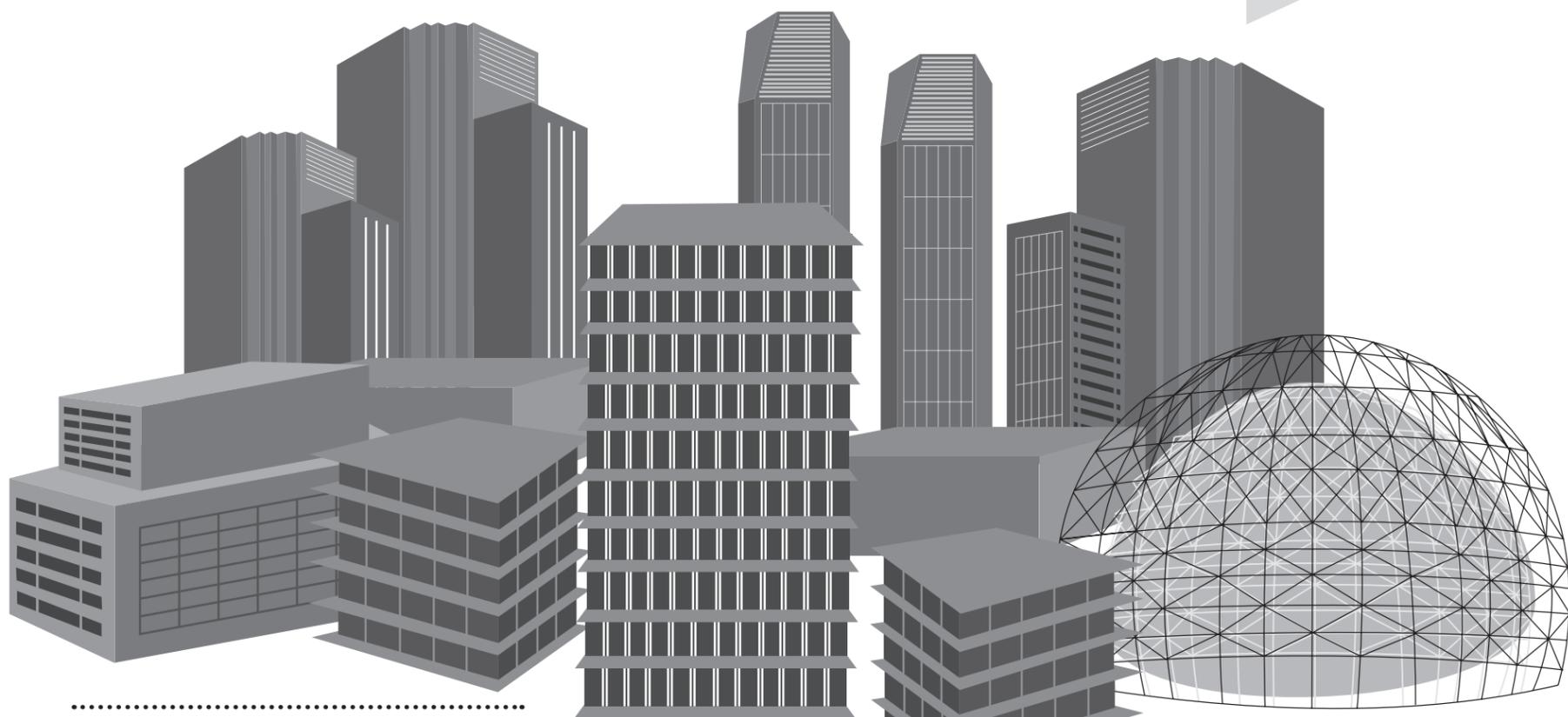
будет выделено на поддержку российских технопарков до 2020 года. Из них 1 млрд 764 млн — уже в 2014 году. Это позволит повысить число созданных технопарков до 205 (260 тыс. рабочих мест), обеспечить выручку их предприятий более 1 трлн рублей, а налоговые платежи — 138 млрд рублей в год.

35%

такой станет доля продукции отечественных производителей детских товаров в России в 2020 году. Сегодня это 22%.

195 млн тонн

на столько можно снизить ежегодное потребление энергоресурсов в России к 2020 г.

МСП Банк планирует инвестировать до 100 млн рублей в создание в Красноярске производства поликерамопласта, ежегодный объём которого достигнет 768 тонн к 2018 году.

40 000 рабочих мест

в ближайшие годы позволит создать развитие «Восточного полигона» (этим понятием объединены основные транспортные маршруты Сибири — Байкало-Амурская и Транссибирская магистрали).

7 000 мест

будет в многофункциональном спортивном комплексе «Платинум-Арена», который к Универсиаде-2019 готова построить компания «Русская Платина», инвестирующая в Красноярский край 220 млрд рублей

